



**Информационная продукция для аудитории
старше шестнадцати лет**
(согласно Федеральному закону № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Сергей Платон

Город Бург

Рассказы, миниатюры

Журавли

– Высота, не высота... осень... даль какая-то... Вот водка мне нужна такая... Высота? Или даль? называется она... как-то красиво...

– Журавли?

– Точно! Две бутылки.

Только что брал основной продукт в соседнем гастрономе по фамилии «Исетский» и заслушал, стоя в очереди, этот милый диаложек.

Но как же Настя, грушевидная, редко приветливая продавщица винного отдела, пунцовое лицо которой ярко отражает все её лихие сорок лет, сумела разом догадаться, о чем попросил очень стесняющийся мужичок в несвежем адидасовском костюме, промокшем на плечах от снега? Умничка, Настасья!

Даль, осень, мокрый город, водка, красота и высота.

Конечно, журавли... Действительно, красиво...

Сырк

Крохотная чувашская бабушка заблудилась в уральском мегаполисе. С утра шла в церковь, и все время попадала в цирк. Услужливые горожане весь день направляли, пальцем тыкали, рукой показывали, быстро объясняли, куда и как идти, даже рисовали на бумажке оптимизированный бабушкин маршрут. Старушка обалдела от жары и пыли, от доброго внимания к себе и от мистической недостижимости поставленной задачи. Уже кругов пятнадцать по центру намотала, проехала в маршрутке, на трамвае, на метро. Сплошные фокусы и чудеса! Все дороги города приводили к цирку!

Там рядышком, через дорогу, у забора Дендрологического парка, остывающим летним вечером, я и подслушал-подглядел скиталицу. Рядом стоял участливый пацан, щуря порочные от рождения глаза. Он безостановочно и аккуратно сплевывал в сторону ограды, стараясь не задеть плевками прутья кованой решетки, и внимательно прислушивался к путаным словам:

– Сырк! Сырк! Мне в сырк! В сыркв надо!

– В церковь, что ли? – смеясь, переспросил спаситель. Пусть был он пьяненьким, помятым, неприятным с нашей точки зрения, но только он и понял.

– Сырк! Сыркф! – отрадно закивала бабуля.

- Пойдемте, мама. Отведу! - неожиданно нешуточно ответил парень.

Майский снег

Пушистый, мягкий, розовый...

Теплый майский снегопад в Свердловске шестьдесят пятого года двадцатого века.

Смотрю на старую фотографию и прекрасно понимаю, что это же несколько не выцветшие краски! Это же реальная цветовая гамма того самого времени! Пастельная живопись снежных мазков, случайный фоновый оранжевый трамвайной раскраски, желтая капля фонаря, густо присыпанная снежком, будто солью. Рядом почти наголо постриженная акация, фасадная охра хрущевских многоэтажек, расчерченное белой пешеходной зеброй сизое зеркало асфальта.

Мне кажется, я из всего из этого родился.

А в центре фотки - женская фигурка с сумкой. Мама? Плащ, косынка, туфли с каблучком. Всё в гамме времени, всё та же приглушенная зелень, охра и немного розового. Да и снег летит такой же, охристо-зелено-розовый.

Могло же так случиться, что именно она (со мной внутри) прошла тогда под объективом? На обороте же написано: «май, 1965». Изумительная картинка, истинный портрет

исчезнувшей эпохи. Через два месяца после нее, в июле, много лет назад, я появился в этом городе.

Исторический максимум

В екатеринбургском Доме Метенкова этой ночью дышалось тяжело, будто в деревянном туеске, оставленном в остывающей русской печи. Глотаешь жаркий воздух полной грудью и не можешь продохнуть, такой тягучий дух висит во всем особняке, тяжелый, маслянистый и невкусный. Было легко почувствовать себя куриной грудкой, карпом или раком, тушеном в собственном соку. Трактирным блюдом я себя и ощущал.

Пикантный пот подчеркивал все те же чувства. Какими же им быть в подобной атмосфере? Где пот, там и кабак, трактир. Тем более, в таком пространстве – второй этаж особняка из девятнадцатого века. Тем более, второй этаж на каменной основе первого, плюс – жестяная крыша. Подобные дома в свое время звались полукаменными.

Таких домов пока по городу живет еще немало, хоть их и резво выкорчевывали в ельцинские времена, да и в нынешние тоже продолжают изживать из городской среды. Оставшиеся, крепко впившиеся в историческую часть, сейчас напоминают угли. Днем раскаляются, а ночью остывают. На всем Урале

буйствует многонедельная засуха, а в Екатеринбурге установился какой-то уж совсем металлургический зной. Первая новость у всех радиостанций – исторический максимум температур.

Лето. Народ вспотел, разделся. Думает, что носит шорты, бриджи, джинсы, брендовые юбки и спортивные костюмы, на самом деле сызнава нарядился в те же самые вечные трусы, порты, рейтузы, кальсоны, панталоны, штаны, сарафаны и прочие «ночнушки». Разыскивая тень, вышагивают по улицам уездной столицы сотни тысяч новых модников в исподнем из позапрошлого века. Оно на первый взгляд смешно, но так хотя бы не так жарко. Все озабоченные, гордые, шныряют мимо Дома Метенкова, мимо снаружи милого музея, куда пируэт биографии запарил меня служить охранником.

А вот и не охранником, а сторожем, этак-то точнее. Почитай вот весь июль хожу-сторожу. Слово «сторож» уютное, мирное, несколько пенсионное, мне в самый раз. Какая вот разница, где мне ходить ночами из угла в угол, в своей пятиэтажке или в доме Метенкова? А слово «охранник» тревожное, воинственное, бойцовское, музейной реальности чуждое. А книжки не кормят. А если кормят, то не авторов. А писать надо. Есть такое слово – «надо», даже если ты не графоман, а графофоб и пишешь только то, что очень-очень надо. А в музее

сторожам за сутки хождений из угла в угол положено жалование. Конечно же, не только за одни хождения, за монтаж и демонтаж выставок, за гардероб, за разнообразную погрузку и разгрузку, за дворницкие, сантехнические и курьерские труды. Радость-то какая!

Свой автограф вечности я здесь уже оставил, чуть ли не в первый день! И это были далеко не тексты. Я же собственноручно (целиком), серьезно и густо покрасил «черную лестницу» масляной краской цвета младенческих кашешек. Последние сто лет полы и лестницы здесь красят только этим цветом. С годами и мой слой закрасят, но он будет! Таких слоев там сотни. Вот же оно, мое письмо в культурный слой.

В этом доме, ночами, прекрасно читается Чехов. В этом доме отвратительно пишутся новые тексты. Беспокойный он, суетный и суматошный всяким днем, а по ночам ворочается и хрустит-скрипит всеми углами. Не спит он толком, как и все дома вокруг Вознесенской горки. Сон у него тревожный, короткий.

Вот и хожу себе, днем в доме тружусь, ночью дом сторожу. Понятным делом занят.

В должностной инструкции твердо прописано: «без права сна», однако раскладушка полагается. Нюанс профессии, попробуй, поспай тут сутки на ногах, нет-нет, а надо вытянуться. Особенно в такой-то духоте.

Ночь пропитывает тишиной интерьеры и мысли. Под самым потолком постанывает плоский кондиционер, какая-никакая, а прохлада. Ночь в самом центре Екатеринбурга, ночь в музее. Двери заперты, книга дочитана, дом остывает. В форточки течет уже не зной, а легкий теплый ветерок, и вместе с ним порою долетает смех уличных девок, светятся зеленые дежурки тусклым словом «выход», изредка, за окнами, пердя моторами, проносятся дурные байкеры. Ну, правда же, пердят проказники, другого слова и не подобрать. «Они так озоруют, шельмы», сказали бы о них лет сто назад. Теперь, наверно, говорят: «выделяются, трескуны». Зато напоминают мне о должностной инструкции. Да и вообще, какой тут сон, когда аж стекла дребезжат? Простая ночь без права сна.

Все ночи так оно и было, но не в эту ночь.

А мог бы догадаться, посмотреть на календарь, ведь этой самой ночью, почти сотню лет назад, здесь у нас убили маленького мальчика с родителями и со всеми сестрами. Здесь расстреляли царскую семью. Тут, в этом самом месте, у подножия Вознесенской горки, в Ипатьевском доме, в двух шагах от Метенковского.

Говорят, семья «пошла ко сну» в 22.30, и расстрельная команда собралась примерно в то же время. А у меня в музее этой ночью именно в половине одиннадцатого сломался кондиционер. Пыхтел, пыхтел, и отключился, оставив

задышаться в липком зное. Даже банальный литератор такой символикой побрезгует, как и самый затрапезный символист. Пошлятинкой все это отдает, и не годится кассовым сюжетам.

Но жизнь, как выяснилось, не литература, ей – годится.

Какой тут сон? Сиди теперь, кури и думай. Не думай, чувствуй. А о чем, зачем? Да вот, хотя бы о том, о чем ОН чувствовал (да, именно не думал, чувствовал) той душной ночью под редкий скрип телег, вскрики озорников, короткий смех уличных девок и, уж прошу прощения, громкий пердёж входящих в моду авто.

Колесо обозрения

– Знаешь, как он тебя назвал?

– Как?

– Новый папа! – глухо рассмеялась коренастая женщина, прикрыв улыбку кожаной сумкой с потертым, аккуратно заштопанным уголком.

Из сумки торчали игрушки, бутылка сладкой газировки, лопатка и зонтик, свисал капюшон детской курточки, виднелся помпон вязаной шапки. А над всем этим типичным родительским набором самого необходимого для воскресной прогулки в парке с ребенком сияли счастливые глаза. Их даже нисколько не портила

излишне яркая подводка, черная тушь на светлых ресницах и синие тени. Глаза эти тоже смеялись безмятежно и искренне.

Коренастый мужчина в новом и явно неудобном костюме, сморщив губы улыбкой, присел на корточки над большеголовым малышом. Ребенок выпучил и без того огромные, совершенно мультяшные глаза с белесыми ресницами, разглядывая коричневые лацканы, блестящий золотом значок, ворот клетчатой рубашки, золотой колпачок авторучки, прицепленный к наружному карману, узел синего галстука и крепкую красную шею. Так близко он увидел их впервые, как и огромные ладони, взявшие его за плечи.

- Так, слушай, - глухо откашлялся мужчина. - Какой я тебе новый папа? Я твой просто папа! Скоро вместе будем жить. Все вместе, ты и я, и мама. Понял, Лёнчик?

- Я Алеша.

- Какая разница? Ты меня понял? Кто я для тебя?

Мальчик абсолютно не разобрался, на какой из вопросов надо ответить, но на всякий случай согласился:

- Да.

- Что да? Кто я тебе?

- Папа? - осторожно предположил мальчуган.

- Папа, да. Соображай, друг дорогой, и не тупи.

- Пить будете? - присаживаясь рядом, спросила мама. Положив сумку, игриво вынула большую пластиковую бутылку, выдала им в руки, прильнула всею собой к коричневой мужской спине, уцепившись руками за широкие плечи. Она дурачилась, ей нравилось резко выглядывать то из-за одного, то из-за другого плеча, показывая сыну язык. Детеныш хихикал, такая игра ему тоже нравилась, он раскачивался, пытаясь угадать, откуда вновь появится мамино лицо.

Над ними, хрустя и скрипя, медленно вращалась громадина старого колеса обозрения. Ветхое оно у нас, это колесо, ржавое, скрип от него на весь парк. Честно-то говоря, боязно влезать на такое вот, действительно чёртово колесо, дай бог ему здоровья, готовое не сегодня, так завтра сорваться с прогнивших опор, эффектно скатиться под горку, и с грохотом плюхнуться в обмелевшую речку у парковой набережной. Скрежет от его вращения беспокоил то ли тихим воем, то ли стоном некоего крупного животного, завершающего свою жизнь. Сомнений никаких, скоро эта жизнь закончится наверняка, колесо стоит в парке Маяковского годов с семидесятых прошлого века. Все, решающие прокатиться, тревожатся, конечно, а вдруг как раз в момент их близкого знакомства с этим чудищем, как раз в момент их отрыва от земли издохнет наше механическое существо и рухнет вместе с ними? Все трусят, не без этого,

однако не уходят. Как говорится, все пищат, да лезут. В кассу вон целая очередь выстроилась.

- Не сдам я вам! Идите, меняйте... - выстрелил острый голос из недр кассовой норы, как из амбразуры.

- Вы обязаны сдать сдачу! - гневно просипел в ответ мальчишкин папа, наклонившись к окошку, будто к микрофону. Он не принял возражений, насупился уже, раздражался, но держался. Билеты были у него в руках, мальчик ежился и жался к маме, а на блюде кассы сквознячком трепыхалась новенькая купюра самого крупного номинала.

- Ну, хорошо, я сдам. Только разменяю сначала, - неожиданно мирно прокричала кассирша, - подождите чуток.

Купюра исчезла, окошко закрылось, маленькая бытовая война не состоялась.

Двое почти взрослых школьников из очереди тут же заняли вынужденную паузу увлекательной игрой в войнушку, не хотелось им стоять спокойно. Эти лоботрясы срывали оранжевые гроздья переспелого кизила с кустов, окружающих кассовую будку, быстро съедали вяленую мякоть, обсасывали косточки до белизны, от кислоты комично-драматично корчили друг другу кислые рожи, и метко стреляли косточкой из влажных пальцев прямо в рожу противнику, стараясь увернуться от ответных выстрелов. Прямое попадание рождало громкий хохот, причем, не только у дурашливых

бойцов, затеявших потешную перестрелку, но и у очереди.

– Так, блин, живой уголок имени Дурова, может, уже пропустите меня? – кричала вернувшаяся кассирша, норовя проскочить к своей двери за кустами, и тоже смеялась.

По дороге она сунула сдачу в руки мужика с билетами, почти уже исчезла в будке, но тут в ее затылок, последним залпом той комической войны, прилетела кизиловая косточка. Парни вытянулись по стойке смирно. Кассирша развернулась, медленно прошла перед ними, будто низкий генерал перед строем долговязых новобранцев, неспешно изучая очень серьезные лица с очень смеющимися глазами, покрутила у каждого перед носом маленьким кулачком, возвратилась к двери и уже оттуда крикнула:

– Я вот вам стрельну! Мало не покажется!

Вновь открылось окошко, очередь резво двинулась и скоро начала исчезать. Притормозилось движение, когда подошел черед двух лоботрясов, они положили на блюде необходимую сумму, а вместо билетов увидели фигу из кассового окна. Народ, естественно, смеялся. Чем завершилась новая стадия комичной войнушки, Алеша, мама и новый папа не узнали, поскольку они уже подошли к новой очереди, на посадку.

Рассаживал суетливый дедок в мешковатом комбинезоне. Он отрывал корешки билетов, на ходу вталкивал пассажиров аттракциона в

проплывающую люльку с четырьмя металлическими креслицами, тыкал пальцем в цепочки и крючки на ручках сидений, объясняя, что это страховка, пересчитывал по головам, чесал бороду под подбородком, и бежал к сетчатой калитке за следующей группой. Пропуская Алешу с мамой, дед поторопился, сначала прижал сумку калиткой, помяв пластиковую бутылку и зонтик, потом резко выдернул и впихнул в руки растерянной женщины.

- Я чога не понял, - гневно ругнулся мужчина, - ты чо это, отец? Глаза разуй! Видно, не отпустило его предыдущее раздражение, теперь вот и выплеснулось.

- Простите, - невозмутимо извинился дед.

- Ладно, езжайте, я жду.

Поднимаясь, люлька дребезжала и немного раскачивалась, под ней завывали моторы, с каждой секундой этот электрическо-металлический гул становился слабее, он оставался где-то внизу. Алеша и мама плавно взмывали над городом. Мальчик вцепился в холодные поручни, смотрел только прямо перед собой, сбивчиво дышал и трясся. Мама говорила ему что-то ласковое, показывала какие-то дома на горизонте, объясняя, что вот там, среди них, находится их дом. Мальчишка взглянул в сторону маминых жестов, посмотрел ей в лицо, всхлипнул, опустил глаза в пол. Мальчик плакал.

- Ну, что ты хнычешь, Лёшик? Прямо, как лялька. Ты ведь уже большой.

- Ботиночки, - чуть слышно прошептал ребенок.

- Что?

- Ботиночки, - каким-то ужасающим шепотом выдохнул мальчик.

- Ничего не понимаю, что за ботиночки? - спросила мама и пересела ближе.

- Ботиночки... на глазки... - уже не шептал, а кричал сквозь рыдания маленький человек. Лицо его искажал вовсе не страх, а отчаянное недоумение. Он совсем не боялся высоты, он испытывал настоящее горе от потрясающего впечатления, только что случившегося там, на земле. И мама все поняла, усадила к себе на колени, прижала к груди.

- Господи... Как же ты жить-то будешь?.. Неженка... Ляля... - тихо шептала она прямо в его макушку. - Ты его не бойся, он просто так сказал. Это просто слова. Это люди просто так говорят: «разуй глаза». Это люди ругаются так. Надо же... Ботиночки на глазки...

На самом верху Алеша успокоился и заснул, а мама, пока он не видел, немного поплакала, не особенно осознавая причину своих слез, скорее чувствуя ее.

Все радости уходящего дня, все эти милые проявления элементарной, такой редкой для нее беззаботности, пропали. Уже не радовало наличие денег на мороженое и на «домой

доехать», не веселили качели-лодочки, когда на крайней точке раскачивания щекочет в животе, не забавляли американские (которые русские) горки, когда ты вдруг не понимаешь, где верх, где низ на этом свете. Не очень-то огорчило, но быстро наскучило такое желанное в детстве путешествие на ДЖД (детской железной дороге). Они долго покупали билеты, ждали отправления, медленно тащились в игрушечном вагоне по узкоколейке с остановками на крохотных станциях, пока не приехали туда, откуда выехали.

Сынок быстро забыл все свои страхи, играл с новым папой, набираясь новых впечатлений. А вот она никак не могла рассмеяться, не могла совладать с испорченным настроением, не могла просто выдохнуть, чтоб раз и навсегда забыть эту глупую фразу: «ботиночки на глазки».

Седьмое ноября

Вечер главного советского праздника скатился во двор слишком резко, будто бы невидимый дяденька-великан выключил в городе дневной свет. Двор изменился неузнаваемо, из него совсем пропали краски.

Точно так же преобразалась и наша белая комната, когда мама щелкала выключателем, уложив меня в белоснежную постель на огромную подушку с хрустящей крахмальной

наволочкой, на столь же жесткую и немного прохладную простыню, под тяжелую перину в таком же жестко накрахмаленном пододеяльнике. Очертания мебели были на месте, но за ними висела чудесная чернота. Было страшно и интересно смотреть в нее перед сном. Изредка за окном проезжала машина – темнота тогда съезживалась, уползала под стол и за шкаф, пряталась за комодом и печкой, возвратив на секунду наши белые известковые стены и потолок.

Я представлял себя маленьким белым медведем из мультика, устроившимся на ночлег в сугробе. Накрывался одеялом с головой и наблюдал в тонкую щель за непонятной темнотой, как зверь из норки. Она была живая, эта темнота. В ней что-то где-то там происходило. Мне было страшно интересно попробовать увидеть это «что-то-где-то-там» и хоть немного разглядеть, понять. Я, семилетний, уже знал, что в темноте бывают звезды, месяц, северное сияние. Ничего такого домашняя тьма не показывала, однако я был уверен, что она – принадлежащая нам с мамой часть большого темного пространства, и даже знал, как оно называется – космос.

И вот тогда, седьмого ноября, я вдруг почувствовал, как этот космос водворился не только во дворе, но и во всем городе.

Прошедший солнечно-праздничный день остался в прошлом, будто не было его. Там же

остались флаги, шарики и транспаранты «демонстрации трудящихся» у заводской проходной, веселые группы шумящих соседей и маминых коллег, поющих хорошие песни под аккордеоны и гитары, перекрикивая зычный духовой оркестр. Пропала удивительная радость от первой в моей жизни поздравительной открытки со сказочными башнями кремля. Моя личная открыточка была устроена в надежном месте рядом с другими за стеклом серванта, куда их было принято выставлять рядком к каждому празднику. Я решил, что подробно ее разгляжу и порадуюсь завтра при свете. Завтра же ожидалось еще много праздничного: нужно было придумать, как поступить с большой конфетой «Гулливер» в потрясающем фантике, где долговязый дядька тянул за собой на веревочках крохотные корабли. Съесть ее было жалко, хоть и очень хотелось. Пока ведь можно было есть зефир, вон его сколько много подарили утром, а тем временем нарисовать конфету или срисовать кораблики. Но это – завтра.

Странное наступило время, остановившееся. Я один. Домой идти рано, а все разбежались. Целый час еще можно гулять, а качели и горка пустые. Праздник, вообще-то, не кончился, за всеми окошками – музыка, крики и свет. В нашем доме на берегу реки Исеть жили только трудящиеся, и они продолжали отмечать свой любимый «красный день календаря».

Интересная цифра – семь. Весь день я разглядывал на открытках, плакатах и транспарантах красивые красные семерки.

Спрятав санки под горкой, сначала хотел было сходить к старому тополи и уже заглянуть в его темное, очень таинственное душло, поскольку давно собирался, да и узнать, наконец, кто там живет. По дороге передумал, поднялся на мост, построенный какими-то чудесными «пленными немцами», которых я никогда не видел. За заборчиком деревянных перил открывался широкий вид на совершенно ровную снежную простыню замерзшей речки и высокое черное небо из той самой космической тьмы с мелкими снежными звездами.

Мост был пуст. На другом берегу в темноте пока неизученного подробно, почти неизведанного парка Маяковского растворялись фигурки прохожих. Я обрадовался и прокричал:

– Эй ты, космос!

Мне казалось, что и он посмотрел на меня, и обрадовался. Это было естественно, праздник же. Я ощутил спокойное ликование оттого, что я, оказывается, – в нем, и мне в нем не страшно, а радостно. Он как бы и снаружи, и внутри меня. Он приветливый, добрый. Он мой.захотелось ему и себе сделать что-то хорошее, что-нибудь подарить. Тут же выдумалась семерка.

Идея нарисовать большущую цифру «семь» прямо на речном льду, чтоб она была хорошо видна и с моста, и из космоса, показалась

мне великолепной. Лед же был очень ровный, как белый лист. Рисовать начал широкой фанерной лопатой, которой соседские мужики прихлопывали горку, сбрасывали снег с крыши, и в сильные снегопады делали красивые тропинки во дворе. Так же, как и дядьки, двигал ее впереди себя, сваливая набок набравшийся снег, и снова ликовал, теперь уже от получающихся идеальных линий, почти сложившихся в гигантскую цифру.

Под тонким слоем снега был такой же тонкий серый лед. Когда я останавливался, чтобы развернуться, обдумывая композицию рисунка, лед похрустывал и прогибался. В валенках прохладно хлопала неизвестно откуда взявшаяся вода, а края недавно идеальных линий разъедали темные водяные пятна. Только что нарисованная семерка тонула! С моста в мою сторону что-то кричали, но крики прохожих глушил отвратительный ледяной хруст. Его-то я и испугался. Ни мокрых валенок, ни увеличивающейся лужи, в которой все это время стоял, а именно рычания реки на меня, бестолкового.

Сбежать из центра речки оказалось просто, помогла лопата и способ ее применения, подсмотренный у дворовых мужиков. На берегу меня встречал еще один испуг и сразу радость от троих парней, по виду старшекласников, таких же длинных дядек, как и тот моряк на фантике моей конфеты. Гулливеры и не думали ругаться, они захохотали, необидно пошутили, чуть ли не

за шиворот поволокли меня домой. Ругалась мама. Как обычно сдержанно и мягко. Ей же никто не рассказал, где, как и почему можно промочить ноги в двадцатиградусный мороз. Сам я молчал, как партизан. Сидел, укутанный периной в своем сугробе, шевелил отогретыми пальцами ног в колочих шерстяных носках и, поперек недавних планов, уплетал конфету «Гулливвер».

Почти засыпая, упорно вглядываясь в комнатную темноту, я вдруг припомнил, как на мгновение оглянулся, выбравшись на берег. Да, моя прекрасная семерка утонула целиком. На ее месте образовалось круглое пятно зеркально-черной воды, в котором отразились звезды и луна. Вода, оказывается, тоже бывает темной, она тоже часть космоса.

Эх ты, космос!

ДЖД

Ах, как преобразился Екатеринбург!

Похорошел, отстроился всего-то за десяток с небольшим относительно спокойных и благополучных лет нового века. На месте жутких вековых трущоб, помоек, пустырей, деревянных заборов и дряхлых избушек «на курьих ножках» неожиданно динамично вытянулись острые высотки, засверкали огромные окна и зеркальные витрины, запестрили рекламные конструкции. В

общем, буйно проросла новейшая торгово-офисная архитектура. Расцвел город! Приятно посмотреть: стекло, металл, асфальт, бетон, брусчатка, стройные мачты новых фонарей. Свежо и аккуратно. Любо-дорого окинуть взором любой район, что центр, что окраины. Хорош город, хорош! Как, впрочем, и горячая десятка остальных провинциальных городов-миллионников, традиционно гордых региональных центров России, ревностно оспаривающих друг у друга бумажный титул «третья столица».

Ох, как же Екатеринбург обезобразился!

Нет, ни в коем случае нельзя запихивать пивной ларёк-стекляшку в классическое музейное пространство, вам об этом даже первокурсник Арха скажет. Непозволительно хай-тековой стилистикой пополам с рекламным авангардом изгаживать когда-то гармоничные ландшафты трехсотлетнего города. Исторический центр бы, хотя бы, пощадили бы, что ли! Натыкали рядом с кирпичными особняками тощих свечей-высоток, зеркальных кубиков и цилиндров, аж в глазах рябит. Бестолково, отвратительно и безобразно! Пропал город, пропал! Пожирают его торгово-офисная архитектура и новейшая маркетинговая мораль торгово-офисного века. Жуть!

Вчера долго сидел-корпел на творческой кухне, а когда окончательно заплесневел недописанными текстами, застрял в

недодуманных мыслях, закис неясными идеями, как незадачливый паук, запутавшийся в собственной сети тенёт и паутин, резко встряхнулся, подскочил, засобирался на прогулку. Поводов для моциона не было никаких, но я, решительно стряхнув недопроявленные думы, отправился «куда глаза глядят». Поднялся, нарядился во все теплое (голенькая осень на дворе) и пошел в свой город, смотреть места, в которых появляюсь редко и которые всегда вещают мне о чем-то важном, но неясно и непрямо. Любое место, появляясь в нем раз в десять лет, становится мистическим и знаковым. Ходить туда полезно. Хотя, все знаки, предопределения, приметы и намеки мы таскаем на себе. Но именно в таких местах они яснее и становятся прозрачнее как-то.

Итак, иду. Конечно же, не в центр. Конечно, к пивзаводу, которого уже нет. Здесь теперь развязка многоуровневая и строительный супермаркет. По телевизору хвалились, мол, скоро сляпают на этом месте еще и новое многополосное шоссе. Такие прогрессивные новости скорее радуют, инфантильную гордость пробуждают за регион, за город, за страну. Причастность чувствую. Я же здесь живу, а тут улучшения теперь кругом, сплошные преобразования. Часто корявые и безобразные, но они много краше бывших унылых помоек, смрадных пустырей и безысходных заборов. Нынешняя округа вся утыкана длинными

фонарями. Ой, простите, мачтами городского освещения. Ночами этот светлый развязочный серпантин чем-то московским отдает, мегаполисным духом пронизывает. Здесь начинается дорога к аэропорту, дорога в будущее, дорога в мир.

Опять усматриваю знаки. Вот здесь, на этом самом месте, была кургузая аллея с цементным памятником забытому герою-пионеру. И меня именно здесь приняли в пионеры когда-то. Прошел рядом, ясно вспомнил так и не нашедший ответа вопрос тех лет. Если пионер – всем ребятам пример, а мы теперь все – пионеры, мы что, примеры друг для друга? Вот не пошел бы я гулять по прошлому, так и не припомнил бы этого никогда.

Иду по памятным местам, ни о чем не думаю. Просто кручу головой по сторонам, проблески других времен улавливаю, обрывки простеньких воспоминаний пробую восстановить. Вон там, напротив парка, у завода, стоял ангар, в который из вагонов сгружали тонны ячменя. Смотри-ка ты, ангара нет, а старый грузовой вагон остался. И не заметить его сразу, зарос кустами и деревьями. Дурашливыми школьниками мы ходили в этом ячмене купаться, как в бассейне. Беззаботные головы потом трещали от ячменного духа, язык не слушался, ноги заплетались, становились слабенькими, ватными. Все ясно, первый хмель. Как мы ухохатывались над резко поглупевшим

Димкой, сначала перепутавшим ангар с органом, а потом упрямо пытающимся разобраться в ударениях. Хмель.

А вот тут, по краю парка, лежали пути Детской железной дороги, потрясшей меня первым в жизни настоящим путешествием. Как же я тогда был счастлив! Вот их и разбирают. Хмурые мужики в оранжевых жилетах отрывают ржавые рельсы, выкорчевывают гнилые шпалы, рушат крохотные станции. Не зря пришел. Как выясняется, пришел проститься. Теперь понятно, почему многополосное шоссе. А я все думал, где же место взять для дополнительных полос? Так вот в чем дело, полосы, наверное, улягутся на место ДЖД.

Через месяцок-другой этого пространства будет уже не узнать. Время окончательно закатает мою нежную память под асфальт и станет ежедневно шлифовать ее скоростным автопотоком. Отныне ностальгировать будет сподручнее в такси, в самом эпицентре того самого автомобильного потока, возвращаясь, под хмельком, под утро, с обыкновенной взрослой вечеринки, ничем не примечательной, и не запомнившейся никому. Совсем не детская у меня теперь дорога, взрослый путь, будь он неладен.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении, становится понятно – у почти погибшей ДЖД есть еще надежда на возрождение. Рано мы с ней попрощались, поживем еще! Вот же, в двух шагах,

- и новенькая насыпь, и глянцевые рельсы, и белая куча бетонных шпал.

Головастики

Чем старше становится человек, тем меньше ему нравится война. Наверное, самая популярная во всем мире, игра в войну по-настоящему любима только маленькими людьми и детенышами животных.

С каким же наслаждением человеческий малыш лупит первой, попавшейся под руку палкой по первым, попавшимся на его пути, препятствиям, не важно, по птицам, качелям или кустам! Как радостно гоняется за кошками, барахтается с собаками, с каким восторгом бросается в потешные рукопашные бои с друзьями! Маленький ближе к природе. Подрастая, он уже не так восторженно относится к шуточным потасовкам, боям, приключениям, дракам, погоням, атакам и даже победам.

Пашка пока очень любил войну. Любил своих оловянных солдатиков гораздо больше, чем головастика, живущих с весны до осени в красной пожарной бочке рядом с его домом.

Солдатиков было всего два, однако в войнах они уже совершенно спокойно участвовали и побеждали. Как только рядом вставали пластмассовые ковбои и рыцари, сразу получалась хорошая армия, моментально

пугающая плохих противников, которых Паша называл захватчиками. Плохая армия была намного сильнее, коварнее, злее, командовал ею хитрый маленький чукча, вырезанный из белого рога или какой-то кости. В дальнем углу ковра этот чукча выстраивал в ряд двух резиновых слонов, медведя, тигра, за ними – десяток свирепых индейцев, следом – машинки и мотоциклистов, а потом – мелких обезьян, собак и кошек. Сам он сидел на перевернутом ведерке, наблюдая за ходом сражения в театральный бинокль. Ну, как бы наблюдая, будто бы в бинокль, поскольку тот на самом деле был во много раз крупнее гадкого агрессора и просто лежал рядом.

Войнушка выходила увлекательной, шумной. Эти дерзко нападали, завоевывали, штурмовали, а наши героически сопротивлялись, защищая родной замок – вертикально поставленную обувную коробку под столом. Оловянные командиры, уже израненные в боях (у первого обломился штык, у второго – отвалилось дуло автомата, а у обоих сильно исцарапались широкие лица под касками), были все-таки непобедимы. И это было правильно, ведь они свою родную землю обороняли. Ура! И очень хорошо, что у них был жестяной самолет и бомбы разной мощности, сделанные из разобранной матрешки. В общем, как и положено, в войне всегда побеждали хорошие, они были выше и благороднее.

Победа рождала тихое удовольствие, можно было долго-долго лежать, уткнувшись щекою в колючий ковер, и радостно обозревать поле боя, в центре которого гордо стояли высокие полководцы.

С тем же удовольствием Павлик наблюдал за войнами головастиков, положив подбородок на шершавый край бочки. Внутренние стенки подводного мира были ровно покрыты бархатной ржавчиной, по зеркальной поверхности сновали водомерки, а в прозрачной глубине друг за другом носились стайки крохотных одинаковых рыбок, немного похожих на его солдатиков, такие же светлые и крупноголовые. Что-то там у них постоянно происходило, кто-то за кем-то безостановочно гонялся, кто-то убегал и прятался. Лишь жуки-плавунцы никого не боялись, спокойно всплывали к поверхности, выныривали на время, и так же вальяжно опускались на дно.

- Паша, подушку! - скрипучим шепотом скомандовал дедушка со своей койки.

- Какую?

- Большую.

Дедовы подушки лежали на кресле-кровати у тумбочки. Каждое утро, собрав свою постель и кресло, Паша выкладывал аккуратную пирамиду из разных подушек, а в течение дня то приносил их деду, то относил обратно.

- Вот, хорошо. Хоть посижу чуток. Кто у тебя сегодня победил? - косо улыбнулся дед, привалившись спиной на горку из диванных валиков, старых одеял и подушек.

- Наши.

- Если наши проиграют, наши вашим напинают! - хохотнул дедушка и тихо закашлялся. - Чего это у тебя все время наши выигрывают? Враги у них дураки, что ли?

- Наши хорошие, - уверенно ответил Пашка.

- Хорошие потому, что родину спасают? Так, что ли?

- Да! Наше дело правое!

- Молодец! Наша порода, башковитая! В том году, когда в школу пойдешь, я тебе за каждую пятерку буду солдатика покупать, вот и будет у тебя нормальная армия. Почему у Физы солдатик стоит?

- Пять копеек.

- Вот, отлично! За каждую пятерку - пятак.

- В том году, это когда?

- А вот сейчас эта осень наступит, зима придет, новый год, потом весна, лето, а потом, следующей осенью, прямо с первого сентября, - «в первый раз в первый класс».

- Долго, - расстроился Павлик чуть не до слез. Дед говорил о каком-то невероятно далеком будущем, а солдатиков хотелось теперь, сегодня.

- Ну-ка отставить, рядовой! Солдат не плачет! Понятно?

- Понятно, - проскулил Паша, сдержав слезы.

- Собирай игрушки и - гулять. Дрова на обратном пути захвати, полешка четыре.

- Тепло же.

- Тебе всегда тепло, а ночами-то сыро уже, выстужается дом. Родители придут со смены, мы им печку-то и разведем. Топай-топай, я посплю пока. Подушку убери.

Баба Физа была на своем обычном месте рядом с киоском «Союзпечать» у троллейбусного кольца. Перед ней, на крышке фанерного ящика, на свежей газете, стояли ряды прекрасных новеньких солдат, в этот раз - с винтовками и в касках. В киоске тоже было на что посмотреть, за высокими стеклами стояло и висело множество интересного, но Паша никак не мог отвернуться от блестящих на солнце одинаковых касок и солдатских лиц с едва распознаваемыми чертами.

- Пять копеек за штуку, - склонилась к нему продавщица солдатиков, утирая зеленой косынкой широкую шею и подбородок. Физа сидела на самом солнцепеке и уже насквозь пропиталась потом. - Жарища, да? - выдохнула она, обмахнулась картонкой, и привычную скороговоркой отбарабанила: - Пять копеек. Пять копеек. Пять копеек за штуку!

Напутал что-то дедушка, троллейбусы, дома, киоск, асфальт, деревья в палисаднике, завод через дорогу, сараи, огороды, редкие прохожие, все побелели на улице от солнечного жара. Какие тут дрова в такую-то жарынь, зачем они? Вон, даже солдатам жарко.

- А с автоматами будут? - решился спросить Пашка.

- Э-э! Ты этих сначала купи! Будут потом и с автоматами, и погранцы с собаками, и конники! Что, денег нет?

- Нет.

- Э! Ложки-вилки тогда неси, сеточки из аккумуляторов. За двести грамм - солдатик. Беру олово, алюминий, свинец. Пять копеек за штуку! Пять копеек! Пять копеек! Айда, поройте там за гаражами с мальчиками, там все время аккумуляторы выбрасывают. Пять копеек за штуку! Пять копеек!

От неожиданной радости у Паши немного закружилась голова. Он все понял. Он уже бежал, как угорелый, в сторону гаражей через тополиную рощу. Ах! Это же уже сегодня можно будет взять себе солдатиков, не дожидаясь того года! Витрины киоска и бочка с головастиками тоже могут спокойненько подождать, надо срочно разыскать ложки и сеточки. По дороге он встретил дворовых мальчишек, быстро все им рассказал. Те с удовольствием присоединились к поискам алюминия и свинца.

Копаясь в мусорных слоях огромной свалки, они задорно горланили уморительно смешную песенку. Как выразился Сашка, уже первоклассник, и уже успевший побывать в пионерском лагере, настоящую отрядную песню: «У солдата выходной, пуговицы в ряд. Ярче солнечного дня, пуговицы в ряд. Часовые на посту, пуговицы в ряд. Проводи нас до ворот, пуговицы в ряд. А солдат попьет кваску, пуговицы в ряд. Никуда не торопясь, пуговицы в ряд. Карусель его помчит, пуговицы в ряд. И в запасе у него – пуговицы в ряд».

К вечеру удалось насобирать целую сумку нужных железок. Пока волокли эту, найденную там же, на свалке, драную сумку без ручек через тополя, были счастливы, а вот на троллейбусном кольце их ожидало разочарование. Ящик стоял на месте, но ни бабы Физы, ни солдатиков рядом с ним не было. И ждать не было никакого смысла – солнце уже усаживалось за горизонт, развесив по темному небу мелкие вишневые облака. Припрятав только им понятное сокровище в кусты палисадника, пацаны разбрелись по домам.

Всю следующую неделю Паша начинал каждую прогулку у киоска, садился на ящик и ждал. Он был уверен, что дождетя. Однако Физа почему-то не появлялась. Как так-то? Обещала же солдатиков за ложки, а сама куда-то делась. Однажды, маленькая бабушка-киоскерша, аккуратно забинтованная белым платком,

подказала, где найти бабу Физу. Та, как выяснилось, жила совсем рядышком, в первом подъезде двухэтажного барака, в квартире номер один. Собравшись с духом, Павлик ходил туда несколько раз и даже стучал в деревянную дверь, но ему отвечали, что Физы нет дома. Теперь он ждал у подъезда на лавочке, прямо под окнами ее кухни. Должна же она была хоть когда-то вернуться домой.

Через неделю он дождался. Через неделю он и разлюбил войну.

- Ой, война-война, будь она проклята... - пропела из открытого окошка невидимая тетенька подбряканье кастрюльных крышек. - А что это за имя-то за такое: Физа? Какое-то не наше.

- Наше, наше, только басурманское оно. У меня золовку так зовут. Хорошая девочка, смешная такая, все время всем рассказывает, как ее имя переводится. Физа - значит серебро или серебряная монетка. Правда, красиво? Тебя вот как зовут?

- Тома. Ну, Тамара, в смысле...

- Знаешь, как переводится?

- Не, не знала никогда.

- А эти - знают все.

- Физа - серебро. Надо же...

- Ой, бедная она. Воевала, оказывается.

Инвалидность-то получила не за завод, а за войну. Куда ты столько луку сыплешь?

- А сколько надо?
- Половину - в самый раз!
- Так чо там Физа?

- Физа, Физа... Пенсия тебе - не фронтовой паек и не зарплата, а кушать каждый день хочется. Только солдатики ее и кормили. Сама всё отливала, формовала, отделявала. Уралмаш на дому устроила, понимаешь ли. Сталевар! Представляешь, тигли настоящие себе завела, сплавы готовила, формы сама делала.

- Хорошие солдатики получались?

- Кривые-косые, как нет-то? Но народ покупал.

- И куда она подевалась?

Пашка напряг весь свой слух. На минутку, конечно же, стало неловко. Знал ведь, что подслушивать нехорошо, но узнать о случившемся было необходимо. Он почувствовал свое законное право на это знание, и поэтому слушал.

- В дурку увезли, там и отошла.

- Чо такое случилось-то?

- Ты вообще не в курсе, что ли? Дочка к ней с зятем приехали, богатые такие, чистые, с дорогими подарками. А зять-то - настоящий немец из ГДР оказался. Так она же их выгнала к чертовой матери, понимаешь ли. А потом параличом ее сразу разбило, а она все орала чего-то про немецкую овчарку, бедная.

- И где это, интересно мне знать, наши дочери могут немцев себе найти?

- УПИ она у нее закончила, еще в Москве потом училась, понимаешь?

- И чо?

- Обмены там у них с Европой всякие, аспирантуры.

- Ничего себе. Кто теперь в этой комнате будет жить?

- Вот-вот-вот. Мы с тобой, как соседки, имеем самое полное прямое право! Тома, послушай меня, - забирай!

- Мне куда эта комната, я и так кое-как плачу.

- Тогда я заберу.

- Забирай себе на доброе здоровье... Ой, война-война... Надо же... - тихо ответила соседка Тамара.

На той скамейке Павлик ясно понял, что солдатиков он уже никогда не дождется. Ну и пусть. Их уже не хотелось. С тех пор он уже никогда не играл в войну. Его загадочный средневековый замок под столом как-то просто и сразу превратился в обычную обувную коробку с игрушками.

Осенью он увидел в поленнице дров те самые тигли и формы, и тех самых, когда-то до головокружения любимых солдатиков от бабы Физы. Днем у сараев кто-то наколот дрова, а вечером кто-то выбросил рядом кучу солдатиков, ложек и аккумуляторных сеток, наверное, соседки. Можно было взять всю эту армию сразу, целиком, только руку протянуть. Не взял. Вот же

как, их не то что брать, их даже видеть не хотелось!

Ночью Паша узнал, наконец, почему дедушка спит днями напролет. Оказывается, все ночи он стонет. Война, будь она проклята! На чукчу и игрушки было наплевать, а вот двух раненых солдатиков было просто необходимо вернуть своим, туда, к поленнице, чтоб они были вместе все. Павел тихо прыгнул в отцовские валенки, прислушался к тихой шторке, за которой сопели родители, осторожно схватил в ладошку обоих солдатиков, и плавно повернул ключ входной двери.

Над черными дровяниками сияло звездное небо. Как же там, во дворе, было холодно и красиво! Все силуэты дворовых построек были залиты сверху синим светом огромной луны. А под ногой, с каждым шагом, звонко хрустели ледяные лужицы. Кучи солдатиков в поленнице уже не было, кто-то их уже прибрал. Паша даже и не сомневался, куда пристроить своих раненых солдат на крайний случай, он все заранее уже предусмотрел. Бойцы отважно нырнули в бочку, прямо в ледяное отражение луны, на самое дно, зимовать к головастикам...

Много-много лет спустя, живя уже совсем в другом конце города, на последнем этаже новой уралмашевской высотки, рядом с проходной уже другого завода, Пашка припозднился, возвращаясь домой с дежурства. В лифте он

рассеянно выдумывал, чем возразить на слово жены «опять», однако же, лифт у них был скоростной, и он опять ничего убедительного не придумал. Работа, ничего не поделаешь.

– Ну, ты опять? Ничего у нас не меняется. Выходные-то не забрали хоть? – неожиданно умиротворенно спросила Ленка, выглянув из ванной комнаты и махнув, как флагом, полосатой простыней.

– Выходные наши, не волнуйся!

– Я сейчас достираю уже. На кухне там подарок посмотри пока.

– Головастик спит?

– Час почти вертелся, успокоиться не мог. Потом сам понял: чем быстрее заснет, тем быстрее день рождения наступит, и сразу засопел.

Павел оставил ремень и фуражку в прихожей, а китель понес в гардеробную. Переодевшись там, сдвинул занавесы из постельного белья в коридоре, шагнул на кухню и оторопел. В центре стола, под лампой, лежала потрясающе красивая упаковка оловянных солдатиков. Тех самых, из его детства!

Под прозрачным плотным пластиком, на красочном картоне с яркой надписью «Rote Armee», в пять рядов была выложена сотня удивительно аккуратно отлитых фигурок. Действительно, Красная армия... красота! Там были пограничники с собаками, бойцы с винтовками и с автоматами, солдаты в касках,

фуражках, папахах, матросы в бескозырках, танкисты и летчики в шлемах, даже несколько генералов в шапках с кокардами. На обороте сиял логотип «MADE IN GERMANY», а чуть пониже штрихкода, мелким шрифтом было написано: «Hergestellt in Deutschland».

Как о вчерашнем дне он вспомнил и о тополях, и о смешной отрядной песне, и о бочке с головастиками. Мгновенно припомнился и дед, и первый дом, и троллейбусное кольцо у проходной завода, киоск, сараи, гаражи, бараки и, конечно же, Баба Физа с ее корявыми солдатиками. Почему-то у нее они всегда получались какими-то шибко большеголовыми, что-то там, видимо, с формами было неверное.

«А ведь те солдаты больше на нас походили, – подумал Паша, улыбнувшись, – на меня, на отца и на деда. Такие же глобусы вместо голов. Башковитая наша порода, да. Вон, за стенкой еще один головастик растет».

Захватив сигареты, он вышел на балкон. Над миром висела та самая, бледно-синяя луна. Вот где была красота! Внизу копошился город, сновали автомобили, по освещенным улицам и переулкам двигались муравьиные цепочки прохожих, у основания дома дремал темный парк, напоминающий сверху ровно подстриженный газон. В эту-то тьму Павел и бросил неудачный подарок, нисколько не усомнившись в правильности решения.

- Ты что, с ума сошел? Ты что, их выбросил? - спросила Лена, вытаращив глаза. Она еще не успела обидеться, просто не разобралась и ждала объяснений.

- Не надо ему этого дарить.

- Почему?

Пашка не стал подыскивать нужные слова и что-то втолковывать, избегая скандала, он просто взглянул на жену. Лицо мужчины, на секунду, исказила истинная боль. Взгляд этот получился излишне тяжелым, но ведь не мог он быть иным. Ленка все поняла, она не обижалась.

- Не покупай ему ничего военного никогда, пожалуйста.

- Хорошо.

- Завтра пойдем в зоопарк! - улыбнулся ей Паша.

Котоводка

Напрасно этот холодильник на колесах убегал от снежного ветра, все равно на каждой остановке в него врвались новые клубы инея и мороза. Самое высокое место в полуживом троллейбусе, которое «для детей и инвалидов», оккупировала то ли и впрямь глуховатая, то ли донельзя нахальная тетка.

Ей, похоже, тепло, уже три остановки как завоевала внимание окоченевших пассажиров, а не унимается, зычно и пронзительно треплется

по мобильнику. В общем, цепко держит на себе недоуменные и вяло осуждающие взгляды окружающих. Резко оглашает названия остановок, точно сверяет с часами время прибытия, но больше оглушает нас короткими выкриками:

- Да. Да. Да нет, - как выстрелы разносятся по салону ее слова. От каждого такого залпа вынужденные попутчики вздрагивают. - Да. А ты? И что? Да. Да. Да нет.

Троллейбус немного буксует, останавливаясь у Дома Бажова, в распахнутые двери норовит втиснуться вьюга, кроме нее никто войти не собирается. Нудная бормашина электрического гула и колесных вибраций затихает на время, и в наступившей тишине звучит:

- Да! Он у меня парень яичастый!

Народ сдержанно прыскает.

- Ой, подожди, - осекается дама.

Она судорожно озирается по сторонам, осознавая себя и пространство, минуту думает и кротко добавляет:

- Это я про кота! Я - котоводка!

Народ уже не просто смеется, а включает хохот на полную катушку. Благодарная аудитория, как говорится, разогревается, впадая в реальную покатуху. Лишь мадам-котовод не веселится. Но и не особенно грустит. Думает о чем-то, озадаченно улыбаясь.

Корм

В Ёбурге, у автовокзала, аккуратно вкунун выборов открыли киоск для любителей зимней рыбалки. Назвали «Козявочная». Честное слово! И оформили живописьненько: мультяшными портретами всяческих счастливых козявок – мормыша, мотыля, малинки, опарыша и других озорных червяков. По мнению художника, именно так все они радуются накануне рыбалки, восторженно готовят рыболовные снасти, и ликуют, насаживаясь на крючок. Такая вот рекламная трактовка настроений, биографий, судеб корма.

Ой, что-то это мне напоминает.

Книжный мир Шарташского рынка

Вынос книг из наших домов продолжается второе десятилетие. Упрямым потоком течет по городским пространствам период ликвидации личных библиотечных коллекций. Пачки никчемных книг народ иногда подбрасывает на крыльцо соседней библиотеки, как нежелательных детей к дверям роддома. Уральские бабки активно распродают на Шарташском рынке когда-то страстно собираемые домашние библиотеки. Двигается прогресс, ага! Прогрессирует постыдная черта

новейшей эпохи коммуникативного развития – книжный исход из жилищ.

Сбываются книжонки по дешевке, что фолианты, что брошюры. Почти все книги в отличном состоянии, а старческие руки, выкладывающие их на зыбкую картонную коробку, – нет. Не меньше сотни этих драматичных сцен и мелких сценок, или по терминологии предельно прогрессивного, весьма у нас популярного, чрезвычайно современного искусства, уже привычный глазу, всесезонный уличный флешмоб последних лет – бабушки плюс книжки – вижу ежедневно не только на рыночной площади, но и на каждом городском углу, на всех перекрестках центра Екатеринбурга. Старухи эти здорово походят на свои книжные обложки и корешки. Такие же выцветшие, неликвидные, мало кому интересные, крепкие, но нечитанные. И те, и другие – в пигментных пятнах.

ВИЗ и НИЗ

Трое повстречались впервые.

Забавно это всё у жизни выдуманно – три кавалера одной дамы прекрасно знали друг о друге много лет, а вот живьем сошлись только сейчас. Случается же такое! Три серьезных дядьки старались не смотреть в глаза друг другу, понимая, как нелепо выглядит их трио. Тоже мне,

три богатыря любви: толстый, тонкий и, конечно же, дурак. Смешно. Скорее да, смешно. Комическая мелодрама реальности, только то.

Непреодолимым поводом для их странной встречи послужило событие нешуточное, но, как водится, простое, неожиданное, грустное. Скорая помощь нашего города славится виртуозными каверзами, связанными с выносом больного из жилища до автомобиля. «Мы не грузчики, мы доктора, несите сами!» – обычно заявляют одуревшим родственникам мастера спасения, и равнодушно ждут, добавив тем еще одну проблему.

Света долго не думала, проблему решила быстро, позвонив всем своим воздыхателям, живущим рядышком, на ВИЗе. Не до мелодрам ей было в тот момент, надо было срочно вынести маму на мягких носилках с четвертого этажа без лифта. Эти все оказались дома, сразу сорвались, приехали. «Вынести маму» – звучит кошмарно, но парни справились великолепно, и одеяло придержали, и на углы, пока несли, смотрели, и вовремя Дурака урезонили, предлагающего развернуть носилки вперед ногами. Потом все трое прыгнули в машину и поехали за скорой на Химмаш через весь город по всем пробкам. Вот зачем поехали? Непонятно, смысла-то в их помощи уже не было никакого.

Мало кто из нынешних жителей Бурга знает, что Химмаш – это бывший НИЗ. О знаменитом ВИЗе все прекрасно помнят, он в

географии города прижился, а вот Нижне-Исетский Завод помнят немногие. Однако если разобраться, тут всё проще простого. Рождался город из заводов. У города одна река – Исеть, в свое время очень славную металлургическую историю провернувшая. В ее верховьях находится ВИЗ, а в низовьях – НИЗ.

Тонкий всю эту историческую белиберду зачем-то рассказал попутчикам, прекрасно понимая, даже чувствуя, как вежливые слушатели сразу забывают каждую новую фразу.

Уже не первый день над городом, вместо неба, висела застиранная до дыр серая простыня. Больница находилась в странном пространстве, немислимым образом сочетающем гармонию соснового леса, корявости гигантских производственных площадей, унылую степь пустырей и относительный уют пятиэтажек городской окраины. У приемного покоя стояла пустая скорая, водитель, покуривая, возился с колесом.

– Зачем вы приехали? Езжайте, не надо уже! – крикнула Светка им из окна.

Обратно ехали в молчании, никто даже не спрашивал, куда едет. Сомнений никаких, каждый явно вспоминал, как настойчиво когда-то требовал предъявить ему соперника, как твердо собирался разобраться, драться, биться. Теперь воевать никому не хотелось.

В лобовое стекло ветер ляпнул увесистую горсть мокрого снега.

- Ух, ты! Первый дождик, что ли? - тихо спросил Тонкий.

- Да, это дождь. Пока со снегом, - ответил Толстый из-за руля.

- Весна в Москве всегда хорошая. Там у них такой дряни не бывает, - отозвался Дурак.

- Вы меня, ребята, пожалуйста, где-нибудь вот здесь вот, на развязке выпустите, - попросился Тонкий, - я отсюда уже сам доеду. Всего вам доброго! Удач!

- О! Я тоже выйду. До свидания! - сказал Дурак, отстегивая ремень.

Тем не менее, прежде чем расстаться навсегда, всего-то через полчаса они опять увиделись. И ведь зачем-то это было нужно жизни. Оставив машину на парковке у ВИЗовской проходной, Толстый двинулся по площади к автомагазину, прилепившемуся сбоку от ДК, и тут же увидел Тонкого, идущего от трамвайного кольца, а потом, почти сразу, Дурака, выходящего из автобуса. Чтобы миновать ненужную встречу первому пришлось почти бежать до магазина, второму повернуть к тяжелым дверям Дворца культуры, ну, а третьему просто сесть в следующий автобус с тем же номером.

С тех пор эти трое не виделись.

Средний класс

Сам раззява. Спасительный блок сигарет среднего класса у меня украли в налоговой инспекции. Весь день таскал его в руках, пока как угорелый таскался по присутственным конторам, добывая нужные бумажки. Всего-то продаю три книжки в интернете, а впечатление такое, будто сразу газом, золотом и нефтью взялся торговать, никак не меньше.

Уже покорно высидел множество многочасовых очередей, полкило важных бумаг насобирал, не сразу, но зарегистрировался где положено. Предприниматель. Даже по среднему, оптимистичному прогнозу в первые годы предпринимателю корячатся одни затраты и убытки, прибыли не ожидается. Но приходится старательно соответствовать странному статусу «самозанятое лицо».

Звучит парадоксально. Лицо, арендованное у самого себя – вот что слышится. Но раз уж взялся, надо сохранить это собственное статусное лицо и сделать всё самостоятельно. Вот и мастерю все документы сам. Прошил как надо, как предписано, суровой белой ниткой то, что надо: в нужном месте, точно так, как надо. Тоже смешное правило – все финансовые и прочие бизнес-документы у нас должны быть шиты белыми нитками. Во как!

Утром радостно закупились сигаретками на десять дней вперед, счастливычик. Надеялся, что

прозорливо организовал себе стратегический запас кофе и табака в обеспечение небольшого периода творческого энтузиазма. Думал, хоть пару недель не буду о них думать. Напрасно радовался, зря надеялся. Стащили подчистую мои прозорливые резервы. Неожиданно вновь дожил до последней пачки. Никотиновое голодание на ближайшие дни теперь обеспечено. От кофеиновой блокады спас карман, большой пакет растворимого кофе в нем сохранился.

Сигареты увели, пока причесывался на входе у зеркала, красавец. Попятили, пока сосредоточенно наряжался в очки, умник. Меня обчистили, а я и не заметил сразу, я любовался очередью.

Вот же полотно! Вот это живопись!

Налоговая очередь многосюжетна, символична, красочна, прекрасна. Вот где документ эпохи, вот он, подлинник. Ставь камеру, снимай себе документальное кино о среднем классе. В очереди все ясно, как в бане. Особенно в предбаннике у кабинета для «ипэшников».

Немолодой мужик в новом костюме не просто обогнал, нагло всех «подрезал», суетливо занял очередь передо мной и замер, воровато похлопывая седеющими ресницами. Активный, прыткий дедушка. Пиджак на нем, жилет, сорочка, галстук. А ведь что-то очень не в порядке в униформе у этого великовозрастного бизнесмена. О! Да на нем нет брюк,

обязательнейшего элемента общепринятого дресс-кода! Вместо них ниже пояса – контрастная деталь костюма от другого человека, от другой профессии. Он даже не в штанах, не в джинсах, он же в «трениках» и кроссовках! Качественный и явно дорогой, но спортивный буро-бирюзовый низ с лампасами из каких-то олимпийских логотипов выдает бывшего спортсмена, или тренера, или школьного физрука на пенсии.

Пугающе худая и уже заметно беременная девушка-очкарик смеется в голос, неприятно оголяя розовые десна и крупные зубы, испачканные помадой. Ей кажется, что в своем джинсовом комбинезоне и туфлях «на шпильках» она выглядит полноценнее, внушительнее, достойнее комичного старого олимпийца.

Прыщавый парень, только-только выросший из школьного костюма, краснея пятнами, постоянно одергивая вниз короткие рукава, цыплячьим голоском интересуется, что значат аббревиатуры в документах. Спрашивает у всех, но отвечает ему только здоровущая чопорная дама в бейсболке, занято одетая в несколько вязаных кофт, сетчатые колготки и зимние сапоги.

Пара коротконогих снобов, просто срисованная с глянцевого обложки, надменно занимает место в хвосте очереди. Он – солидный брюнет в распахнутом английском пальто, она – дорогая блондинка в розовой шубке. Долго

выдержать фасон им не удастся. Уже через пять минут они с удовольствием скандалят с отскочившим перекурить и норовящим втиснуться обратно, мешковатым, гордым, не к месту громогласным кавказцем в классических усах и кепке. Модная парочка сначала жарко возмущается в унисон, но вот уже и огрызается, их голоса теперь напоминают ленивый лай собак. Глянец, конечно же, проигрывает Востоку и хмуро сдает незаконно занятую позицию.

От занимательного наблюдения за этой очередью в бизнес, от изучения повадок и формальных особенностей современного индивидуального предпринимательства меня вдруг отвлекает пронзительное чувство ностальгии по утраченному табаку. А вдруг какая-то наивная душа нашла мой блок?

Иду к охране.

- Вы здесь не находили блока сигарет случайно? - спрашиваю.

- Где?

- Вот здесь, у зеркала.

Широколицый чоповец смеется.

- Когда?

- Да минут семь назад. Возможно, кто-нибудь нашел, и вам оставил?

- Ага! Сейчас! - все больше потешается охранник. - Ты что, не знал, куда идешь? Это же налоговая! Тут все - предприниматели. Даже не надейся, эти не вернут!

Советский дворик

Не единожды, не дважды, многократно уже слышал от водителей, подвозящих меня к дому, об этом необычном свойстве нашего двора. Хотя, чего такого в нем удивительного? Ничего особенного, двор как двор. Их, таких, остановившихся во времени, как упрямых пенсионерок, не желающих наряжаться в новые колоритные одежды, в каждом районе каждого города отыщется немало.

Вот бабушка со второго этажа, с самого дня основания проживающая в моем подъезде, вечно сидит на крыльце в стареньком таком, миленьком и замызганном пальто цвета поблекших фасадов окружающих ее домов, а в магазин через дорогу всегда идет в нарядной желтой курточке с капюшоном и в лаковых синих ботиночках. А потому, что перейти через дорогу – это уже «выйти в город». Выйти на люди, показаться из дому во внешний мир для нее целое дело. Туда в домашнем выходить нельзя, неприлично как-то, стыдновато даже в затрапезном-то наряде.

– Ух, ты! Прямо советский дворик! Будто в восьмидесятые въехали, – довольно лепетнул и вчерашний таксист, миновав витиеватое кольцо узких дорожек среди девяти-двенадцатиэтажных коробок. Долго мы с ним петляли у подножия нескольких двадцати-тридцатиэтажных высоток, накрутив добрый десяток зигзагов между

арками, гаражами, помойками. Наконец, остановились у подъездного палисадника, сдерживающего буйную трехметровую сирень ржавым заборчиком, сикось-накось сваренным из случайных железок.

Вот я и дома! Добрался. Здесь моя сота, нора, тихая гавань.

Ничем не примечательная биография на рассвете жизни выдала мне это ничем не выдающееся однокомнатное логово в одной из двух параллельно стоящих длиннющих брежневских пятиэтажек. Здесь моя единственная, а точнее – единственно моя ДВЕРЬ. Где бы ни странствовал и где бы ни жил, возвращаюсь я к ней, волоку в сторону своего порога по детской площадке, заросшей теперь вымахавшими выше крыши разлапистыми березами, всё-всё, что насмотрел и напереживал во внешнем мире.

Вот они, с рождения покореженные качели среди песочниц без песка. Вот они, кривые железные горки и лазалки. Целыми-то были они хоть когда-нибудь? Не припомню. Рядышком нарушают стилистику визуального ряда несколько новых скамеек и урн, слева гудит изукрашенная корявыми граффити трансформаторная будка, а рядом с ней еще какие-то не менее живописные жэковские строения, плюс пара гаражей. Чуть поодаль – мусорная площадка (куда же без нее?), утопшая в яблонево-рябиновых зарослях. Вот никогда не

просыхающее постельное белье на балконных курятниках, кругом колышутся влажные флаги трусов. Чуть дальше торчит понурый баскетбольный щит без кольца, над ним раскачиваются паутинные гирлянды проводов от крыши к крыше, а в центре композиции – белый гипсовый вазон на пьедестале в обрамлении крапивной клумбы.

Этот-то откуда здесь у нас взялся? Цветов в нем отродясь не произрастало, так, разве что у постамента. Однако жил он тут всегда, и дворник Башкирин (фамилия это или прозвище по национальной принадлежности?) всякую весну подставлял короткую лесенку и жирно красил его белой известковой жижей. Пузатые бока вазона, как и основания деревьев, давным-давно уже никто не красит, видно помер уже Башкирин, отжил свое.

Покосила смертушка с тех пор вдоволь, высвобождая место во дворе для новых ритмов, человеческих повадок, синтезированных звуков, гламурных поколений и диковинных предметов. А вот мало кому нужную малую архитектурную форму в стиле «сталинский ампи́р» не разрушает, милует. А я и есть тот самый «мало кто», которому немало радости приносят все эти ностальгические тривиальности. Куда я без них?

Прекрасно помню, как мелкою юлой носился вокруг клумбы в семьдесят лохматом году, вопя: «у меня новый папа». Счастьем фантастическим с двором делился. Очень уж

хотелось радостную новость сообщить всем людям во дворе. А за мною бегали мама и ее новый друг, безуспешно пытаясь заткнуть фонтан писклявого ликования. Двор хохотал. Да и мама со своим новым приятелем, не особенно смущаясь, тоже хихикали. Мама тогда была моложе меня теперешнего. Изловил «щеничью радость» спокойно ухмыляющийся Башкирин. Усадил экскаваторными ладонями меня, горланящего на все лады, прямо в вазон, приговаривая «защекочу-защекочу-защекочу», и ушел неторопливо, предоставив оживившимся обитателям двора самостоятельное решение задачи по выковыриванию пятилетнего нарушителя дворового спокойствия из вазонной чаши. Попробуй, позабудь такое.

Вот и соврал, прилгнул, присочинил. Нет никакого вазона в нашем дворе. Из другого он двора, простите. Тоже из моего, но из самого первого, которого уж нет на свете. Так почему бы его и не переселить сюда, ко мне поближе? Он же мой. Хотя бы в этом сочинении пусть здесь живет. Ведь есть он у меня. Я его помню.

А еще хорошо помню навсегда ушедшие из нынешних времен широкие дворовые столы с домино и шашками. А рядом со столами – множество инвалидов (еще не ставшая историей война). Помню торчащие из окон большие деревянные колонки, в хорошую погоду орущие на весь двор дефицитными голосами Пугачевой и Высоцкого. Помню неприменнейшие атрибуты

надворной реальности – обильные сараи и широкие огороды. Нет их ныне, и не будет уже никогда. Как и кулис белья, белыми диагональными занавесами разделяющих двор на квадраты. Как и валиков зимней ваты между рамами в каждом окне. Как и страшных коварных цилиндров металлических колонок с водой, добывать которую, не защемляя пальцы, надо было уметь. Повиснешь всем телом на длинном рычаге, подсунешь под скобку камушек подходящего размера, жди, пока вода пойдет. Повисел, изловчился, подсунул, – слезай, пей на здоровье. Помню частые похороны и свадьбы. И то, и другое – на весь двор. Громкое горе с оркестром, и шумная радость с танцами.

Радость и горе справляют сейчас в иных, специально отведенных местах. И не сидят вечерами все вместе, всеми поколениями, в одном месте, в одном дворе. Закончилось то время. Расслоился народ на юнцов и уголовников, на бабушек и девушек, на выпивох и автолюбителей, на работяг и лоботрясов... да много еще на кого. У каждой группы – свое пространство во дворе и во времени суток. Рядом, но не вместе. Тесно, а не близко. Ошибаются таксисты; ничегошеньки советского здесь не осталось.

Курение вредит!

Отвратительный сюжет из теленовостей: группа детей-активистов шла по центру Екатеринбурга и обливала водой всех встречаемых граждан, курящих в неположенных местах. Зашуганные курильщики не особенно сопротивлялись унижению, просто утирались и сбегали с места происшествия.

Ремня бы этим юным активистам всыпать вовремя, чтобы перекачать мозги из задниц в головы. Энергичное, свежее поколение прогрессистов. Они же скоро подрастут, они же очень скоро станут активничать совсем в других ситуациях и пространствах. Но рядом шли довольные организаторы процесса – широкозадые родители с родительницами, пара грушевидных полицейских, съемочная группа хорошо откормленных журналистов, и стандартный, несколько плешивый, луноликий депутат в золотеньких очочках, неграмотный, активный, говорливый.

Вот до чего это вредное дело доводит, курение. Гадость редкостная.

ДК Горького

Чудесный, необычный дом на Первомайской улице советского Свердловска.

Удивительное было место и занятнейшее время. На первом этаже, в театральной студии, не столько ставил спектакли, сколько упражнялся в театральной школе и готовился к преподавательской карьере маленький режиссер Грачев. На втором этаже, в комнатке любительского ВИА, пел Шахрин, и что-то замышлял. На третьем этаже, в агитбригаде, озорно выпивал с тремя восторженными девами изгнанный из театра Коляда, время от времени он спускался на первый этаж поиграть Поприщина, показывал распечатанные под копирку короткие рассказы, и явно что-то затевал. Под самым чердаком, в каморочке с табличкой «Киностудия ДК», готовился к самоубийству (да, так просто) загадочный и нервный кинорежиссер.

Ах, боже мой, забыл ведь его имя напрочь. Туманов, кажется, возможно, Витя.

В сыром подвале, среди сохнувших гуашевых щитов, тихо позвякивали гранеными стакашками и шуршали холстами своих новеньких работ веселые безбашенные художники (имен не помню). Сговаривались о чем-то парни, а верховодил ими пиратоподобный Воскресенский.

Тридцать с лишним лет биография шлифовала мои воспоминания о тогдашних реальностях этого дома. Недошлифовала. Дом, инфицированный творчеством. Теперь в нем

банк, магазины, офисы. Не в творчестве, конечно, в доме... Хотя...

Опять символика, опять все точно. Переменились времена. Но если ты желаешь дальше жить, – переживай, раздумывай и ностальгируй. Как можно чаще вспоминай, и думай, думай, думай! К примеру, вот о том, как быстро дом культуры стал доходным домом.

В нем есть пристойный зал на двести мест с прекрасной сценой. Ныне он затаился. Просцениум, порталы, занавес, колосники, карман, балкон, прожектора, софиты спят. Теперь в него так просто не попасть, пространство творчества сегодня заняли финансы. Зачем же банку зал, зачем ему софиты? Не знаю. Да и финансовые командиры тоже этого не знают. Недавно пробовали сдать в аренду, никто не взял. Так и стоит пока порожняком. Но, всё же, – жив! А значит, – ждет! Чего? Иных времен, конечно. По мне, так и дождется.

Такие вот дома, в таких-то вот местах, ой, как упрямы. И «Чайник» здесь, рукой подать (училище Чайковского), и старый ТЮЗ, ставший Учебным театром, рядышком Литературный квартал и Дом Метенкова, Центр современной драматургии, Киноконцертный зал «Космос», филармония и Камерный театр, новая коробка ТЮЗа, студия Пантыкина, Музей истории города и Музкомедия недалеко, бывший Дворец пионеров (по-нынешнему ДДТ) на самой вершине и Станция юных натуралистов в парке.

Да много здесь еще чего подобного в округе. Все это – подножье Вознесенской горки. Именно отсюда расползается по окрестностям творчество!

Мои московские, вологодские и костромские гости выпрашивают, где же ваши горы? Да вот же! Вот они и есть! Такие у нас горы!

Зеркало

Очередь первого часа работы Сбербанка и Почты поведает о городе намного лучше самых виртуозных краеведов и литераторов.

Есть такое удивительное время в жизни всяческих присутственных мест, которое легко расскажет нам о нас, нужно только выбрать нужное время и внимательно приглядеться-прислушаться. Подглядывать можно и в тривиальном супермаркете, и в коммунальной конторе, и в поликлинике, и в надменном госучреждении, и в пенсионном фонде, да еще в несметной бездне многих других жизненно важных народному быту и животу пространств.

Время в очереди очень красноречиво, оно наполнено характерами, драмами, комедиями, глупостями, странными поведенческими особенностями, премудростями, бессмысленностями, низменными привычками и высочайшими интеллектуальными ценностями определенного времени. Драматургам, думаю, надо бы ходить в такие очереди, как на работу,

сюжетам учиться и темы вынюхивать. Там, где есть прилавок, касса или стойка, в утренних очередях стоят, сидят, руководят, скандалят, модничают, чопорничают, судачат, сплетничают, плачут и смеются, оживляются и даже умирают неисчерпаемые источники драматургии – трогательные бабушки-гномы. Это их законное пространство, их излюбленное время, только здесь они водятся в таком количестве. К обеду эта «плотность гномов» в городе неторопливо разжижается и гаснет, разбавляясь другими типами народонаселения, да и очереди, кстати говоря, куда-то исчезают.

И при чем здесь гномы? В позапрошлом веке жену городского домового здесь у нас называли Доманя. Это вам не какая-нибудь деревенская Домашка или Домовиха в сатиновом сарафане, простенькая и темная. То ли дело прилично одетая Доманя или Домна – звучит гордо, прогрессивно, статусно!

Ныне наши Домани плотно наполняют зал какой-нибудь конторы коммунальных платежей с утра пораньше, и абсолютно не смотря ни на какие электронные очереди, подробно, прямо в лоб, дотошно выясняют, кто за кем, куда и как. Они безостановочно выпрашивают, повествуют, хихикают, показывают непонятные бумаги, грустят и ностальгируют, подшучивают над собой и окружающими, обижаются на шутки, разнообразно ссорятся и мирятся, и часто, но недолго, плачут. Именно здесь они по-

настоящему живут и дышат. Бабушка-доманя – это не возраст, среди них есть и молодые мамушки, и тетушки средних лет, и некоторые девушки, давным-давно готовые ими стать. Да почему же некоторые? Почти все.

За стойкой, разделяющей зал пополам, для полноты картины отделенные от сбора картинок полупрозрачным стеклом, в пространстве сканеров, принтеров, мониторов, проводов, бумаг, клавиатур носятся довольные и терпеливые девчухи-операторы, пока искренне убежденные, что очередь – не о них, не для них, не для их дочерей.

Осознает ли эта зычноголосая молодка, мясистая и нагловатая, что ежедневно видит сквозь стекло по ту сторону стойки собственное будущее? Взгляните, как идеально накладывается на ее широкое лицо физиономия желчной старухи с точно такими же мелкими глазками, переполненными негибким убеждением в собственной правоте, недоверием ко всем на свете, и твердой верой в личное безоблачное завтра.

Вывод

Обветшалый подъезд брежневской пятиэтажки прощается с новоселами.

Обкуренные санитары несут на стуле запоздалую старуху. Равнодушные хип-хоптеры,

покуривая, наблюдают вынос тела в тонированное окно облупленной «девятки», распухающей изнутри басами и ритмами нового века. Одутловатая врачиха в застиранном халате средних лет (и у нее, и у халата – средние годы), докуривает и запикивается в новехонький реанимобиль. Перспективные детсадовцы, неуправляемым косяком акульных мальков срываются из песочницы, и бегут, запинаясь, поедать новое зрелище. За ними несутся грузные мамочки, стараясь пресечь наблюдение, оградить от вредных впечатлений. Подходит крепко спаянная группа иностранных специалистов в сфере сантехники и дворовой уборки. Им интересно, у них на родине такое происходит не так. Подтягиваются утренние выпивохи, мастера замусорить дворовые территории. Им тоже хочется позырнуть.

Вынос тела – вынос мозга.

В чистейшем небе, над проводами и антеннами, блестит авиалайнер, оставляя на синем фоне белый облачный след. А в самолете, наверное, летит престарелая дочь старухи. Черкает записки, мызгает заметки, мнет бумажки, готовится к выступлению на конференции. Она еще не знает. Ей пока не до дум об отеческих пятиэтажках. Потом приедет, на поезде.

Какая-то невидимая форточка громко транслирует на весь двор дискотеку восьмидесятых. Как редко эти песни звучали в первые годы жизни дома! Классический

школьный дуэт (ну, просто Роман и Юлька из фильма) ускоряет шаг, практически бежит от тягостной картины. Пока нет места этим зрелищам в их жизни. Приземистый дед поливает шлангом с балкона приподъездные деревья. Ему не до выноса, не хочет он думать об этом. Карликовая тетушка, надрываясь, волочет гигантские вязанки обоев. Ей тоже не до этого.

И мне не до того! Включаю телек и зашториваю окна. Но в эфире – фестиваль прекрасного кино восьмидесятых. Отвлекаться не выходит. По всем каналам мелькают лица и глаза редчайших в свое время артистов и образов. Ну, просто половина телетрафика – то самое кино. Его достали со всех полок, вынули из всех хранилищ. Теперь вот достают им нас.

А неплоха была эпоха у старухи! Жаль, быстро миновала. Да и зачем, вообще, эпохам миновать? Чем наша лучше? Нам бы лет пятьсот прожить в одной эпохе.

Странный Виктор

Печальный, беспокойный город, весь день бежит куда-то, суетится и почти не радуется ничему. Красивым стал, высоток понастроил, на улицах прибрался, похорошел, но не обрадовался.

Откровенно говоря, жить в этом городе было скучно во все времена, в любые годы, и в

любое время года. Нам здесь стабильно тоскливо всегда, что весной, что осенью... в будни и праздники... в молодости, и в старости... Здесь безумно уныло за каждым углом, как бы эти углы не декорировали сегодня модными архитектурными прелестями да ажурными фонарями центральных районов. Здесь невесело веками, тут безрадостно всем почти, здесь давно уже врос в географию черно-белый ген всеобщего уныния. Ведь настоящий образ города заметнее не на фасадах, а на лицах горожан. И ампиру-то тут у нас, посреди пустырей, автостоянок и помоек совсем кисло живется, и конструктивизму, рядом со стройками, долгостроями, складами и овощными базами как-то безрадостно.

Тяжко наш город рождался, трудно жил. Отчего же теперь ему стать беззаботным, и ни с того ни с сего радостными лицами вдруг расцвести? А вот же, тужится-пыжится он, да и расцветает время от времени. Хочется ему простой радости, хочется ясной жизни. А когда сильно хочется – получается. Не сразу, и не прямо, а ведь выходит у него не то что бы радостно жить, но хотя бы усмехнуться иногда, вздохнуть спокойно. Солнышко выглянет – город и рад!

Когда безоблачно и безветренно, город расплывается в ясной улыбке. Гляньте, как же он прекрасен, оживлен, совершенен! Особенно в центре и утром. Наши вечно озабоченные

городские жители в добрую погоду приветливее не становятся, однако все они делаются немного добрее, это заметно.

Петр Палыч свой музей не любил, как и город. Музейного дела он не понимал, да и понимать не хотел, но уже второй год честно работал здесь сутки через трое, как говорится, ночным директором с широкими полномочиями – сторожем и охранником, грузчиком и гардеробщиком, дворником и уборщиком, оформителем и смотрителем, иногда даже кассиром и билетером. Молодому пенсионеру выбрать не приходится, зацепляется там, где берут, он и так это место два года искал.

Конечно, проще было бы сторожить понятный гараж, офис или банк, например. Пришел, все двери-форточки проверил, сигналку принял-сдал, замки закрыл, – вот и ходи себе по периметру, следи за обстановкой, или думай о городе, или пиши-читай, когда оно получается. А тут чего? Вечные мероприятия, монтажи-демонтажи экспозиций, открытие выставок и прочая шуруда. Ночь-полночь, а эти всякие научные сотрудники все еще по кабинетам сидят, винцо попивают, или по залам таскаются с непонятными разговорами и гостями. И искусство-то у них такое же непонятное, это же музей как бы нашей истории, а на стенках вывешивают постоянно какую-то заграничную белиберду. Не про нас это всё, не о нас.

Петр быстро разобрался в творческих пристрастиях жуликоватых музейщиков, те просто-напросто пропагандировали что-то чужое, за которое чужие им, наверняка, что-то платили. Ну, и наплевать на них на всех, на бессовестных, уходили бы вовремя.

Странно получилось. Вместе с ним на музейной вахте служило еще три писателя. Двое, как и он, пенсионеры (нумизмат и краевед), а один – довольно молодой еще и очень чудной, даже наглый тип, всем встречным-поперечным часто докладывающий, что он-то тут не просто так, дескать, он здесь не только историю сторожит, а еще и материалы собирает, художественную прозу пишет, и, главное-дело, за людьми исподтишка подглядывает.

Как же много писателей наплодили нам города в новом веке, кто же это добро читать теперь будет? Мне вот почему-то не хочется. Да и Петру Палычу читать произведения этого сторожа истории совсем не хотелось. Петр не то что бы в музее, он и дома-то никому не рассказывал о том, что сам пишет повести. Сначала надо было написать хоть один пристойный текст, чтоб ни убавить, ни прибавить, а уж потом о нем рассказывать.

Вопреки ожиданиям, на дежурстве в музее совсем не писалось, зато читалось там хорошо. Петр Палыч за год музейных ночей подробно перечитал полное собрание сочинений Антона Палыча, чему был несказанно рад. А прочитав

из непрочитанного вовремя оставалось еще много чего.

Ночь в музее мелькала моментом, без мистики и метафизики, особенно под тексты Олеси или Андреева. А потом наступало самое милое время – ясное городское утро. Петр очень любил эти прекрасные рассветы, из-за них-то, наверное, и не разыскивал нового места работы.

Выходишь серым утром на крылечко городской усадьбы, как какой-нибудь дореволюционный лабазник или лавочник, стоишь, покуливаешь у раскрытой двери подбоченясь, а перед носом у тебя, едва глаза продравши, город во всей красе вышагивает. Сначала проезжают рекламисты, сдирают старые плакаты, новые вывешивают. Потом идут уборщики большой узкоглазой бригадой, захватывают в плен всё содержимое ночных урн, лихо машут метелками, зашвыривают быстро в медленный мусоровоз скопившиеся за ночь черные пакеты, а за мусорками – пылесосы, подметалки, поливалки едут. Светлеет город. Вот и троллейбусы поехали, вот и народ пошел. Вот и к газпромовскому офису на горке красивые автобусы красивеньких сотрудников подвозят. Вот и банковские менеджеры всю стоянку у музея машинёшками своими запрудили. Вот и помятые студенты из маршруток вываливаются, и оркестранты в филармонию бредут на утреннюю репетицию. Вот и проснулся город окончательно, побежали все, кто в нем есть: туристы и артисты,

бомжи и дети, чиновники и менеджеры, студенты и преподаватели, пенсионеры и трудяги, водители и пешеходы, торговцы и музейщики. Динамичные, яркие все, очевидно чего-то там важное, в койках своих, недоспавшие, и от этого хмурые, неприветливые. Ясно все с ними, им же, бедным, работать весь день, а не трое суток отдыхать.

- Сигаретку-то дашь? - тихо спросил из-за плеча очарованного сторожа, засмотревшегося на утреннее городское дефиле, знакомый хриплый голос.

Рядом стоял хорошо известный всем окрестным сторожам и вахтерам бомж Виктор, которого Петр постоянно гонял из музейного дворика. Сто лет назад этот двор назывался дровяным, а теперь в нем хранились ненужные музею экспонаты, по городу таких-то вот уютненьких дворов и не осталось уже совсем. Вот Виктор и навещался сюда с новыми подругами, как он выражался «посидеть-пообщаться в культурной обстановке». А Петр был непримирим, Петр их выдворял. Однако кто-то из других сторожей этому бомжеватому разврату явно потакал, поэтому Петру приходилось в теплые времена несколько лишних раз обходить территорию.

- Кури, - протянул Петр Пальч сигаретную пачку в сторону Виктора, и ясно

припомнил, как они познакомились. Было буквально такое же утро, только год назад.

«Бомж Виктор», – сказал тогда ужасающе грязный парняга лет сорока на вид, пахнул перегарчиком прямо в лицо и в две минуты поведал о том, кто и как тут живет на нашей Вознесенской горке. В том разговоре Петр и узнал, где тут у нас Газпром, Водоканал, где никому не нужный бывший ДК Горького, какие здания принадлежат тут храму, какие филармонии, а какие Литературному кварталу, что тут от города, а что от области, что в ведении Патриархии, и чем рулит Управделами президента.

– Видал, какую булку с маслом я сегодня к Чайнику довел? – спросил Виктор.

Действительно, размахивая руками во все стороны и даже приплясывая от восторга, Виктор поутру проскочил уже разок мимо Петра. Вот же шуруда!

Бородатый грязнуля вел в сторону училища Чайковского перепуганную девушку, крупную, покрасневшую, одетую в очень нарядную, по ее мнению, вишневую курточку с капюшоном. Странная парочка. И у того, и у другого, время от времени, в руках оказывалась ручка такого же крупного, как и хозяйка, чемодана на колесиках. Вот уж кто был во всей этой компании по-настоящему нарядным, так это чемодан. Прекрасный, крепкий, заграничный... весь в никогда не увядающих цветах!

Европейской клумбы кусок на колесиках, а не чемодан, право слово! Городской бродяга в новой телогрейке и сельская красавица в мешковатой куртке выглядели рядом с ним, таким колоритным, столичным и стильным, совсем унылыми провинциалами с исторически тусклыми лицами, беспородными телами в бестолковой одежде, и скованными, какими-то даже извиняющимися за каждый шаг движениями.

Всего-то год назад, Петр не то что бы разговаривать с бомжами не стал, он бы и не посмотрел в их сторону. Да даже если бы и посмотрел, не понял бы он ничегошеньки в их болтовне в прошлом году, а теперь вот говорил спокойно, понимал, о чем рассказывают, даже чем-то интересовался. Он их по-прежнему не понимал, но и не осуждал, и нос от них уже не воротил, как раньше.

- Она поступать, что ли, приехала?

- Ну да. Еще одна михрютка. Я ей, понимаешь, говорю: «Что, на Фросю Бурлакову поступать приперлась?», а она мне: «Нет, я в Музучилище учиться». Баламошка! Я ей: «Фросю-то помнишь?», а она: «Не знаю, не знакомая я с Бурлаковыми». Ха. Тоже, как и мы с тобой, откуда-то из-под Чусовой приехала, наша девка-то, деревенская. Глуподырая еще пока, не знает ничего. Ты же вот Фросю Бурлакову знаешь?..

- Нет.

- Да ладно... И кино не видел?

- А... В кино-то видел...

- А вот эта мимозыря даже кино еще не видела ни разу! Представляешь?

- Опять нам деревня города заселяет зачем-то, - буркнул Петр.

- Ага... Эта-то дурочка думает, веселее ей будет здесь, типа легче заживется. Вон, сидит на крылечке, артистка, и радуется. А у нас, на самом деле, скукота здесь, как дома.

- Ага... вот я и вижу: ты весь день как белебенья колобродишь, рот до ушей. Чота несильно заскучал...

- Да мне-то чо? Я же на кочерге, мне хоть дома, хоть не дома - хорошо! Сигаретку-то дашь еще? И это... Может, у тебя какие старые ботинки есть? Смотри, чего ношу. - Виктор вытянул ногу, с удовольствием разглядывая новехонькие туфли из какой-то, видимо, крокодиловой кожи. - Гламурятина какая! В них только летом по машинам сидеть и в ресторанах по паркетам шараёбиться. Скажи ты мне, они мне осенью куда? Промерзают, заразы. Батюшка телагу выдал, а обуви у них не будет, говорит.

- Ну, я порою дома. У тебя какой размер?

- Чем больше, тем лучше, можно же потом носками утеплить.

- Вас чо там, батюшка в храме, одевает, что ли?

- Как бы да. Надо только службу отстоять.

- Хороший у вас батюшка, правильный.

- Толстый, молодой и глупый у нас батюшка. Я его вообще сынком зову.

- А он?

- А он меня – странным Виктором. Я ему, понимаешь, говорю: «Бомж Виктор я, сынулька, ничего странного», а он: «Все вы, типа, странники, поэтому и странные». Тоже скучный, в скит какой-то хочет нас загнать, чтоб мы там робыли, не пили и молились. Я вот не поеду. Это... ты ботинки посмотри, пожалуйста. Сегодня первое?

- Первое.

- Завтра приду к тебе, ладно?

- Так-то у меня дежурство только через трое суток.

- Хорошо. Четвертого приду.

- Пятого утром приходи. Ладно, вали уже, у меня вон, уборщицы идут.

Петр Палыч прекрасно знал, что в назначенное время Виктор не придет, но твердо решил обязательно собрать ему, тайком от жены, посылочку с шерстяными носками, сигаретами, какими-нибудь шоколадками, конфетками там. Лишних зимних ботинок у него у самого не имелось. Но, хоть что-то. Даже блудяге надо помогать, особенно, когда оно тебе и не стоит-то почти ничего. Хоть немного согреть шалопута, когда вновь нарисуетя.

Землячок. Тоже ведь из-под Курьи приехал, тоже ведь после армии домой не вернулся. Да и

что ему делать там, дома-то? С мамкою в огороде копать, рыбачить, за скотиной ходить, в леспромхозе батрачить, по теплицам навозы разбрасывать, банчить грибами на трассе, или бухать с мужиками? Не семейный он, вовремя не женившийся, не разродившийся. Детки с бабьем мужика-то у дома крепко удержат, никаких городов не понадобится. Это вон Петр вовремя чухнул, в городе сразу учиться пошел, да не куда-нибудь, а на инженера МПС, там и квартиры быстро давали, и с деньжатами всегда нормально было. Вот и с квартирой теперь он живет, и с женой. Как положено, на ноги встал, хорошо обжился, своевременно остепенился. А этот все болтается, шлындра, никак не успокоится. Работа у бомжей тяжелая, неблагодарная, попробуй, посиди весь день на паперти, потом поиди, бутылки-банки собери по урнам, а по дороге мелочь у прохожих повыклянчивай. Та еще пахота. В этом смысле алкоголик-трудоголик Виктор носился по центру, как веник, прекрасно зная тяжелый физический труд.

Но, он же, блин, похоже, был на самом деле счастлив! Так же по дому скучал, так же этот шумный город недолюбливал, а ведь был рад-радешенек каждому новому дню чуть ли не каждый день! А Петр, весь такой полноценный, правильный, благополучный с виду, чем дальше, тем больше издыхал ежедневно от тяжелой тоски. Как так?

Семь остановок на троллейбусе от центра, по нынешним городским меркам – тоже центр. Обычно, короткая поездка со смены домой на троллейбусе по Белинского, по прямой, очень радовала, но в тот раз почему-то расстроила. Петр Палыч неожиданно ясно представил, будто едет он в сторону дома на катере по Чусовой. Над ним нависали высоты, офисы, многоэтажки, прямо как скалы из детства, а на уличных берегах паслись автомобильные стада, а жаркое солнце уже поддурманивало старую зелень редких деревьев, желтило траву, загоняло людей под навесы на пристанях-остановках.

«Дома-то было бы лучше, душа у меня там на месте была бы. Там скучно, а тут неудобно, скукоженный я здесь какой-то» – думал Петр, встав на ступеньки у троллейбусной двери.

Первым, кого он увидел, когда дверь распахнулась, был Виктор. Вот ведь! Значит, пока то да сё, шлёндра времени зря не терял! Довольный жизнью бомжик расположился в центре рекламной скамейки, пристроив у ног сумки с пакетами. Он покуривал тонкую дамскую сигаретку, с перерывами на прихлебывание модного алкогольного коктейля из баночки. Колоброд! На его шее болтался красно-белый фанатской шарф «Спартак», а на ногах блистали вызывающе нарядные кроссовки с оранжевыми шнурками. Из-за плеча на него косилась, напечатанная на бумаге, знаменитая французская артистка, рекламирующая крем для

лица. Виктору было абсолютно наплевать на ее осуждающий взгляд, как и на кривые взгляды пассажиров, не рискующих подходить близко к скамейке. Он просто жил, счастливчик. Жил здесь, сейчас, и радовался жизни!

- Ну, ты молодец, нашел обувку, - улыбнулся ему Петр.

- Ага! Теперь носки нужны, четвертого приду...

- Лучше пятого утром приходи!

Станным образом, Виктор всегда возникал именно в те моменты, когда Петр всерьез задумывался о тоске. Еще раз повидаться им пришлось на рассвете последнего рабочего дня в музее. Ни пятого, ни двадцать пятого, и ни зимою, ни весной, ни летом странный бродяга так и не появился. Петр Палыч иногда даже специально высматривал его в течение всего следующего года по окрестностям, справлялся у соседних сторожей, у дворников выспрашивал. Нет, практически год никто его не видел. Жив ли? Так и пылилась посылка с шоколадом, сигаретами и носками на музейном чердаке.

Петра уволила не скука и не ностальгия, не малая зарплата, не тяжелый труд. Его заели барчуки. Так он называл юных снобов, только начинающих музейную карьеру. Эти сразу пронюхали вековую феодальную вонь, крепко вьевшуюся в нашу городскую усадьбу. В новом-то веке, в этом смысле, тут ничего не поменялось.

Молоденькие научные сотрудники самовыражались от души, нагружая крепостных пенсионеров дополнительными задачами, ничуть не задумываясь о трудовом кодексе, об уважении к старшим, о времени дня и ночи. Шурудилки, конечно же, мелкие, но обида от них получалась большая. Быть в услужении – дело всегда не шибко приятное, особенно, когда прислуживаешь дурачкам. Поэтому-то Петр и уволился.

Комковатое ватное одеяло, столько раз согревшее его зимой, нести домой не было никакого смысла. Выбрасывать теперь, кому же оно нужно? Сунул его в черный мусорный пакет, да на мусорку к Чайнику понес через кусты. Там-то он и увидел бомжа Виктора. Жив-живёхонек, как выяснилось! Спит себе, понимаешь ли, в кустиках, будто в беседке, и не грешит! Оставил рядом с ним одеяло прямо в пакете (накрывать постеснялся), за посылкой побежал. Вернувшись, обнаружил черные клочья пакета и Виктора, укутанного своим одеялом. Просыпался, похоже, валандра, почувял заботу. Постоял Петр рядом, покурил, неловко переминаясь с ноги на ногу, осторожно подsunул под грязную руку посылку, и вновь чего-то устыдившись, чуть не вприскочку убежал обратно в музей.

До прихода уборщиц оставался еще почти час. Петр Палыч достал из сумки новенькую амбарную книгу в клеточку, давно приготовленную для новой повести, аккуратно

перелистал первые страницы, плотно исписанные планом-конспектом будущего текста. Подумал. Спокойно вычеркнул все строки много лет им любимого и уже много раз прочитанного множеству друзей первого абзаца первой главы: «Высоко-высоко, в утреннем рассветном небе Екатеринбурга медленно летел серебряный самолет, оставляя за собой на синем фоне двойной облачный след, очень похожий на свежую лыжню».

Хотел было остановиться, выйти покурить, сходить умыться, посмотреть пожарную сигнализацию. Но, потоптался у стола минуту, опять уселся к тексту, и быстро набросал совсем новый первый абзац много лет упирающейся повести: «В каждой нашей деревне легко отыскать хоть одну столетнюю церквуху без маковки, а рядом – советский клуб без окон, без дверей, зато с колоннами. Вот они, вечные памятники великим русским эпохам. А от нас-то здесь останется что-нибудь вечное, кроме пустоты и тоски? А у нас-то сейчас история ли? Не в городах видна эпоха, в полях, лугах и деревнях она виднее. Широкие просторы родины теперь пропитаны многокилометровым унынием, пусто как-то у нас в историческом смысле. Города наряжаются, как хотят, строятся, модничают, шумят, шурудят. Опять мы чем-то чужим озабочены, даже не думаем о своём».

Репетиция старости

Соседский колченогий дед дежурит у нашего подъезда весь день от рассветных сумерек до вечерних потёмок. Он курит как дышит. Его горбатая фигурка крепко, железобетонно, навсегда вмонтирована в центр еще крепкой советской скамейки. Выглядит он как истрепанный годами ворон. До гаражей доковыляет на минуту, нужду там справит и, вернувшись на свое законное место, опять закуривает и сидит, глядит.

Он – монолитный элемент двора. Он здесь давно, он здесь все время. Я, признаться, всегда поёживаюсь от его присутствия. Он никогда ни с кем не говорит, он угрюмо смотрит. И я под этим взглядом цепенею. Прекрасно понимаю, что старик попросту близорук и, по всей видимости, смотрит не на нас, спящих рядом, а куда-то глубоко в себя, поэтому и хмур. Но этот ежедневный неприветливый досмотр с укором, растерянный и желчный, тревожит, огорчает, смущает и так не очень-то веселые обрывки размышлений на бегу, всерьез драматизирует тематику моих случайных дум, и очень огорчает мысли.

Для горьких мыслей самая пора.

Наверное, у всех на третьей трети жизни случаются периоды «примерки старости», когда здоровье и работа, коллеги и помощники, грехи и страсти, замыслы и планы, друзья и деньги,

необходимости и недоразумения, путешествия и чувства, мечты и творчество, семья и дети на какое-то время оставляют тебя в полнейшем покое. Все они где-то есть, все еще живы, но ведут себя так, словно умерли. Такое ощущение, будто бежал-бежал и вдруг остановился. Лишь память и надежда упираются, не останавливаются, не оставляют. Эти и на четвертой четверти продолжают беспокоить, а беспокойство – и есть жизнь.

Однако бытие – не бег, то есть, не только движение. Порой и статика полезна. Надеюсь, что полезна. Очень надеюсь, что порой. Неспроста же в маршруте жизни предусмотрены такие вот остановки. Надо же осмотреться, научиться обходиться с естественными исчезновениями, с такими неожиданными, с такими заурадными утратами людей и явлений.

Энергичные и дерзкие особи проскакивают свою остановку, ничуть не прислушиваясь ни к себе, ни к переменам в окружении. У них – оперативные задачи, стратегические цели. Им не до тормозов. Негромкие и вдумчивые индивидуумы силятся что-то понять, решить, поменять и измениться. Им паузы на пользу. Есть еще третий род – выдающиеся личности, но мне о них мало что известно, я с ними не знаком, в реальности я видел только первых и вторых.

Правы пока что и те, и другие. Непоправима будет только статика старости, когда все-все явления и люди оставят уже

окончательно. Основная эмоция старости – удивление. Тревожно это, непонятно, горько. Ты еще жив, а они уже нет, и оживают лишь в памяти. Как с этим совладать? Сидеть и хмуриться, растерянно разглядывая живых людей из новых поколений, не совершающих ничего нового? Переделывать себя, стараться совершенствовать давным-давно утомленное туловище и усталые мысли? Возиться с молодью, присваивая их ритмы и примеряя на себя, унылого, формальные веселости новой эпохи, наряжаясь в молодежные одежды? Нет-нет-нет...

Что, кроме смерти, почитается результатом жизни? Ее процесс, наверное, все то, что довелось свершить в процессе. А сезонное обострение одиночества как раз и позволяет выдумать, что ты сумеешь совершить в конце процесса, как говорится, под финал, как говорится, из последних сил, воистину самостоятельно в буквальном смысле. Не запланировать, а сочинить, предположить себе если не ясное дело, то хотя бы занятие. А ведь подумать – это тоже дело, да еще какое! Оно называется «действие мысли». Им-то вот, наверное, и занят ежедневно дряхлеющий дворовый ворон.

СИТКОМ

Многоударной речью с ярким местным говором, сбивчивой скороговоркой, сквозь по-

уральски зажатую челюсть, наш дежурный патриот территории гордо доложит любому гостю Екатеринбурга о том, что театральный зритель в городе избалован, взыскателен, но благодарен. Мол, театральный у нас город, мол, культурная столица региона. Поэтому и ни одна столичная премьера мимо нас не проедет. Дескать, от афиш уже в глазах рябит, все перекрестки ими уклеены, а залы у хороших гастролеров полнехоньки. Любая маломальская знаменитость сразу к нам едет, а мы на нее ходим.

Так оно и есть. Прав городской патриот, к нам едут, а мы ходим. Даже самая паршивая антреприза «с парой знаменитостей на двух табуретах», неимоверно дешевыми декорациями и неоправданно дорогими билетами здесь часто собирает аншлаг.

Тем зимним вечером мне повезло во многих смыслах. Во-первых, на спектакль в концертный зал «Космос» я не пошел, а поехал на метро. В кои-то веки гонорар позволил не особенно экономить на общественном транспорте. Надо было посмотреть гастрольную комедию в исполнении столичных приятелей и однокашников. Занятно было разузнать, как будет выглядеть традиционная театральная постановка в киноконцертном зале на две с лишним тысячи мест, а заодно уж и с друзьями повидаться, да на соотечественников по пути

полюбоваться лишней раз. Во-вторых, не надо было тратить деньги на билет, моя фамилия уже была занесена в заветный список беспечных контрамарочников у администратора.

В метро совсем по-московски сквозило холодом и равнодушием. Именно по-московски и никак иначе. Ничего удивительного, ведь на наших жетонах для входа в метро так и написано: «московский метрополитен». Потому что, насколько я понимаю, в свое время их делали на уральских заводах из какого-то особенного медного сплава, а когда Москва ввела магнитные карты, вернули на родину, не пропадать же добру. С ними и живем.

Скучающие земляки вяло поглядывали на попутчиков, наручные и станционные часы, полупустые эскалаторы, на неторопливые вечерние прогулки полицейских и уборщиц по перрону, терпеливо высматривая тоже не особенно спешащие поезда в глубинах тоннелей. Такие вот остекленевшие, немного замутненные глаза бывают у людей лишь в больших очередях, на вокзалах, в аэропортах и метро. Потом скопившиеся пассажиры и их взоры ненадолго оживлялись. Народ резво грузился в наконец-то вынырнувшую из мрака электричку, проворно рассаживался по практически пустым вагонам, и вновь включал рыбий глаз, утыкаясь в телефоны, планшеты, книги или собственное отражение в вагонных стеклах.

Лишь одна колоритная пара в течение поездки выбивалась из нашего тусклого сообщества подземных путешественников, не обращая никакого внимания на окружающих. Глаза еще не старого дедушки и взрослой внучки поблескивали непосредственно, тепло и радостно. Он что-то ей втолковывал, нашептывал, шутил, а она восхищенно хихикала.

Их визуальный облик прекрасно бы пригодился для любой комедии положений, для столь любимых антрепризами ситуационных комедий, короче говоря, для большинства классических ситкомов. Он – безбородый Дед Мороз в широкополой шляпе, в легком кашемировом пальто нараспашку, из-под которого виднелся черный костюм «тройка» в мелкую полоску, белоснежная сорочка и опереточный галстук «бабочка». Начинаящий стареть и расплывшийся франт, вылитый благородный отец. Она – долговязая Снегурочка, пожалуй, слишком по-весеннему одетая. В таких нарядах посреди зимы не на метро, на лимузине надо ездить: белые короткие сапожки на высокой шпильке, сетчатые колготочки, юбка «в рюмочку», лаковая кожаная курточка, больше напоминающая топик, и легкий полу-шарф, полу-шаль. Едва созревшая к замужеству девица, типичная субретка. Оба они радостно светились, да и снаружи были прекрасно освещены, но никто, кроме меня, на них даже не взглядывал.

Приземистый краснощекий подросток, едущий в компании четырех мясистых девушек, держал охалку из пяти совершенно подискотечному разрисованных сноубордов, как вязанку дров. Громоздкие снежные доски с привинченными ботинками постоянно выскальзывали из его коротких рук, и норовили грохнуться на пол. Девушки на это смотрели безучастно, ничего не говорили и отворачивались. На соседнем с ним сидении, вцепившись в ручки сумок, часто зевала безликая женщина средних лет. Худенький курсант, как перед зеркалом, причесывал пальцами щетку темных волос у вагонных дверей, и то надевал, то опять снимал шапку. Остальные пассажиры водили носом по экранам телефонов и ридеров.

Совсем не важно, кем на самом деле приходились эти двое друг для друга, учителем и ученицей, женихом и невестой, дядей и племянницей, любовниками, студенткой и профессором, начальником и секретаршей, дедушкой и внучкой. Таких вот тривиальных ролевых дуэтов, щедро обещающих кучу комедийных ситуаций, популярная драматургия выдумывает множество. Просто радовало, что они любили, это было видно. Всего-то навсего, обычная любовь подсвечивала их изнутри. Нелепо они выглядели и вели себя рассеянно, часто запинаясь, что-то роняли все время, зацеплялись одеждой то за коварные шурупы, торчащие из поручней, то друг за друга, но над

ними совсем не хотелось смеяться, так, разве что улыбнуться и порадоваться. С удовольствием бы посмотрел о них какую-нибудь историю на сцене, но не мюзикл, не драму, не комедию, скорее, мелодраму или трагикомедию.

Вновь увидев дядю с высокой племянницей уже в гардеробе, сдающих горчичного цвета пальто, я внутренне улыбнулся им, как старым добрым знакомым. Тоже в театр, как оказалось, ехали.

В зал еще не пускали, значит, первого звонка еще не было. По фойе гуляла нарядная провинциальная публика, развлекающая себя, чем могла. Все вокруг ели и фотографировались. Оба этих процесса крепко-накрепко связаны у нас с праздником, ну какой же полноценный праздник без еды и фоток? Организаторы в этом смысле расстарались, буфетов, больших и малых кафе, лотков с мороженым и пищевых автоматов понатыкали по всем трем этажам, плюс к тому, еще огромное кафе на сотню столиков в цоколе под гардеробом. Народ безостановочно вкушал и предвкушал, как говорится.

Атмосфера радостного ожидания разливалась по ярко освещенному пространству, уже переполненному ярко одетыми людьми всех возрастов. Одеты все были по-разному, не всегда гармонично, но если не в дорогое и новое, то в очень чистое и аккуратное. Молодые что-то жевали, пили газировку, и фоткались сначала в компании с картонными фигурами зарубежных

кинозвезд, потом на фоне сиреневых сумерек и городских панорам за витринными стеклами, затем в гордом одиночестве, скорчив лирично-серьезные лица, и уж потом большими группами с выпученными глазами и смешными гримасами. Старшее поколение либо прогуливалось, внимательно оглядывая всех встречных, либо читало программки, рекламные флаеры и буклеты, либо спокойно сидело на креслах и банкетках, неспешно беседуя. Начало праздника задерживалось.

По времени пришла пора открыть массивные двери зала. Некоторые особенно нетерпеливые зрители попытались было это сделать, но на них хорошенечко шикнули и отогнали подальше бдительные билетерши, не переставая при этом бойко торговать программками и прочей промо-полиграфией. Фойе уже смахивало на вокзал в воскресный день, у каждой двери образовалась внушительная толпа, отдаленно напоминающая неряшливую очередь, а двери все не открывались.

Как только я подумал: «Что там у них забуксовало в зале, не иначе», – как из всех динамиков всех этажей проскрипел растерянный, но звонкий дамский голосок:

– Уважаемые зрители! Начало спектакля задерживается по техническим причинам. Приносим вам извинения за причиненные неудобства.

Народ на удивление легко воспринял это объяснение, и как-то быстро перекочевал обратно в буфеты, на кресла и банкетки. Не захотелось ему терять атмосферу праздничного предвкушения. Чудеса. Ни одного не то что бы недовольного, даже просто хмурого лица! Две тысячи человек терпеливо решили подождать. Надо же, никто из нас не заскандалил, всё всех устроило, мы послушно ждали первого звонка. Весь следующий час, с интервалом в несколько минут, буфетный гул фойе прерывался лишь уже известным нам объявлением. Едва оно начинало звучать, шум голосов стихал, а когда оно заканчивалось, возникал с новой силой. И ведь дождались! Коротким джинглом спел звонок, распахнулись двери, людские потоки хлынули в зал. Даже после полутора часов ожидания мы продолжали верить в то, что все случится, все исправится.

В мой телефон прилетела эсмэска из-за кулис от однокурсницы: «Кирдык! У нас декорации не приехали. Ты сел? Как там у вас?»

Я ответил что-то успокоительное, и продолжил выискивать по рядам хоть одного недовольного скандалиста. Куда же они все вдруг подевались из города? Быть же такого не может, они же не тараканы, так легко излучением от мобильных, генетически модифицированными продуктами, эмульгаторами, консервантами и заграничными стройматериалами из народной массы их не вытравить.

О, да вот же они, дорогие мои, вот и нашел! У колонны, справа от первого ряда, разгорался конфликт.

Немолодая плоская женщина в излишне вечернем и открытом платье, нервно взмахивая сухими руками, постоянно протирая платком влажные ноздри крючковатого носа и запотевающие очки, штурмовала узенькую дверь с надписью «служебный вход», ведущую в кулисы. Рядом переминался с ноги на ногу, скорее всего, сын, такой же высокий, сутулый и остроносый подросток, держащий в руках крупную дамскую сумочку, больше похожую на ридикюль. Дебоширила крючковатая мама интеллигентно, настойчиво, мощно. Не только ругалась и возмущалась, но и толкала девчушек-администраторов, отпихивала билетерш, тыкала пальцами в бейджи широким охранникам, преградившим ей путь. Как флагами размахивая билетом и программкой перед лицами противников, она желчно кричала:

- Вы обязаны пригласить главного администратора! Я на эти билеты две недели работала! За такие цены вы меня на такси домой повезете!

- Администраторы в кассах, идите туда, здесь только артисты, – наперебой увещевали служители зала.

- Пусть он сам сюда идет. Полтора часа! Как вам не стыдно? Полтора часа!

- Мы-то здесь при чем? Это гастрольный проект.

- Я вам за это деньги заплатила! Деньги!

С ближайших рядов к очагу скандального возгорания уже подтягивались другие соотечественники, не столько раздраженные, сколько желающие хоть на что-то посмотреть, хоть чем-то поразвлечься, они ведь были уже зрителями, они настроились на зрелище, а им пока ничего не показывали.

- Совершенно верно! Явите миру вашего продюсера гастрелей, будьте любезны! Пускай он выйдет к людям, хватит ему прятаться, надо бы и совесть поиметь, - подогрел революционную ситуацию бархатным баритоном знакомый опереточный дядюшка из недр внушительной толпы недовольных граждан.

- Бессовестные! - отважно поддакнул сутулый сынок.

Как быстро пара сердитых активистов спровоцировала нашу народную, совсем недавно абсолютно немислимую, крупную бузу! С мест понеслись довольно едкие эпитеты в адрес бестолковых администраторов. Человек двести уже вламывалось в служебные двери, оттирая в сторонку капитулировавшую охрану. Театр вновь напоминал вокзал. Люди громко разговаривали, вставали, садились, входили, выходили, опять что-то ели, теперь уже в зале, несколько плотных мужчин даже выпивали коньячок из горлышка.

Потом на сцене перед занавесом появлялись знаменитые актеры без сценических костюмов, прекрасно говорили о том, как не пришла машина с декорациями, забуксовав на въезде в город, детально рассказывали, как она приехала, какие героические монтировщики декораций в нашем городе, почти уже собравшие все оформление спектакля. Но было уже поздно, в правом проходе к завоеванному служебному входу выстроилась очередь бывших зрителей в верхней одежде, хвост очереди оканчивался даже не фойе, а где-то в районе гардероба. Вынутый революционерами из недр закулисья, пунцовый продюсер, потея, отмечал билеты на возврат какой-то хитрой печатью.

Спектакль сыграли, задержав начало на два часа. Сейчас и не упомнить, что это была за пьеса. Знакомые всей стране телевизионные артисты разыгрывали что-то комедийно-капиталистическое из австралийской жизни про любовников, мужей и жен. Хорошо играли, с огоньком. Оставшаяся часть уральской публики благодарно отзывалась на предсказуемые острооты, уморительные гримасы и забавные мизансцены, ей только этого и надо было. Ближе к полуночи гастролеров наградили настоящей продолжительной овацией с цветами и долгими вызовами на поклон.

Самый финал того необычного театрального вечера подарил впечатление, которое не скоро забудется. Наш реальный

ситком оказался гораздо комичнее любых сценических комедий, я впервые рассмеялся искренне и с удовольствием. На выходе увидел ту самую прогрессивную активистку, с которой и началось протестное движение в зрительном зале. Она о чем-то препиралась с водителем подъехавшего такси, и что-то нервно втолковывала сыну, резко взмахивая руками на каждое возражение. До чего же энергичная мадам, воплощенная победившая справедливость, мало того, что возвратила свои деньги за билеты, так еще спектакль посмотрела и, как обещала, поехала домой на такси.

Библио-хлам

В моем дворе, на задворках Сбербанка, тихо живет двухэтажная библиотека. Та самая, которой я уже давно мечтаю послужить ночным сторожем. Хочу напрасно и бесперспективно – нет вакансий.

Каждую ночь библиотечные окошки слегка подсвечивают мрачный двор, и то вперед, хоть так. Пусть даже тусклый и никчемный свет по мне-то будет всяко лучше полной тьмы. Слабенькая ночная иллюминация восьми желтых окон стабильно связывает периоды закатного и рассветного освещения. Зимой она отражается от снега и становится ярче, летом тонируется зеленым, занавешиваясь пологом листвы.

Давно не замечаю этих элементарных красот. Ношусь рядом, вижу и не замечаю. Как вечно замороженный скотиной или птицей, уборкой или посевной, всегда уставший деревенский дядька видит и не замечает тонкую световую живопись стаи ночных светляков. Ну, да, красиво. Ну и ладно, о скотине надо думать.

Днем библиотека исчезает. Почти не помню, как же она выглядит при свете. Ежедневная библиотечная реальность вялая, сонная, размытая, болотистая: десяток посетителей на дню, не больше. Из них – всего один-два средних лет, а остальные – школьники или пенсионеры. Правда, видел раз на читательской тропе двух необычных особей, причем, в один и тот же день, утром и вечером. Грудастую молоденькую мамочку, запикивающую груду ярких книг в коляску, да «синего» татуированного мужичка в потертых трениках и кепке, несущего в лопатах рук два толстых детектива. Видно, день дворовой библиотеки выдался тогда изрядно нестандартным.

Обычно же в России активным чтением занимается только старый да малый. Активная часть народонаселения теперь читает изредка, ей о скотине надо думать, не о книгах.

На днях уже было шмыгнул вприпрыжку мимо невысокого литературного крыльца, но вдруг притормозил, остановился. Двери – на клюшке, в небе – луна, в окнах – свет, а на

ступеньках – книги. Большая куча книг! Примерно сотня нечитанных изданий в твердых переплетах.

Лет двадцать пять назад такие пребывали в дефиците, в цене. Хорошую книгу можно было поменять на хороший коньяк или копченую колбасу, столь же хорошую и настолько же редкую. Один мой тогдашний знакомый авантюрист умудрился слетать до Москвы и обратно, посмотреть две столичные премьеры, провести увлекательную ночь на аэровокзале, напиться от пуза Фанты и Пепси, рассчитавшись за все про все трехтомником Дюма «Виконт де Бражелон» и книгой Гашека, естественно о Швейке.

И вот теперь эти слитки вербального золота финальной части ушедшего века свалены на входе в угасающую библиотеку. Им больше повезло, соотечественники их принесли сюда, а не на свалку, где уже двадцать лет гниет чехословацкая мебельная стенка, немислимая в свое время без книг и хрусталя.

Временная или временная перемена ценностей?

Выкопал я из этой кучи Дюма, Бальзака и Золя. Нахмурился и повздыхал на время. Порадовался, представляя, как новый библиохлам встанет на белую икеевскую полку. Ну, да, красиво будет. Оставил Никонова и Астафьева, которые и так уже живут на моем стеллаже (авось кому другому сердце сохранят). И тихо пошагал

домой готовить ужин, править свежие рукописи, отвечать на письма в электронке, болтать по Скайпу с дальними образами близких друзей, и перечитывать Олешу на ночь.

Заначка

Зачем-то ткнулся в дальний угол стеллажа, лет двадцать-тридцать, почитай, туда и не заглядывал. А там... Сразу забыл, зачем полез, когда в кирпиче выцветших фотооткрыток с лицами советских киноактеров нашел вот это! Девяносто советских рублей! Три сизых двадцатьпятки, красный червонец и синяя пятерка. Какая удача! Припрятал в свое время и абсолютно позабыл, нашел только сейчас.

Эх... Всё случается. Но с опозданием на тридцать лет.

Мне тогда было лет пятнадцать-семнадцать, только в этом возрасте так важны человеку образы артистов. Помню, что на что-то я тогда копил (не помню уж на что). Девяносто рублей! Это же тридцать бутылок водки. Это сорок пять виниловых дисков-гигантов. Это пятьдесят приличных книг. Это четыреста пятьдесят буханок хлеба. Это – средняя зарплата по стране в те годы.

Клад найден! Получается, он был зарыт только затем, чтобы об этом написать сегодня.

Модерация образа

Ну, вот и всё. Дожил! Вот и мне вручили последний в жизни паспорт, в смысле, бессрочный. Не без выкрутасов...

Измученная собственной свирепостью и бестолковостью контингента, басовитая, но визгливая паспортистка средних лет (ровесница!) вежливо и крепко выругала меня через окно своей норы в офисе Службы регистрации граждан.

- Не годятся эти фотки в паспорт, гражданин! Я их у вас не принимаю! На них всё не по правилам. Где тут ваше правое ухо? Даже не видно, есть ли оно вообще. Идите, фоткайтесь опять, там денег по второму разу не берут. Снимайтесь без наклона головы. А то вы тут на какого-то киноартиста походите, - сказала приемщица, будто оскорбила.

Я искренне сконфузился. Да, стыдно в жизни на актера походить. И впрямь, артист, натужный артистический портрет в фойе провинциального театра.

«Конечно, перефоткаюсь, - подумал, - надо, так надо».

Второй дубль незапланированной паспортной фотосессии получился ещё гаже. Откуда-то взялся окладистый подбородок, выпучились и помельчали глаза, жирно проступила легкая небритость, в тонкую струнку вытянулась шея, излишняя фронтальная заливка

светом очень по-своему перекомпоновала географию лица.

Вот это образ! Краше в гроб кладут!

- Отлично! То, что надо! - подобрела привередливая стрелочница-паспортистка. - Немножко не походите, но возьму эту фотокарточку, в ней всё по правилам.

Хотел было с этой судьбоносной теткой потягаться, возразить, поспорить. В первом-то портрете был пусть изнурённый, но живой человек, во втором - какой-то бледный вампир, опухший и ушастый, или какой-то луноликий дурень, лом проглотивший, или какой-то блин карикатурный с точечными глазками. А пригляделся к желчному лицу усталой модераторши наших паспортных образов и понял: нет, не стану.

Вот и меня отмодерировали, уши теперь видно даже слишком хорошо. Останусь непохожим на себя, зато по правилам.

Фейерверк

В центре города ночуют вороны. Догадываюсь, им все фиолетово, вернее будет сказать: им даже все черно по жизни. Но, боже мой, как же они живописно ночуют! Жизнь, со стороны, красива очень.

Смотрите. По всем скверикам, бульварчикам, парчкам и аллеикам на

набережных вокруг Плотинки растут огромные тополя, еще не окончательно вырубленные из городской среды. На всех тополях зимою спят екатеринбургские вороны, развесившись как гроздья черных ягод на гигантских кустах. Копшатаются там себе чего-то, иногда каркают, ворчат, скандалят. Красота! Летом они незаметны, лето, наверное, предлагает им больше вариантов ночлега. Живут себе между небом и городом, без них бы, наверное, совсем уныло бы было у нас.

Ничегошеньки не знают эти сонные стаи о праздниках людей. Абсолютно не ведали птицы и в новогоднюю ночь, усаживаясь спать, как всегда, как обычно, какие потрясающие впечатления их ожидают. В полночь город притих ненадолго, а уже через пару минут к небу взлетели сотни огней. Новый год наступил оглушительно, колоритно и ярко. С разных сторон громыхали залпы дурацких фейерверков под дурацкие человеческие крики с земли. Черно-фиолетовые стаи, естественно, поднялись на крыло, но лететь было некуда. Со всех сторон небо расцветивалось неожиданными салютными взрывами, разноцветными дымами, тысячами бумажных фонариков, огненных ракет, фонтанами искр и огоньков, между которыми сновали силуэты одуревших ворон. Красивейшая, драматичнейшая графика: новогодний салют, разбавленный раздрызганной стаей ворон, одуревших от неожиданного грома.

Тысяча мятущихся черных душ на праздничном фоне равнодушного бенгальского огня всех цветов радуги. Про нас картинка.

Как минимум, два часа в небе Екатеринбурга бесновался фейерверк из пиротехники и обалдевших птиц, аккурат, до наступления московского нового года. Потом народ охрип от ора, подустал от взрывов, и вернулся к столам, а вороний народ, вырвавшись, в конце концов, из огненного окружения, полетел ночевать куда-то к чертовой матери, куда-то за город, в лес, в темноту. За первый день нового года в городе так и не появилось ни одной большой птицы.

Стон о кошельке

Почта России – отрывка вековых традиций! Почта России – новые технологии нерасторопности! Почта России – неприветливая вежливость! Почта России – свежая тысяча неудобств! Почта России – неряшливая путаница судеб! Почта России – весь мир в одной очереди! Почта России – ребрендинг бестолковости! Почта России – лига ожидания!

Мнущь в почтамтовых очередях сегодня, терпеливо сучаю, выдумываю идиотские слоганы, вежливо и брезгливо проясняю нюансы верного написания непригодных к заполнению бумажонок, постигаю заковыристые правила

упаковки и взвешивания, прислушиваюсь к вялым спорам о том, кому, когда и в какую очередь надо было бы встать. Любуюсь на кислые лица родного народа. Ни одного среди нас улыбающегося, радостного, светлого. Молодых почти нет. Озабоченные все очень, сосредоточенные, мрачные.

Стою, терплю ответное брезгливое терпение соотечественников в свой адрес, перечитываю адреса, отгрызаю зубами куски лишнего скотча на краю тляп-ляп упакованной бандероли, пересчитываю очередь по головам. До меня – двадцать пять пожилых россиян, это если не влезет какой-нибудь раньше занявший и умеющий доказать свое право на место передо мной. Минимум сорок минут заунывного ожидания я себе обеспечил.

Почта России – есть время подумать!

Только было взялся выискивать тему для размышлений, как уши проткнуло писклявое «ох». Да нет, этот звук буквами выразить невозможно. Нет, не звук, стон утробный, долетевший до каждого в тесно набитом людьми, в жарко натопленном, а поэтому потном и маслянистом пространстве почтового отделения. Пронзительная ультразвуковая нота мигом выключила человеческий гомон, а вслед за ней прозвучало:

– Кошелек! Кошелек!

Вопила чернявая тетка, вся состоящая из телесных композиционных нарушений, мелкая дыня на ножках в джинсах и шубе нараспашку.

Это она уже двадцать минут взвешивала кипу заказных писем с уведомлением, топталась на собственных перчатках, а когда ей их поднимали, зыркала так, будто видела презерватив. Потом вновь роняла несчастные перчатки, и вновь ощеривалась на услужливых мужиков. Как говорится, «ни спасибо, ни насрать». Отправкой важной занималась бизнес-леди, в налоговую или в суд, никак не меньше. Какие тут «спасибо» могут быть? Люд понимающе терпел.

Сумбурно, нервно, сквозь ошибки с исправлениями, через перезаполнение, через задержку очереди, через микроскандал «я тут занимала», в конце концов, завесила-оформила. Пора бы заплатить. А кошелечек-то Бабай унес! Бедная! Так стонут девственные кошки в момент соития. Вот он, похожий звук. Слов человеческих в ее горе было немного.

- Кошелек! - а встык тот самый звук. - Кошелек! - вновь звук. - Дисконтные карты! Ой! Кошелек! - и снова звук, звук, звук.

Не было в ее стенании просьбы о помощи или сострадании. Беда была, а просьбы не было. Не верила она ни в какую помощь. Как же гневно отшвырнула эта «пострадавшая» замызганную сторублевку, подсунутую сердобольной молодухой «чтобы было как домой

доехать». Так и валялись эти деньги в месте, куда еще недавно падали перчатки, никто даже не пробовал поднять. Жирная нищенка средних лет пялила на них косые глазки, но не подходила.

Обобранная тетка еще немного постенала, сговорилась с равнодушной операторшей об отправке своих писем вечером, безнадежно выяснила, как работают, а вернее, не работают камеры видеонаблюдения и, отказавшись от вызова полиции, застегивая шубу на пороге, унесла свой вой на улицу. К родным и близким понесла. Ведь есть же у нее родные. Им и достанется.

Я выдохнул, нащупал в кармане свой выдавший виды кошелечек, пересчитал в уме смешные дисконтные карты, припомнил единственную банковскую карточку и мысленно перекрестился. Слава богу, не со мной!

Взглянул на очередь. Все думали о том же. И улыбались! Искренне, без хмурой вежливости. Все-все-все.

Потом разговорились резко, зашумели оживленно. Кассирша рассказала, что кошельки и портмоне у них «уходят» каждый день. И чем помогут камеры, когда на той неделе унесли аппаратуру (монитор, датчик движения и калькулятор), так и не нашли! Народ расхохотался.

Почта России - трагикомическая реальность!

Каждый из нас придерживал ладошками свой родной карман, и тихо радовался окружающим. Потом всем вдруг захотелось пообщаться. Все что-то безмятежно говорили. Особенно разговорился ранее незаметный серый коренастый дядька.

- Карман порезали в трамвае, а выудили только сигареты... Из сумки вытащили записную книжку... В бане взяли кошелек, а в нем и денег-то была сплошная мелочь...

Он уже давно отправил свое письмо, а все не уходил. Стоял у очереди и вещал нам о всяческих малозначительных карманных утратах. Сочинял, похоже, на ходу. Народу нравилось. Народ был ему благодарен. Народ поглаживал любимые кошельки и верил, что уж с ним-то ничего такого не случится, а если уж и будет – то вот этак, в легонькую, не военно, без особенных потерь.

Народ счастливо улыбался, весело вздыхал и думал:

- «Слава богу, не со мной!»

Путешествие из Бурга в Челябину

- Пассажиры с билетами до Челябинска на восемь-десять! Ваш рейс все-таки состоится! Пройдите на посадку! Отправление с первой площадки! – весело каркнул пожилым женским голосом динамик под крышей автовокзала.

На часах было уже восемь-двадцать, пустой «Икарус» с облезлыми логотипами Олимпиады-80 в окошках стоял тут уже полчаса, мимо сновали потенциальные путешественники других рейсов и курили мы – всего-навсего два пассажира челябинского маршрута: удивленная стильная дама средних лет в остро-молодежной одежде и я.

– Хоть и не хочется, а ехать надо! Поедем? – иронично спросил коренастый водила, нахлобучивая кепку и подмахивая школьной шариковой авторучкой мятый путевой лист, будто от нашего решения что-то зависело.

– Поедут-поедут, везунчики. Куда они денутся? Всё состоится! Отправляйся уже! – растянула улыбку от уха до уха украшенная красной кондукторской помадой и алым махровым беретом великодушная диспетчерша посадки, непомерно широкая тётя, подпоясанная солдатским ремнем. – Добрый путь!

Вот мы и едем вдвоем на тридцати восьми креслах. Спасибо вам, милые автовокзальные люди! Могли же просто перенести, отложить или совсем отменить нам поездку, да не стали. Дай бог вам здоровья! Поехали!

Всё состоится!!!

Застряла во мне эта славная фраза. Все четыре часа пути собирался прочищать и ясно формулировать туманную рутину драматургических замыслов последних недель. Даже блокнотик в клеточку и свежую ручку

заготовил на этот случай. И вдруг вот это «всё состоится». Совсем о другом призадумался.

Одинокое путешествие в самолете, поезде, автобусе приводит мысли в более-менее стройный порядок. Как же люблю я это нечастое и удачное сочетание статики и динамики автобусных размышлений, когда тело в покое, а пространство в движении. Спасибо тебе, олимпийский автобус! Ноги, конечно, приходится разминать и тянуть (печка работает слабо, в салоне прохладно), если заснешь, то рискуешь окоченеть, часа хватит. Зато мысли теплы и размяты. Прекрасная экспрессия осмысления по цене приличного обеда в недорогом кафе!

Десять лет уже здесь разъезжаю и радуюсь. Десять лет с удовольствием «экспрессивничаю» между Челябиной и Ёбургом по креативным потребностям. Нижайшие благодарности и особые реверансы за эти путешествия надо бы отвесить в сторону нескольких моих знакомых театров Екатеринбург, Челябинска, Москвы, Ярославля и Вологды. Многолетняя невозможность утоления режиссерско-постановочных амбиций заставила однажды внимательно посмотреть по сторонам и разглядеть интереснейшую сферу приложения режиссерских навыков – региональную рекламу. Вот и колешу частенько из Бурга до Челябины и обратно.

Ироничные домашние имена двух уральских миллионников – Челябинска и Екатеринбурга – емко выражают характеры этих вечных соседей по региону. Меткие прозвища ими же самими и придуманы, причем, не друг в отношении друга, а каждым о себе. Справедливости ради стоит отметить, что крепость Челяба, обосновавшись на восточном склоне Уральских гор, когда-то и дала городу имя. Но кто ж это помнит? Сегодня мы знаем не крепость, а город, и слышим не историческое имя, а веселую кличку.

Самоирония – вот первая черта, роднящая соседей. Конечно же, амбициозны оба не на шутку, но смешливы. Провинциальные, но центры. Региональные столицы, но в периферии. С каким бы наслаждением ни наряжались в модные мегаполисные одежды, оба они «с Урала», это видно. А, потому, что вороваты и ленивы, беспечны и зависимы, трудолюбивы, но не шибко образованы, неряшливы, талантливы, великодушны, подловаты. Порой грубы, порой возвышены, и очень-очень терпеливы.

Один – кичлив и не дурак при случае примерить брендовый костюмчик. В меру развратен, в меру прогрессивен, помпезен несколько, но тоже в рамках, хоть и мечтает в каждом сне о статусе «третьей столицы». Тоже мне, Санкт-Екатеринбург! Язык сломаешь. Родился он, видите ли, на перекрестке торговых, транспортных, промышленных путей. Кому еще,

как не ему претендовать на странный статус, оспаривая бумажные лавры у Казани и Новосибирска? Ёбург. Он в центре континента, потому эгоцентричен.

Второй – мещанин, простодушен, и ни о чем таком не грезит. Одевается скромнее, но тоже в новое; неярко и не по размеру, но удобно. Он любит похихикать над перемодничавшим другом, ведь у того с размером тоже далеко не все в порядке. Челябин. Он южнее, потому и озорной.

Но как бы презентабельно они не одевались, хоть в смокинг от «Uomo», хоть в вельветовый костюм от «Wilvorst», под импозантными штанами города-друзья по-прежнему упорно носят, уж простите, советские сатиновые трусы от «Большевички». У нас пока незыблемы традиции, крепки основы, непреклонны предпочтения. Форма формой, но базовая суть упряма. Вот, аккуратный европеец, Кёльн, к примеру, семейные трусы под джинсы не наденет никогда, а наши могут. Нам, азиатам, это запросто.

Два пацана из встречного автобуса придалбливаются с игривым разговором к моей стильной попутчице. Та, сначала, что-то коротко им говорит, стараясь удержать брезгливую надменность, а потом бросает напускное высокомерие и простодушно смеется острым шуточкам, кося лукавым глазом через сигаретку. Это мы остановились на Ямском подворье. Как

быстро промелькнули два часа! Полпути уже за спиной.

А флиртующим пацикам по тридцать лет, никак не меньше. Одеты тоже в молодежное и новое, но это не скрывает, а лишь подчеркивает их уголовный облик и шельмоватое обаяние простых порочных лиц. Уральские ребята. Коротконогие потомки ссыльнокаторжных и крепостных. Порода, смешанная из остатков жадной скифской крови со свежими добавками от строителей российского горнозаводского могущества, согнанных сюда со всей Империи, да еще от строителей советских промышленных гигантов, пригнанных сюда со всего Союза.

Подумал: а ведь двести лет назад человечество еще не разобралось с нефтью и газом. В ходу тогда были металлы, руды, камни, их добывали на краю тогдашней цивилизации. У нас. Теперь опорный край державы пребывает где-то в Хантах. Край географии сместился из Урала далеко в Сибирь. Там теперь вкалывают с утра до ночи и света белого от пахоты не видят. Там сейчас опорный край новейшей национальной идеи – нефтегазовая прибыль.

А мы... Мы оказались в серединке Родины, и мы хотим «как в центре». Мы ныне больше озабочены образованием, искусствами, наукой, шопингом и развлечениями. Нам очень хочется удобного и колоритного, просторного и динамичного пространства жизни. Уже принципиально покупаем питьевую воду только

в пластиковых бутылках, а землю для цветов в полиэтиленовых пакетах. Кто бы мог предположить тридцать лет назад, что спокойно станем покупать (вот это да!) землю и воду. Как можем, окультуриваемся. Втыкаем в кирпичные центры старых городов щербатые кубики стеклянных небоскребов, решительно выкорчевываем из тротуаров чугунные водопроводные колонки, постельное белье уже не сушим на веревках во дворах, на месте огородов и садов устраиваем автостоянки, сараи заменяем гаражами, лозунги рекламой.

На деле же искусства и науки произрастают здесь у нас от безысходности, в отместку тесноте многоэтажных кварталов, вопреки узости тусклых улиц, цветут из нелюбви к тривиальной реальности, хорошеют не от солнца, а от жажды света и тепла. Как и в любом другом из десяти, зачатых в СССР, провинциальных центров. Искусствам здесь никто не помогает, как во всей России, базовая суть упряма. А ведь не унимаются, произрастают! Неужели же всё состоится?

Автобус тронулся, а молодящаяся дама раскрыла ноутбук. Вот кто она? Преподаватель? Блоггер? Менеджер? Юрист? Маркетолог? Критик? Аудитор? Журналист? Как много новые времена принесли нам дамских профессий с мужскими наименованиями. Нет, не журналист, а журналистка! Вон как шаловливо поглядывает через плечо. Заметила меня. Спасибо. Точно,

журналистка! Наушники втыкает в уши. Какой же комп без музыкалки? Журналистка.

Красивая, освещена неплохо, фон прекрасен. За ее строгим профилем в сторону Ёбурга проносятся широкие снежные поля и узенькие перелески, но чаще стройные фактурные стены из корабельных сосен, мы же на Урале. Как мне не хватало в моих странствиях по миру именно этой природы, именно такого леса! Московская и европейская разлапистость лиственных лесов хороша, но хвойные вертикали прекрасней. Родина. Я – здешний.

Мадам что-то пишет. Лет сорок ей, но выглядит на тридцать, хороша. Екатеринбургенка или челябинка? И там, и там таких красот в достатке, это визуально не определить. Наверняка, детеныш есть, наверняка нет мужа. Сильная, образованная, активная, ранимая на кухне, и свирепая в офисе. Современница.

Что ж ты пишешь, попутчица? А я сейчас возьму, и угадаю! Время есть.

Ну, что-нибудь такое: «Именно здесь, на въезде в Екатеринбург, будет создан грандиозный туристический комплекс «Граница частей света». Строится дендропарк, смотровая площадка, музей уральской усадьбы, музей народных промыслов, спортивный комплекс. Плюс к этому, этнографический музей, мультиразвлекательный комплекс, гостиница «Евразийская», конференц-холл

«Евразия». Плюс к тому, многочисленные предприятия общественного питания и торговли, а также крупнейший в регионе выставочный комплекс. В перспективе запланировано ещё и возведение межконфессионального духовного центра, на этом месте вознесутся храмы всех основных мировых религий».

Но ты же не напишешь нам о том, что стройка-то всего-то только выдумана, и неизвестно, будет ли в реальности. Никто ничто не строит, сплошные планы, сплошные освоения бюджетов. А уж о том, что собственно граница Азии с Европой лежит совсем не там, где сочинили строить, и подавно промолчишь. А тема милая. Самолюбивый Ёбург взял, да и притянул границу частей света к себе поближе в самом начале века (надо думать о туризме). Что ж ты об этом не расскажешь?

Или, вот эдак: «Ежегодно сотни людей стремятся попасть в Аркаим. Возникает резонный вопрос: зачем им это нужно? На него нет общепринятого ответа. Для некоторых визит в знаменитые окрестности Челябинска означает стремление прикоснуться к истории, расширить свой кругозор и попытаться определить место современной цивилизации в водовороте жизни. Одни хотят покинуть пыльный город и слиться с природой, подышать воздухом степи, увидеть ее бесконечные ковыли. Другие считают, что Аркаим – это место силы, могучий источник

потусторонних явлений, где клокочет невидимая мощь древних, ныне почти забытых культур. Каждый должен самостоятельно решить, зачем он хочет посетить заповедник. Эта задача многим кажется сложной, но, как показывает практика, иногда нужно просто приехать».

Но ты же не напишешь нам о том, что Аркаим сегодня – относительно крепко структурированное коммерческое предприятие, где каждый туристический шагжок за деньги. Что ж ты об этом-то молчишь?

А, может быть, ты тупо сочиняешь заголовки? Под барабанный ритм в ушах таких ритмичных журналистских текстов можно много написать. Не написать, черкнуть. Да и не текстов, материалов. А твоему редактору, да нет, редакторше, ничто другое, в общем-то, и ни к чему. Немного факта по верхушкам и обильное бравурное бла-бла-бла на тему. Стилистика всех более-менее стабильно живущих региональных СМИ. Пиши. Надо зарабатывать на отпуск, на санаторий для ребенка, на ремонт в хрущевке.

В ноздрях защекотало, по салону потянуло кислым смрадом. Подъезжаем. Челябинском запахло. Когда впервые ехал, попутчики мне рассказали, что воздух в этом месте портит крупное химическое производство, построенное советскими отцами в черте города, чтобы трудягам было ближе ездить на работу.

В окнах, вместо леса, уже мелькают вывески, плакаты, рекламные конструкции.

Челяба, все-таки, неисправим. Однажды он решил, что реклама должна веселить, и упорно следует своему решению. Такого количества известных и незнакомых мультяшных персонажей на рекламных носителях я не встречал ни в одном другом городе. Если на баннере лицо актера, то обязательно с перекошенной рожой, с прикольной физиономией и высунутым языком. Смешно. Если уж слоган, так иронично-комический или двусмысленный. «Мясная душа России». Смешно. «Будет стоять долго». Смешно, но пакостно. А бутик «Для одетых мужчин»? А типография «Два комсомольца»? А ресторан «Рёбрышковая»? Забавно. Бург такого себе давно не позволяет, а Челябинка резвится вовсю.

Каждый по-своему, но оба соседа не столько дополняют визуальный облик городов рекламами, сколько беспорядочно уляпывают сизо-серую палитру строгого хрущевско-брежневского минимализма едкими цветными плевками рекламных коробов, растяжек, крышных установок, баннеров и брендмауэров. Декорируют рекламой совковую полумрачную графику, как юные студенты, украшающие старый шкаф в общежитии веселенькими эротическими картинками. Результат украшения порой ужасает. Дичайшая эклектика, арт-синтез глупости с гламуром, пошлейший перепостмодерн.

Но они же только-только начали, все еще может состояться. Все будет, и зловонные заводы аккуратно переселятся за городскую черту, и рекламные нелепости исчезнут. Искусства и науки расцветут, задышат полной грудью.

Всё состоится! Но не завтра, не при нас.

Тараканище

Как бы ни совестил меня директор, что негоже, мол, человеку порядочному и тоже руководителю, что нельзя приличному арт-директору, чья профессия требует идеального чувства стиля и вкуса, запускать к себе в дом типовые, многотиражные предметы интерьера, я все не унимаюсь. Как бы ни убеждал он меня, что все это дешевое добро – попса и, по сути, пошлость, фастфуд, масскульт для широкой аудитории недалеких соотечественников придуманный, как бы он не насмеялся над идентичной инкубаторной мебелью в очень разных домах, не прошибают его мудрые доводы моей нежной любви к «Икеюшке-душеньке».

А где бы еще я обрел эту тысячу бытовых мелочей, столько стильных, занятных, полезных мне интерьерных решений и прелестей? Только там они водятся в таком изобилии! Может быть, это все и дизайнерские «игрушки для плебса», но игрушки, ей богу, талантливые, интересные, нужные. Вот зачем напихивать в квартиру

пятиэтажки элитную мебель, объясните пожалуйста? Даже не думаю о вольтеровских креслах, роккокошных бюро, тяжелых портьерах, резных обеденных столах и прочих трюмо, оттоманках, секретерах. Никак не монтируется элитная изысканность к моим скромным эстетическим потребностям и бытовым пространствам. Да и «дорого-богато» далеко не всегда означает – стильно. Нечего делать кабинетному роялю красного дерева при входе в сапожную лавку, правда же? Такие у меня сложились стилистические предпочтения.

Забираюсь недавно после очередного шопинга в маршрутку на автобусном кольце у гигантского торгового центра. Усаживаюсь бок о бок с единомышленниками в смысле стилистических предпочтений, с десятком таких же, как сам, довольных покупателей, разнообразных земляков, увешанных коробками и пакетами.

Две прыщавые девчонки, напротив, из-за горки пакетов хихикают. Строгая дама, типичная учительница физики, сверяет длинный ценник с содержимым огромного продуктового набора. Маленькая татарская бабушка, очень юркая, яркая, звонкая, длинного внука и рослую внучку радостно пересаживает поближе к себе, про погоду им бубнит, про время у соседей спрашивает. Внук и внучка зажаты до оторопи, от каждого ее слова шарахаются, смущаются. Пассажиры давно уже в курсе, что ребята недавно

приехали, что активная бабуля целый день их таскала по магазинам, что в их родном городке о таких гипермаркетах и слыхом не слыхивали.

Физичка на бабушку неодобрительно косится, осуждает, но крепится. Опутанные телефонными и плеерными проводами пацаны ничего не слышат, но все понимают, ухмыляются. Мощно татуированный парень, уголовно-простецкой наружности, на «перстни» свои многочисленные любуется, вспоминает о чем-то мечтательно. Толстый папа айяйкает непоседливому ребенку, запрещая тому выуживать из пакетов игрушки. А сыночку ой как хочется прямо сейчас что-то вытащить. Изловчается все же настырный сынуля, пока папа покупает билет, и катится куча рулончиков туалетной бумаги прямо по полу.

Папаша давай собирать, бабуля давай помогать, а сыночек давай продолжать вынимать. Как только он вытаскивает большого лохматого медведя, тут же получает заслуженную затрещину, скулит немного для порядка, обиженно упирается в окошко, затихает. Вот же характер растет, знал, что схлопочет, а ведь добился своего.

До первой остановки еще не доехали, как одна из гламурных девок оглашает салон и окрестности истеричными криками:

– Таракан! А! Фу! Мерзость!

У нее на коленках затоваренный пакет трясется, на пакете том – сумочка модная, а на

сумочке, аккуратно перед носом, сидит наглое насекомое. И вправду, таракан.

Да не просто пруссак, ТАРАКАНИЩЕ! С зажигалку величиной, никак не меньше. А усища-то! Смотрит на свою новую хозяйку, вопли ее внимательно слушает, и не может решить, то ли ему обратно в пакет спрятаться, то ли новых хозяев пойти поискать, раз такой здесь неприветливый прием.

Вид у него удивленный и несколько одуревший. Ну, во-первых, путешествие его явно было непростым и продолжительным. Из Китая он приехал к нам, из Москвы, из Европы ли, кто знает. И, похоже, особыми разносолами парня в дороге не баловали, весьма худоват таракашечка. Впрочем, возможно порода такая. Во-вторых, визг девушкин дополняется еще воплем подруженьки и, сливаясь в пожарную сирену, пронзительным ультразвуком рвет всем душу и уши.

Что же тут началось!

- Таракашка это, - со знанием дела вещает бабушка, - её надо на землю... на землю... да ногой...

- Ты сбрось его, - советует уголовник.

- За усы и за форточку, - потешаются пацаны-меломаны, выключив плееры и вынув музыкальные затычки из ушей, интересно же.

- Ай-я... Ай-я... Ну-ка, э... дай-ка я, - голосит, подбегая, очень плохо говорящая по-русски, восточная кондукторша. Глядь, а нет таракана-то.

Ультразвук прекращается, все легко вздыхают и по-доброму усмеваются. Небольшое автобусное пространство распирает простой радостью, оно наполняется чем-то добрым и очень хорошим. Все-все-все улыбаются. Поглядывают друг на друга вдруг тепло и доверчиво, комментируют происшествие тихо, и тихо хихикают. В салоне зависает атмосфера негромкой, слегка беззащитной радости, вид у всех наивный и простодушный. Так бывает, когда близорукий очкарик снимает очки.

Вот ведь как. Таракан так вот просто заставил моих соотечественников снять на время очки привычной чопорной пристойности. Потептели у людей глаза, оттаяли. В этом и заключалось, наверное, высочайшее предназначение его «насекомой судьбы». Что-то всех нас единило и тихо веселило. Может быть, радовало как раз чувство единения? Ох, как нечасто оно с нами случается.

По закатному Екатеринбург уехал целый микроавтобус близоруких очкариков без очков! Больше всех ликовал самый юный пассажир, мальчуган с неумным характером. На его медведе сидел таракан...

Наглые тараканьи выверты и вновь начинающийся гвалт пресекла отважная татарская бабушка. Широко взмахнув зеленоалым платком, будто какой-нибудь супер-герой американского комикса, она ухватила тараканище за усища, повалила на пол и с

хрустом прекратила последнюю таракашкину гастроль в России с помощью изящных китайских кроссовок. Народ аплодировал. Атмосфера милого воодушевления сохранялась еще некоторое время, пока в наш автобус не напихалась дюжина новых пассажиров с напряженными лицами, ничегошеньки не знающих о произошедшем, а по сему, чопорных, холодных и строгих.

Надо же, зарубежное насекомое спровоцировало крохотное русское народное единение. Причем, единение доброе, светлое. В самом неподобающем для этого месте, по самому ничтожному поводу, несколько совершенно чужих людей стали вдруг своими на краткое время. Полюбили мы все друг дружку на секундочку в той маршрутке, вот в чем дело. И не было меж нами ни капли тьмы, ни капли желчи. Никуда эта наша основа, оказывается, не подевалась, всегда она при нас. Был бы повод.

Дрель

Что ты там сверлишь столько лет, невзрачная моя соседка-пенсионерка? Тихая с виду бабушка всегда полупрозрачна во дворе, почти и незаметна днями, но очень примечательна по вечерам: слышна всему подъезду, всему дому, всему миру.

Я свыкся, я уже не злюсь, я снова отодвинул сырую рукопись мало кому нужного рассказа и силюсь разгадать, что же может тихая женщина сверлить ежевечерне в течение трех лет? Стены? Мебель? Потолок? Думаю только об этом. Чем сверлит и зачем? Бензопилой? Перфоратором? Дрелью? Совсем оригинальный вариант: китайским блендером о батарею для полноты и мощности звучания?

Биологические шумы соседей, то есть, звуковые (и не только) волны соседских событий серьезно корректируют судьбу среднего жителя многоэтажки. Со всеми этими стандартными бытийными звуками все ясно. Нервные собаки по утрам пискляво воют и скулят от одиночества. Ясно. Пьяные дураки ломаются ночью в закрытые двери своих квартир и матерно препираются с вялыми милиционерами на тему переименования тех в полицейских. Понятно. Малоимущие автолюбители прогревают чихающие моторы под окнами. Ну, тоже ясно. Сытно питающиеся подростки слушают хриплые хипхоповые речитативы из магнитол родительских автомобилей. Также понятно. Ликующие детки орут от переизбытка энергии в просторных клетках детских площадок, стучат лопатками по качелям, иногда колошматят друг друга и лопухи, залиvisto смеются звонким крикам мам. Понятней некуда. Ровным фоном чирикают мелкие птицы, каркают вороны, скрипят деревья, поют автосигнализации,

домофоны и телефоны. Разумеется, понятно, ясно. Дико бьют телевизоры в домах у глуховатых стариков и радиоприемники у прогрессивной молодежи. Яснее некуда.

Неясен только этот звук.

Я изнемог в незнании, я вытер навернувшиеся слезы, я на сегодня отодвинул сочинение, одним рассказом будет меньше. Ответ – что ты там сверлишь? А? Не пилишь ведь, не приколачиваешь, не отвинчиваешь, не роняешь, не стучишь. Лишь сверлишь-сверлишь-сверлишь мои мысли, уничтожая некрепкие замыслы. Твоя квартира (копия моей), но только выше на этаж, судя по звукам, должна теперь насквозь состоять из отверстий. Ты только пол не трогай, ладно? Он же мне служит потолком. Не ровен час, рухнешь со всеми дырами в мое интимное пространство, и что мы будем делать? У меня тут своих брешей выше крыши! Ты аккуратнее, родная, не сломай там ничего.

Звук дрели обезволивает. Вот же звук! Так выкорчевывают пни, так расчленяют туши, так созидают деревянную скульптуру. С подобным звуком делают гробы, перепланируют квартиры, изготавливают мебель, трепанируют черепа и гранят алмазы. Ты чем из этих дел там занята?

Ох, этот многолетний звук! Ни один мужчина так сверлить не станет. Медленно, упрямо, неуверенно, с большими паузами, методично. Как говорят, «не ради результата, а во имя процесса». Да, для процесса. То бишь,

бесконечно продлевая, долго для процесс. Да, точно, это дамский звук! Ведь судьба (она же совесть) – женского рода, она напоминает о себе по-женски, неуверенно, упрямо, нудно и противно.

Сверли сколько угодно, дорогая! Отвлекай меня от глупой зауми, шугай обыденную плесень лени вместе с механической рутинной ремесла. Но дай ответ, что и зачем ты сверлишь? Молчит, не хочет отвечать.

Площадь Обороны

Меня, во глубине Уральских гор, давно тревожит слово Украина. Всякий раз, когда его слышу – хмурюсь.

Хотя и радости случаются, отмеченные этим словом. Никогда не забуду впечатления, полученного на площади Обороны, сравнимого со вздохом облегчения, от неприметной екатеринбургской тетушки на митинге то ли в поддержку, то ли против Украины. Юркая дама ловко повязывала без разбора всем вокруг на рукава ленточки цветов наших флагов не отдельно, а вместе (желтый, синий, красный, голубой, белый), улыбалась и бежала дальше. Митинг тогда проходил как-то вяло, дежурно. К подножию памятника «Седой Урал», который некоторые остроумцы в народе дразнят или Дедом Морозом с мечом, или старовером с

крестом, нагнали сотню скучающих студентов, мелких чиновников, пенсионеров и школьников с типовыми плакатами, со стандартными флагами. Между ними и сновала незаметная активистка. Вот же, молодец, никто ее не заставлял, сама пошла, накупила ленточек нужных цветов, нарезала и привязала. Неужели надо еще кого-то в чем-то убеждать, о чем-то спорить? Получается – надо. Кому? Вот уж не нам-то с этой теткой, это точно.

Однажды мне Украина насолила крепко (еще до всех событий, до всех майданов). Это же надо было такому случиться: жила-была у меня первая повесть, а потом вдруг произошла у повести первая прекрасная победа в литературном конкурсе и первое серьезное обещание издания книжки пристойным тиражом. И все это – из Киева. Совсем немного лет назад придумали тамошние ребята издавать «тонкие» тексты на русском языке (стихи, рассказы, повести), чтоб книжки потом продавались в Москве, Киеве, Минске. Авантюристы. Вся затея развалилась, надо понимать, еще на старте. А зря. Ну да, геополитические утописты в том издательстве сидели, ныне на Украине подобных издательств быть не может, и долго еще не появится. А вот почему? Не понимаю.

Примерно так же, в раннем детстве, я ничегошеньки не понимал и кисло хмурился из-под стола, когда мама с самой близкой подружкой

разругивались вдрызг, обсуждая темы сосуществования кацапов и хохлов в России. Обе, в самом начале Великой войны, были эвакуированы с теплой Украины на седой Урал в холодную Россию. Получилось, что эвакуировались они навсегда. Обе – детдомовки, обе поголодавшие и изболевшиеся, обе крепко убежденные в своей правоте. По-прежнему не понимаю их полемики, и недоумеваю. Я ведь по-прежнему обеих их люблю.

Переохлаждение

В городе – крепкий мороз и розовое небо. Этой ночью в мой двор привалил вдруг какой-то шафрановый снег. Стало светло, как на рассвете, и тихо, будто утром. Машины, гаражи, песочница, помойка – всё во дворе накрылось гигантской порцией мороженого. Выглядит уютно. Кажется, что за окном теплее.

По дому слоняется серая стужа и полумрак, поскольку новое поколение управдомов стабильно экономит на температуре теплоносителей, безбожно завышая тарифы и занижая подачу тепла нашим домам. Что-то они там подвинчивают-подкручивают каждую зиму в подвале совершенно легально и беззастенчиво.

В комнате неслышно пыhtят слабенькие батареи, молча силится согреть хотя бы себя единственный обогреватель, сипит неявный

сквознячок по полу и тихо рыча, надрывается пустой, обиженный на всё на свете холодильник. Всё бы это не беда, да только на душе тоже сквозит не по-доброму, и мозг застывает.

Оставлю я его в покое, он вот, говорят, незамерзайка, но, по-моему, не умеет он сам разогревать эмоции и мысли. Даже от самой горячей фантазии душа-то не оттаивает, а тело и подавно. Пойду баюкать охлажденный нос в подушке, отогреть в паху окоченевшие костяшки пальцев, кутать в одеяло ледяные пятки.

Пойду, подумаю о том, как же легко нас теперь вырубить, отключить, обесточить, в общем, отсоединить от жизни. Не то что в прошлом веке с печками, дровами, огородами, колонками, колодцами. Все наши судьбы ныне накрепко закоммутированы где-то в центре управления цивилизацией, лишь кнопочку нажать – и делу край!

Контроль

Ну, наконец-то к нам опять пришла весна! Вот она, капает в музей с потолка. Да какой там капает, течет потоком в три ручья: в большую вазу, тазик и ведро! Тепло пришло. Аккурат, на входе в первый зал оно и пришло-нахлынуло. Тряпочки теперь подкладываем прямо под струйки, поскольку шибко гулкая и звонкая

капель получается. Хорошо, что, пока идет переэкспозиция, зритель не увидит этого нашего влажного позора.

Мало было нам, сторожам, уборщицам, гардеробщикам и кассирам, оперативных задач по уборке и развеске, тут еще вот эта течь случилась. Полезем на чердак, куда деваться? Пока заносчивым сантехникам по телефону не обрисуешь обстановочку литературно и доходчиво – все будет напрасно, не придут рулиться в ситуации. А потому, что популярны они ныне, не менее хирургов, и диагнозы – не их дрова. Возможно, там всего-то надо крышу залатать, а вовсе не сантехнику чинить или систему отопления (лет семьдесят, всего-то навсего, старушке).

Я знаю всё наперед, карабкаюсь по тесной, почти вертикальной лестнице, и уже предвкушаю какое-нибудь новенькое потрясающее впечатление от чердака. Ни разу еще не было, чтоб я туда не сползал, не заметив что-то удивительное.

Точно. Будет в Ёбурге весна, будет! Смотрите. Весь наш чердак в недавно свитых голубиных гнездах, в каждом – по два-три яйца, уютно укутанные в бумажки и тряпки. Красиво. А по жести крыши – недовольное цоканье родительских коготков.

Вспугнул я вас с насестов, милые. Но, извините, люди-зрители важнее вас, у нас внизу голландцы выставку монтируют, вот какая честь!

Причем тут детки екатеринбургских голубей? Несопоставимые реальности. Я вот залез и разузнал, что течет совсем не талый снег, а кипяток из проржавевшего бачка, будет чем осадить наглость сантехника. Будет ему (сантехнику) объективная неотвратимость восхождения со сварочным аппаратом (и с крепким комментарием) на наш чердак. Будут голландцам аккуратные русские зрители, незапятнанные, не обкапанные с потолка ржавой водой. Людское актуальнее, приоритетней голубинового.

Пробираюсь обратно к люку, запинаясь, с размаху трескаюсь возвышенной башкой о низкую занозистую балку, и тут же многое осознаю. Я, получается, уже полчаса движуху навожу, фонариком размахиваю, спотыкаюсь, матерюсь. Вот они, гнезда, вот зародыши новой жизни, но теплых голубей-то здесь уже не будет! Как некрасиво получилось. Вот гнездо. Два перламутровых шарика. Холодные. Теперь им даже инкубатор не поможет. Ой.

А разве стóбит наша выставка, пусть даже очень-очень нидерландская, этих незаметных смертей на чердаке?

Но и этот саркастичный стыд оказывается не последним моим чердачным впечатлением. Несопоставимые реальности окончательно смыкаются, когда я решаю посмотреть в гнездо через очки. А там... Ох, видно крепко я ударился о балку. Среди бумажек, пуха, перьев, пакли,

ветоши и ниток внятно различим знакомый корешок музейного билета со словом «контроль» поверх логотипа музея. Такого не бывает! В общем, ничего удивительного конечно, мы же обрывки билетов ежедневно сотнями сыплем в мусорку, а ветер их разносит. Но! Что это за мистические намеки? Нелепое гнездо с неродившимися птенцами и явным ярлычком «контроль». Ох. Полезу вниз, чтобы под всем под этим жить-поживать, да что-то сочинять реалистично, убедительно, правдоподобно, пробуя забыть увиденное.

Безысходность

Во многих уральских городах часто встречаю жутковатые дома-пятиэтажки с балконными дверями без балконов. Бург не исключение.

Представляете? Вот он фасад, на котором вместо окошек – двери, через которые не выйти. Такой дом выглядит не столько глупо, сколько драматично. И никакой это не французский стиль в уральской архитектуре. Никуда не ведущая дверь за низкой решеткой – нехитрая метафора наших здешних надежд и возможностей. Есть они, но никуда не ведут.

СУКИ

Сейчас буду ругаться. Буду! Измученные слабые сильны на крепкое словцо. Пускай беспомощно, бездарно, бесполезно, но сегодня очень-очень нужно выругать кое-кого. Когда нет силы вычистить из человеческой природы этих бессмертных пакостников естества, так хотя бы выmaterить их от души, отвести душеньку.

Веллеровская саркастика о «СУКИ» (такая вот была красноречивая аббревиатура у Средне-Уральского Книжного Издательства) хранилась у меня в заархивированном виде где-то рядышком с подборкой булгаковских издевок, посвященных Массолиту и пушкинскими эпиграммами на Каченовского с Булгариным. Все эти милые колкости и отчаянные кляузы на литсудьбу, на, простите, литературскую мразь из творческих сообществ разных эпох была уложена на уважаемой, но самой дальней полке моей памяти, как старая сатира когда-то удушаемых писателей на былую реальность редакторского самодурства. Ничего личного. Не более чем просто любопытные архивы исторических гротесков на безобразия бывших литературных душегубов.

И вот недавно, в конце осени, я с ними лично повстречался! И с гротесками, и с душегубами.

Правда-правда! Они живехоньки, разархивированы, подлинны. Я побывал в их эпицентре, в самом логове! Не верится, но

творческие пыточные, литературские застенки, писательские эшафоты, как выясняется, содержатся в полном порядке, все наготове, ждут свежих сочинителей.

Неопрятное присутственное место с многолетними ржавыми протечками по всем углам и крашеными белыми решетками на окнах, густо обставленное коричневой мебелью из лакированной ДСП дождалось совсем не меня, а финала обеда. Кто бы сомневался! Унылое пространство, перенасыщенное белыми бумажными листами вперемешку с папками, авторучками, карандашами, дыроколами, вязаными кофтами на спинках стульев, разноцветными телефонными аппаратами, бледно-зелеными цветами в керамических горшках, чайными кружками всевозможнейших форм и окрасок было пропитано тишиной, изредка нарушаемой телефонным пиликаньем.

Судьбоносное место фильтрации текстов и биографий, заваленное пачками газет, журналов и книг не предвещало ничего хорошего. Оно взглянуло в мою сторону, сыро пахло чем-то болотистым, затхлым и как бы усмехнулось:

– Так, говоришь, шагаешь к слову? Хочешь писать нетленки, созидать сочинения, публиковаться? Уверенно идешь в глубокие дебри великой и сложной российской словесности? Ну, что же, – заходи!

И я вошел, смело протиснулся к единственному свободному стулу у

редакторского пьедестала, застенчиво присел к широкому столу с пожелтевшим от времени пузатым монитором и новеньким креслом «Директор». Кресло контрастно нарушало окружающую конторскую стилистику восьмидесятых. Кожано-хромированный, очень офисный элганс современного, а потому довольно неуместного, ну совсем неорганичного здесь предмета здорово подчеркивал ощущения пребывания в каком-то сталинско-хрущевско-брежневском прошлом. За спиной сосредоточенно прочитывала и громко рвала бумаги пожилая секретарша.

Здравствуй, Массолит!

Когда накануне звонил по объявлению, очень заскорузлomu и сучковатому даже с точки зрения канцелярской стилистики: «срочно требуются авторы, еще редакторы и журналисты», что-то подобное предчувствовалось, что-то такое предполагалось, но верить тревожным предчувствиям не хотелось.

«Вот же, – подумал, – вот тебе и достойная занятость! Трудись днем в тихой редакции над текстами, над композицией, над словом, а вечерами или в выходные за свои малоликвидные произведения берись. Уж если и пахать, так на тучной ниве прикладной словесности наемным бумагомараклой или штатным щелкопером, оно поближе к делу».

А мог бы распознать безрадостную перспективу еще в том телефонном разговоре,

таком же безнадежном и корявом, как и объявление:

- С кем можно пообщаться о вакансиях автора, редактора, журналиста?

- Так-так-так... Ну... Его сегодня нет, - пискляво и деловито ответила трубка. - Так... Это... Давайте-ка запишу вас на завтра, на встречу...

- Запишите. Может быть, стоит предварительно отправить резюме по электронке?

- Так-так-так... Так это... Напрасно истратите время, мы ничего из Интернета не читаем. То есть, он ничего из Интернета не читает.

- Как так? Совсем?

- Да вот так! Совсем! - многозначительно хихикнула тонкоголосая собеседница, зашуршала бумажками и, думаю, лукаво подмигнула. - Придете? Он у нас такой.

- Приду. Он - это главный редактор?

- Так... Ну... Да. И директор. И это... учредитель издательства.

Вписался же в историюку на свою голову!

Но когда и где бы я еще такое повидал? Выходит, правильно, что записался и пришел. Опять, как говорится, с улицы, без хитрых предварительных договоренностей, не по протекции, не по знакомству, на общих основаниях, без влиятельных рекомендаций. В

который раз встал в общую очередь к парадному подъезду.

Написал же мне однажды редактор уважаемого литжурнала, пожалел убогонького: «Не ищите издателей и с издательствами не связывайтесь, особенно с большими, издавайте книги за свой счет, пока получается. Издательское дело в России умерло, остались одни мародеры и нищие. Подгнило что-то в издатском королевстве...»

Нет, мне же надо ситуацию самостоятельно понюхать, испробовать, разведать. Особенно не обольщался, но опять надеялся.

- Дайте ему наши издания, пускай пока посмотрит, - скомандовал за шкафом высокий властный голос.

Передо мной образовались две еженедельные газеты, ежемесячный цветной журнал и ежегодный толстый справочник, посвященные образованию и культуре. Так вот зачем тут авторы-редакторы! Верняк! Такую тему можно мызгать годы и десятилетия. Карманные издания Минкульта и Минобра, вот где они рождаются! Как бы коммерческие, но, по всей видимости, хорошо живущие на деньги из бюджета.

Дешевая бумага, невысокая печать, неряшливый дизайн, постные тексты, крутые тиражи, вмененная ликвидность. Все ВУЗы, колледжи, ДК, библиотеки, школы обязаны их покупать. Будь я студентом или школьником,

такое бы читать не взялся. Нет, не читают их учащиеся. С какой бы стати? Учителя наверняка пролистывают, они обязаны быть в курсе грандиозных перспектив развития народного образования отдельно взятой области под чутким и заботливым присмотром отдельно взятого министерства той самой области. Беспроигрышный формат! Хлебная ниша для чиновных коммерсантов, стабильный кусок хлеба авторам и литработникам. По большому счету, должно быть совестно писать в подобные листки, но с голодухи можно и попробовать явить в таком довольно тесном заказном форматике высокую, объемную, нетленную тематику. А вдруг получится? А может здесь главред – невредный, внятный и приличный человек?

Ой! Оказывается, все это время из-за шкафа жуткими телескопическими глазищами за мной недобро наблюдала плешивая голова типичного литературного интеллигента – немного сдутый, бледно-розовый воздушный шар в дамских очках. Широкие и старомодные очки перекрывали ему пол-лица от мощных крыльев носа до густых бровей. Характерный портрет. Редактор?

Я коротко подумал: «Что он там делает, за шкафом? Еле-еле уместился, тесно ему там, а не выходит. Станный какой-то».

Над стопками бумаг, в хаотичном лабиринте рогатых вешалок и фанерных столов уже торчали головы незаметно прошмыгнувших на рабочие места сотрудников издательства.

Вернее, сотрудниц, уже успевших ухватиться за свои вечные чайные кружки. Типичный дамский коллектив: редакторши, корректорши, корреспондентши, авторши и секретарши. Классические тетушки-мыши конторской породы. А что же я хотел? Тут все логично. Редакция уже напоминала учительскую средней школы. Там, где образование, там и училки, оценивающие смотрящие вокруг со строгим равнодушным интересом.

Как же придиричиво они изучали меня, новенького, будто двоечника на допросе так хорошо знакомого со школьной партизанской юности, воистину гестаповского педсовета. Наверное, так еще смотрят бывалые заключенные на вновь прибывшего сидельца. А мне было не страшно, смотрели косо, но не зло.

Я им ответил благодушным взглядом: «Готов я с вами посидеть и даже офисную кружку завести готов. Хочу каждодневно работать с текстами и все тут! Так отчего ж не тут, у вас, милые дамы?»

Воздушный шар вновь высунулся из-за шкафа, и медленно поплыл по офису. До чего высоколобый руководитель к нам всем вдруг вышел! Большая сфера головы шикарно, просто идеально была у него зарифмована с широким задом. Разъевшийся высокочтимостью хомяк. Какой солидный вид! Вообще-то, общий образ этого большого редактора-директора содержал множество очень широких элементов. Конкретно

мощный статус, крупный силуэт! Широкие ладони, грудь, ботинки, джинсы, рот, очки, ремень и жесты. Хозяин вышел из-за шкафа, всем бояться!

Тетки-мышки оживились, им было вовсе не страшно, всего-то лишь занятно, интересно, весело. Постреливали бусинками глазок в мою сторону и прям по-братски, нет, по-сестрински улыбочиво мне сообщали каждым косым взором: «Вот какой у нас с тобой начальник, полюбуйся».

Мы с ними сговорились. Я молча улыбался им в ответ и тоже не боялся.

Как же очевидно пожизненное руководство дамским коллективом отражается на теле! Передо мной стоял солидный дядька с бабьим туловищем. Сука-самец.

Я его обидел. Я усмехнулся и не скрыл усмешку.

Он все это увидел (он же башковитый), и некорректно развеселого меня, не к месту ироничного, и весь наш молчаливый, радостный мышинный стговор с симпатичнейшими тетками. На этом месте можно было разворачиваться и уходить, в этой редакции мне уже ничего не светило. Но я же шел смотреть, а не проситься, а посмотреть было на что. И мы продолжили смотрины.

Как мне не совестно? Сам тоже хорош. Уселся посередь чужого литмонастыря и, прям с порога, принялся судить-рядить его хозяина и коллектив по своему уставу. Меня еще никто не

обижал, а я уже готовился огрызаться, обижать в ответ, саркастично шутить и гордо прощаться. Догадывался, знал, что разобидят в пух и прах.

- У вас образование не профильное. Вы зачем пришли? - треснул по уху вопросом неприветливый редактор.

- Познакомиться. Понять, кто требуется. На вас посмотреть.

- Ничего у вас у нас не получится!

- Жаль. А я вот книжки показать принес, статьи свои из разных журналов за последние три года, кто знает, вдруг у нас у вас получится хоть что-то?

- Ничего этого не надо. Мне не надо автора, мне требуется вакансия журналиста.

- Кому что требуется, простите?

- Журналиста нам необходимо, обыкновенного нормального сотрудника. А не вот это вот всё, - торжествующе-брезгливо отодвинул литературный руководитель на край стола мою стопку распечаток, журналов и книг.

- Я-то чем не гожусь?

- Образование не профильное. И много записей в трудовой книжке. А у меня она одна!

- Кто одна? Запись?

- Да. Запись в трудовой. Одно у меня место работы с советских времен!

- Но это же, скорее, недостаток, нежели достоинство. За это время столько времен и мест работы изменилось. А вы всё здесь. Стабильность,

да? Константа, так сказать, русского мира? – улыбнулся я примирительно.

Зачем я только думал вслух? Зачем ему чистосердечно рассказывал то, о чем раздумывал? Редко же где в России можно прямо озвучивать мысли, когда тебя о том не просят. Да нигде нельзя! Во всяком случае, в родимом городке не знаю таких мест искренности. Здесь территория наивных, но замысловатых, хитрых.

В том диалоге, кажется, я выиграл, но начисто просадил возможную карьеру. Впрочем, там на старте никакой карьерой и не пахло, не сотрудники там требовались, а подчиненные. Мне не светило изначально.

– Нам так-то лучше женщину. Вы не подходите! – радостно простился редактор.

– Взаимно! – тихо буркнул я. Но он услышал.

Меломания

Когда мой сосед по маршрутке, на всю голову оттопыренный и молоденький меломан в огромных наушниках, кое-как приминающих корабельную швабру из модных канатиков заплетенных волос, вдруг зевал или просто приоткрывал рот, чтобы на что-то ответить, музыка громко звучала из его рта, прямо как из динамика.

Могу себе представить, какой стоял грохот, какой убийственный был шум и гам в мальчишеских ушах! И надо думать, в мыслях, соответственно.

Кулёмы

Ехать в товарном вагоне не жарко даже в самый знойный день. В товарном ехать даже лучше, чем в плацкартном. Это, конечно же, если сначала правильно раздвинуть высокие дощатые двери с обеих сторон, и если вагон пустой, и если ехать лежа на полу, и если поезд не плетется, как черепаха, часами пропуская на всех полустанках встречные воинские эшелоны.

Как только Маша обрадовалась прохладному ветерку, поезд и остановился. Никаких станций и разъездов рядом не было, вокруг цвели луга, стрекотали кузнечики, гудели мухи, пчелы и жуки. В вагонные двери потек солнечный жар, вновь разогревая только-только охладившееся сено на полу.

«Вечно все не так, как надо», – тихо подумала Маша и зевнула.

На сене, чтобы оно не кололось соломой, у нижнего края двери, лежала телогрейка и платок, а на них – не шибко-то расстроенное лицо юной путешественницы. Зной ведь пока не донимал, дышалось легко. Да и двери для тени можно было не задвигать, вагон остановился удачно,

солнце висело прямо над ним. Вытянешь руку – вот оно, солнышко на ладошке, за спину спрячешь – и нет его, тень.

Из-за края вагона выплыл огромный арбуз. Почти уже дремавшая девчонка не сразу разобралась, сон это или явь. В реальность ее вернул звонкий крик знакомого голоса:

– Ну, ты соня! Ну, ты спать! Чего ты смотришь? Помогай, давай, уже!

Из-под арбуза торчала ликующая рожица подружки Мани.

– Ты где его взяла?

– Тебе какая разница? Принимай, давай!

Маша помогла загрузить тяжеленный полосатый шар, напоминающий школьный глобус, откатила его подальше от дверей, в угол вагона, а потом протянула руку помощи карабкающейся Маньке. Как только та забралась, скрежетнули колеса и поезд тронулся.

– Ты же могла отстать!

– А вот и не отстала!

Девочки очень походили друг на друга. Обе худенькие, обе с тонкими косичками, обе остроносые, обе в одинаковых ситцевых сарафанах. За эти сизые сарафаны уличные мальчишки их дразнили инкубаторскими или детдомовскими, но они не обижались, поскольку на самом деле жили в настоящем детском доме и, совершенно не смущаясь, называли себя детдомовками.

- А Гитлер, какой? - спросила Маша, уютно укладываясь рядом с Маней.

- Гадкий, худой, противный... Волосы у него немытые всегда... - перекрикивая стук колес, ответила Маня. - Нам же его по кинохронике на станции показывали. Помнишь?

- Нет.

- Кулёма.

- Сама ты кулёма.

- Орет как дурак. И усы у него квадратные.

- Сволочь какая...

- Гадина, да...

- Ты вот зачем арбуз притарабанила? Скиснет на солнце-то...

- Ни чо не скиснет. Слупасим, как миленькие.

- Усымся же! Савич говорила, станций не будет до ночи.

- Ни чо не усымся. Чо ты? Остановимся еще сто раз. Обедка же тоже не будет, вагон со столовкой бомбанули вчера. А мы им и пообедаемся.

- Вагоном? - рассмеялась Маша.

- Арбузом.

- Фу, он же теплый будет.

- Вагон? - теперь уже смеялась Маня.

- Арбуз!

- Он и был теплый. Они всегда теплыми растут. Их уже потом, когда сорвут, на леднике охлаждают, чтобы жажду людям утоляли.

Слишком жарким получился конец лета в сорок первом году, они ехали уже почти неделю, а дождика так и не было ни одного. В некоторых водокачках на станциях даже вся вода высохла. Зато урожайным выдался тот год, арбузы, дыни, виноград, помидоры, яблоки, другие овощи и фрукты девчонки видели каждый день.

- Ух! Гляди! Лён цветет!

- И чо?

- Красиво.

До самого горизонта, встык безоблачному синему небу, со всех сторон плескалось огромное море светло-синих цветов.

- Да... Лён-конопель... Синее такое всё. А это разве лён? Я думала он коричневый, - задумчиво спросила Маня.

- Дурочка. Он потом коричневый, когда из него веревки делают и тряпки. А когда пока цветет - он синий-синий очень, как незабудки. Видишь?

- Дай шаркунок!

- Не-а... - Маша крепко сцепила кулачком ворот сарафана, под которым на суровой, видимо, пеньковой нитке болтался невзрачный берестяной шаркунок, будто подружка собиралась отнять его силой.

- Ну, дай... Я же отдам потом...

- Ты мне тогда два дня не отдавала. От самого Николаева... И в тупике когда стояли... Не дам, не проси.

- Жадина-говядина, пустая шоколадина!

- Ну и пусть! Зато у меня мой шаркуночек есть!

- Жмотина!

- Ну и пусть! Ты же тогда как-то не так обзывалась?

- Буржуйка?

- Нет.

- Жадница?

- Да! - смеялась Маша. - Жадница...

Получается: и жадная, и задница...

- Не дашь, я с тобой вообще разговаривать не буду до вечера. Дай!

- Маня, не попрошайничай, пожалуйста. Он же мой. Он же только у меня должен быть. Я же его нашла.

- Я его нашла! Я первая увидела.

- А подняла его я! Значит - мой!

- И мой! Я же не насовсем, на денёк только.

Желание загадаю, и всё. Дай?!

- Пионерка, а в сказки веришь. Не дам.

- Всем расскажу, что ты сама тоже пионерка, а сама у боженьки просишь!

- Не прошу, а загадываю! Не у боженьки, а у шаркунка!

- А он взаправду желания исполняет?..

- Смотри, уж сколько едем, а лён всё не кончается. Синий-синий, как море.

- Ага... Синий-синий, как небо... Красиво... Хорошо... Не жарко...

- А вон там журавли летят, смотри!

- Да, опять снова летят. Какие-то они маленькие. Может быть, это утки?

- Нет, журавли!

- Утки!

- Журавли. Просто они далеко.

Девочки надолго замолчали. Просто ехали, слушали ритмичные колесные стуки и гудки паровоза, таращились на поля, редкие перелески и высокое синее небо.

- Да... - напевно выговорила Маня. - А наши парни, дураки, все на фронт убежали.

- Как это?

- Так это! Еще утром на станции. Спать надо меньше. Савич как сирена орала, а чо орать-то? Всё! Тю-тю! Догонять их не стали. Телеграммы на прошлые станции пульнули с приметами по списку, и всё. Вояки! Твой Пашечка их подзудил, наверное. Вертля! Сели на встречный товарняк и укатили. Даже все средние отряды тоже. Пашка их подговорил. Блоха на гребешке! Теперь у нас из-за него целый эшелон малышни и баб. Приедем на Урал, нам скажут: «давайте, делайте гранаты», а мы скажем: «мы не можем, у нас парни на фронте, а малышня обсёрлась».

Маша поднялась, одернулась, и села на коленки.

- А... как же?..

- Так же!

- И Паша убежал?

- Тетеря сонная. Я думала, ты знаешь...

- Мы же звезду смотреть хотели ночью.

- Теперь вдвоем посмотрим. Что ее смотреть? Она уже три дня за нами едет.

- Мы же загадали, если она отстанет, значит, мы уже приехали в новую жизнь.

- Так это же Полярная звезда. Не знаешь ничего по географии! На Украине ее не было. А тут она везде висит. Вот ночью поглядишь, она опять поедет рядом с нами. Понимаешь? Мы, получается, уже приехали! А он давным-давно в другую сторону поехал. Назад, где нет звезды...
Обратно...

Маша плюхнулась на сено, и прошептала сквозь слезы:

- Его убьют!

- Маш, ты чо, влюбилась, - приподнялась над нею Маня, - ты, влюбилась, бедная? Да ты не волнуйся, может, он героем станет. Война-то скоро кончится. А он поймает Гитлера. А мы ему гранат наделаем на Уралмаше. Мы же без парней гранаты сможем делать? Правда? Да?

- Убьют его! Убьют...

- Маша, что ты говоришь? Кому он нужен, твой этот Пашка-вошка? Из-за него, что ли, немцы на нас войной напали? А на фронте кормят хорошо, каждому дают две банки тушенки в день! Сколько можно порченными помидорами, грушами и арбузами пробавляться по овощным вагонам? Хоть мяса парень поест досыта. Еще и Гитлера убьёт. К Новому году приедет в орденах и медалях. Не реви ты, глупая!

Все же хорошо! Наше дело правое, победа будет за нами!

Маша перестала плакать, села рядом.

- Хорошо... Ты сама придумала его вошкой дразнить?

- Я придумала! Сама!

- Смешно.

- Вернется, вместе посмеемся... Не реви...

- Хорошо, что мы с тобой! Давай, всегда вместе будем.

- Будем-будем! Мы и так всегда вместе были. Ты вот помнишь, где нас поймали?

- На рынке... под прилавком...

- А город помнишь?

- Нет. Башню помню и собак.

- Ну, собак я тоже помню, с ними в обнимку спать тепло. Давай, когда большими вырастем, собак себе заведем больших? Пойдем на улицу и подберем себе пару бродячих псов, на наших тех похожих. Возьмем?

- Возьмем. А мы еще не выросли?

- Нет. Надо в комсомол вступить сначала.

- Смотри, а лён всё не кончается...

- Ты не отвлекайся. Надо же знать, откуда мы взяли. Я, кроме шаркунка, вообще ничего толком не помню. Базар, башня, собаки, шаркунок...

- Там еще трамваи были. Много трамваев...

- Точно! Значит, город был большой! Киев? Одесса?

- Да не похоже. Холодно там было. Помнишь, нас привезли к детдому, будто кукол завернутых? Помнишь? В больших и длинных полушубках. Таких зипунов на Украине осенью не бывает. Может, мы из Москвы?..

- Эх, Машка, Машка, беспризорная ты моя душа!

- Маняшка, Маняшка, подружайка ты моя сердечная!

Потом они опять просто ехали, устроившись на самом краешке вагона, свесив ноги вниз, просто молчали и смотрели на алый закат. Маша, уткнувшись в плечо подруги, тихо плакала.

- Не плачь, Машка. Подождать немного надо. Вернется твой живчик. Мы же девочки. Дождемся, пока мальчишки гадов победят, все опять хорошо потом будет. Костры будем делать, песни петь. Смотри, какие здесь вечера быстрые. Раз - и темно. Вот она и звезда твоя, как миленькая. Солнышко еще не закатилось толком, а уже и луна, и звезды!

- Где это?

- Гляди, плакса!

- Ой! Маруся, глянь! Вот же она опять!

- Я же тебе говорила. Так и приедем мы с ней. Почти приехали.

- Скорей бы уже. Буду ждать. Я дождусь.

- Подожди. Уже скоро. Видишь, льна уже не видно, коричневый опять уже.

- Это потёмки потому что. Так-то он синий.

- Синий... Да... Дай шаркунок! – лукаво усмехнулась Маня.

- Ты что? Не поняла? Не дам!!!

- Тогда я завтра с тобой не буду разговаривать! Бойкот тебе будет!

- Ну, и не разговаривай.

- Ну, и не буду!

- Ну, и не надо!

- Жадница!

- Передница!

Будто подслушав их разговор, поезд замедлил свой ход, зашипел и остановился на темном полустанке.

- Я тогда сейчас к малявкам ночевать пойду, а ты тут сама свои звезды считай! И не забудь двери на ночь задвинуть, а то опять выстудит весь вагон.

- Не уходи, Маня!

- Люби меня, как я тебя, и будем верными друзьями! Завтра – молчок! Кошка сдохла, хвост облез, кто слово скажет, тот и съест! Я с тобой, Машка, не разговариваю!

Она ловко спрыгнула на землю и побежала в темноту вдоль состава назад.

В первое утро сорок пятого года заводское общежитие укладывалось спать. Однако кое-кто в мужском блоке, особо непоседливый, все еще старался праздновать. Из-за стены время от времени долетали звуки патефона или гармони,

иногда слышалась тихая песня под гитару и мандолину.

Уже три с лишним года подружки так и жили в этой комнате на двенадцать коек. Вот, как приехали с вокзала, как заняли две кровати у окна, так и не расставались. Всю войну, получается, они были все время вместе: на работе в одной смене, в школе, на танцах, в кино, на дежурствах в больнице у малышкой, и в одной колонне на всех демонстрациях.

- Танцуют... - пробурчала Маша, отодвинув стакан с недопитым чаем, и утирая пот полотенцем.

- Пляшут, да... Пойдем к ним? - предложила Маня, присаживаясь к столу.

- Ты иди, я тут побуду. Лихо мне...

- Заболела же! Валенки не надела, вот и снемогла ты, хвороба! Сейчас-то хоть ноги погрей. Поотмечала Новый год, кулёмушка. «Некрасиво-некрасиво»... Двадцать градусов мороза на дворе, снега по колено, а мы до клуба прёмся в туфельках-чулочках.

- Я же в ботиках ходила.

- А хорошо мы добежали, да? Парни с тарного цеха хорошие! Провожать назад пошли. Только ноги у них у всех короткие. Тут они у всех короткие, некрасивых много тут живет. Я у них «Казбеком» дзобнула два раза. А на горке я чуть не убилась! А у тебя рейтузы было видно!

- Да?

- Да никто и не заметил, все снежки бросали. Много тут у них снега.

Маша положила подбородок на ладони, подробно разглядела диковинные снежные узоры на оконном стекле и, не отрывая взгляда от окна, медленно произнесла:

- Да, снега здесь много. Такой красивый, как алмазы сверкает под луной. Все дома, все крыши в белых шапках, черного ничего нет, только светлое небо высокое. И тихо-тихо. Всё блестит, как серебро...

- А я не видела алмазов никогда.

- И я не видела.

- А говоришь.

- Алмазы тихие, как серебро... и белые, как серебро... се-ре-бро...

- У-у... - всполошилась Маруся. - Что-то совсем ты разнедужилась, и заговариваешься, подруга. Горишь ты, Машка! Красная вся! Ой! От простуды малярии не бывает?

- Нет, не бывает. Она от комаров малярийных бывает летом, а сейчас зима, комаров нет. И наших малышей ни одного уже нет, все умерли тихонечко. Комарики маленьких деток укусили. Война. Все поумирили...

- Чо ты нюнишься опять? Маленькие и без войны мёрли всегда. Это они от малярии. Мы вот к ним ходили. Может, заразились?

- Нет, это от мокриц.

- Каких мокриц?

- А я вчера дежурила по кухне, Савич щи готовила, я и поела миску.

- Ну и что такого?

- Савич слепая стала. Думала, что мелкий лук, а это мокрицы были, истопник насобирал в кастрюльку. Она взяла, да и сварила их. А я поела.

- Фу.

- Да... Фу... Они сейчас во мне шевелятся.

- Фу ты, Машка! Что городишь? Как им шевелиться, когда они вареные?

- Не знаю, Маня. Но они меня жрут.

- Совсем плохая стала! Завираешься совсем. Сейчас я уксус принесу, компресс подделаем, чтоб жара не было. Сиди, молчи, - скомандовала Маня, выскакивая за дверь.

Пока подруга бегала по соседним комнатам, Маша сняла с печки теплые носки, валенки, кое-как надела их, и плюхнулась в постель. Прошла-то от стола до койки, а устала, будто смену отстояла.

- Не надо, Маня... - попыталась она сбросить остро пахнувший уксусом многослойный пирог из ваты и марли со своего лба.

- Надо-надо. Терпи! - удержала ее за руки Маня.

- Вот и будет тебе шаркунок, - послышалось через минуту из-под компресса.

- Наконец-то... сподобилась...

- Когда помру.

- Так. Значит, опять не сейчас?

- Нет.

- Вот ведь до чего упрямая корова! Дай!

- Не дам.

- Так вот ты всегда во всем! Гордая очень!

Так и проупрямишься всю жизнь. Сережка-то, очкарик, какие хороводы вокруг тебя выплясывал сегодня. Употелся парень. Любит, видно. А ты ни разу с ним не поплясала. Не нравится?

- Нет.

- Совсем-совсем?

- Ну, так...

- А почему?

- Не знаю.

- А я знаю!

- Почему?

- Дашь шаркунок, скажу!

- Ну, и не говори!

- Ну, ладно, так скажу! Это потому, что он не убежал с парнями. Да? Все-все рванули, он один остался. Да? Ты его за это и не любишь. Правда?

- Не знаю я, - задумчиво пробормотала Маша.

- Не любишь, я же вижу хорошо. А он симпатный, в комсомол вступил уже. Я его, наверное, люблю.

- Если «наверное», то не любишь. Любят не наверно, а наверняка.

- Я, может быть, наверняка? Откуда ты знаешь?

- Не любишь.

- Это почему это?

- Потому что «может быть». Не настоящее это у тебя. Просто, потому что надо и хочется. А настоящего дожидаться надо.

- Гадина ты, Маша! Я с тобой, как с человеком, а ты со мною, как свинья!

- Не обижайся ты, сама же начала.

- Гнида!

- Маруся, не ругайся.

- Гнида и есть.

- Маруся...

Не на шутку раззадорившись, Маня бегала между кроватями, размахивала руками, часто грозила пальчиком в сторону сидящей в постели подруги, словно решаясь на что-то. Наконец, она выпалила:

- Я тогда тебе за это сейчас такое расскажу! Будешь знать! Не дождешься ты своего настоящего! Умер давно твой настоящий! Всё!

- Пашка?

- Вошка! Конечно, Пашка, кто еще? Не жди ты его. Не доехали они до фронта, все сгорели. Савич рассказала. Разбомбили товарняк прямо на станции, а в нем снаряды были. Вот они и сгорели. Все! Это, когда мы уже сюда приехали.

- И Паша?

- И Паша! Все.

В комнате зависла оглушающая тишина. Неожиданно побелевшая Маша убрала компресс на тумбочку, опустила руки к полу, сползла с кровати, и свернулась на полу калачиком, уткнув

лицо в коленки. Так делают собаки, ночуя на снегу. Маня попробовала что-то сказать, подойти к ней, но не сразу решилась. Потом, все-таки приблизилась, подхватила под руки, уложила в постель.

- Паша сгорел! - пролепетала Маша.

- Я знаю.

- Почему?

- Война, - уверенно сказала Маня, накладывая компресс.

- А почему война? А почему Паша?

- Гадин Гитлер так захотел. Заболелся, что Пашка его убьет.

- Не в этом дело, Маняшка. Такое время в мире - война. Иногда всё очень запутывается и люди воюют.

- Чтобы распутать мир?

- Да, чтобы исправить мир войной. Чистят они его, уничтожают гадин, и снова живут себе в ясном мире.

- Так Паша Гитлера и не убил. Жалко, не успел стать героем.

- Успел. Он уже был герой, когда поехал. Ох... Но его же уже нет...

- Нет.

- А кого мне ждать?

Рядом с ними, за стенкой вновь заиграл патефон, звучало что-то танцевальное, модное, громкое, а в ответ ему, откуда-то очень-очень издали запела тихая мандолина.

Птичий грипп

– Старые вообще смешные будем, – кисло улыбнулся Серый своему отражению в пыльном зеркале полированного серванта. – Сами будем во всем новом жить, а сами будем старые!

В обрамлении хрустальных фужеров, бокалов и стопок из-за зеркального стекла на него растерянно смотрело его собственное лицо, землистое, одутловатое, морщинистое, абсолютно непохожее на привычное отражение.

– Встретил бы тебя, таким, на улице, ни за что бы не узнал в этом тухлявом дяденьке себя, когда-то очень даже интересного мальчишечку для девушек, – иронизировал Сергей, растягивая пальцами кожу лица немного вверх и в стороны. – Здравствуй, здравствуй, женишок! Как твой заворот кишок? Все твои девушки сегодня – уже бабушки! А ты только-только о женитьбе начал задумываться. Тоже мне, жених! Хотя... Если не попить недельку-другую, очень даже может быть... Маму схоронил, с друзьями расплевался, с работы, если не выдавят, так скоро сам уволюсь... Самое время жениться.

Принесенные им четыре ведра только что выкопанной картошки стояли ровным рядком у раскрытой двери в огород. Рядом валялась пачка рекламных газет, давно готовая расстелиться широким ковром по всем полам дома для просушки урожая. В многочисленных ящиках, корзинах и коробках много дней уже прели ранее

надерганные килограммы свеклы, редьки и моркови. Давно уже пора было их высушить и заложить в подполье. Но Сергей не торопился, Сергей постоянно думал о переезде уже несколько дней, вот и не до урожая ему было. Думал он вслух.

Теплый, но уже по-осеннему влажный ветер резко захлопнул дверь, та даже скрипнуть не успела. Дом сразу погрузился в полумрак, мило подсвеченный сочными желтыми окнами, ровно отражающими от соседних многоэтажек вечерний солнечный свет. Домашний сквозняк удивился, загудел всеми стеклами в рамах, поднатужился, и распахнул дверь обратно с пронзительным скрежетом. Дверь заскулила и заплакала, будто щенок, потом поскрипела немного, болтаясь «туда-сюда», и успокоилась, замерла. Прямо за ней, на ветру, колыхался серегин дубок, посаженный папой в день рождения сына. Дуб уже вымахал метров на десять, ясно же дело, полвека растет. Близкую осень он, конечно, почувствовал, начал немного желтеть и краснеть уже кроной с краев. Однако зелени в нем пока было больше, да и вообще, он был так крепок, сложен и хорош, что казался вечнозеленым. Вот кого жалко оставлять больше всего!

Запнувшись о коробки, Серега вышел на крыльцо. Его дубок, в сравнении с окружающими высотками на Машинной, выглядел мелким декоративным кустом на стандартном газоне.

Пятидесятилетний дуб на фоне множества новых двадцатисемизэтажных домов совсем потерялся. Высокие гладкие фасады цвета свежей мочи (и зачем их так красят?) ровно заливали серегин участок мягким закатным свечением. Город... Когда-то Машинная улица вся состояла из таких вот, типа серегиной, избышек с сарайками и огородами, а особенно зажиточные тут еще и скотный двор, и лошадей держали. Совсем недавно это было: свиньи хрюкали, бляели козы, мычали коровы, лошади ржали, собаки лаяли и выли на луну все ночи. Теперь, кроме машин, здесь ничего не слышно. Совсем уже город наш настоящим городом стал. И частных домов, таких как у Сергея, в нем почти не осталось.

- Дом заберут - дадут квартиру! - бурчал Серый в сторону нависающих над ним сотен типовых балконов и окон, бликующих закатом. - Дом жалко, а в квартире легче! В ней и пить приятнее, наверное... Зимой переселюсь в какую-никакую вашу новую тару для хранения людей. Тоже хорошо, теплый сортир там, горячая вода прямо из крана, то да сё... Жалко вот отцовский дуб нельзя забрать, не на балкон же его пересаживать, а так-то хорошо всё, вовремя. Участок задолбал, сил уже нет никаких его обихаживать. Да и овощи в магазине покупать дешевле в разы. Зачем их выращивать? Не надо их выращивать! Дуб только жалко, строители, если сразу не спилят, так изомнут его, бедного, пока строят там что-то для города. А этот же к

аккуратному обращению привык, его вообще трогать нельзя, он или от недополива издохнет, или от обиды за невнимание.

На самом деле, Сергей, конечно же, говорил сейчас не с большими домами, окружившими его маленький дом. Он, как обычно, общался с собой. Он даже не заметил, не запомнил, как и когда начал вслух разговаривать с самим собою, и не только разговаривать – беседовать, спорить, выпивать, конфликтовать, хихикать. Сам себе собеседник и лучший друг получился: понимающий, вдумчивый, искренний. Единственный друг.

– Вроде, не совсем дурак и не дикарь, а раздружился же со всеми своими дружками-приятелями навовсе. Сиротинушка, блин! Был у меня один друг дорогой, да и тот почти спился, видеть его не могу – бубнил Серега, прибирая вилы и лопаты. – Да. Так-то стараюсь реже видеться с ним, избегаю встречаться. Я-то пока не спился и не собираюсь, я-то барахтаюсь. А с ним же, что ни встреча – ни уму, ни сердцу. Он уже почти не слышит, он совсем оглох во всех смыслах. Как нам вернуть смысл? Как ему помочь по жизни или хотя бы по быту? Да никак. Если вместе – то рядом, или убирайся вон! Вот я и убираюсь. С ним рядом-то мне мерзко, а выволакивать нет сил. Сам же, говоря откровенно, беспомощный и бестолковый. Почти ни у кого у нас нет силы помогать не то что ближнему, самим себе, все выплывают сами,

других не выручают никогда. Так принято, так как-бы правильно, так у людей заведено, и он об этом хорошо знает, не стонет и не просит помощь. Сколько он уже в квартире кукует? Года два примерно? – призадумался Сергей. – Нет. Эти соты как раз два года тут построенные стоят, – ткнул он пальцем в сторону многоквартирных домов, – значит, серегин дом снесли года три назад, а то и больше. А так бы сели бы сейчас, как раньше, как тогда, пока на нас всей жопой город не уселся, прямо здесь, под дуб, и настонали бы друг другу на судьбу. Сразу бы легче зажились.

Наступало время чинариков, сумерки быстро сгущались в плотную черноту, балконы и окна домов, перестав быть зеркальными, превратились в пестрый ковер из красочных квадратов. Уже не первый год в это самое время на участок сверху прилетали окурки. Народ, возвратившись с работы, курил на балконах до самой ночи, и швырял вниз остатки выкуренных сигарет. Сергей поначалу боялся пожара, ругался на каждый чинарик, пока не понял, что даже непогашенная сигарета обязательно погаснет во время полета с такой высоты. Из-за этого мусорного дождя он и прекратил когда-то очень любимые вечерние посиделки под дубом с шашлыками и песнями, с друзьями и добрыми женщинами. Совсем неприятно сидеть у костра, когда вместо неба вокруг – разноцветные шторы на окнах и мутные силуэты голов на балконах. Чувствуешь себя, как на витрине, ощущение

отвратительное. Те же чувства он испытывал днем, и как ни тужился, не мог к ним привыкнуть. Двор стал каким-то совершенно чужим, общедоступным, в нем и возиться с огородом было мерзко до изжоги. Вот о чем хотелось поплакаться другу, но тот бы не услышал, это точно.

Серый проверил калитку, запрокинув голову, взглянул на звезды, едва вырисовывающиеся в пока не очень темном небе, и, вернувшись в дом, включил свет, достал из холодильника бутылку, выставил закуску, вынул самую нарядную хрустальную рюмку, уселся в кресло напротив серванта.

- Итак, мой друг, тоже Сергей, тоже спивается. Как тут не выпить? Что тут рассказывать? Тут только думать, - нервно выговаривал он отражению. - Чего так смотришь, Серя-засеря? Трудно тебе? Ты даже спиться-то ладом не можешь! И город тут абсолютно не при чем. А знак тебе сегодня был! Вот и думай-сиди, соображай уже. Я же о Сереге думал, когда во двор, прямо ко мне под нос, приземлился этот голубь. Не побоялся, нахал, ходил по мне пешком, и улетать не собирался, грелся на солнышке, отклячив крылья, растопырив перья, как на пляже. Это хорошо, что кошек у нас нет, давно уже ни одной тут не встречал ни разу. Начал кормить его печеньем, и чуть не расплакался. Клевать-то он клюет, но мимо крошек, весь какой-то раскоординированный,

дерганый. Клювом машет, будто угорелый, да всё бестолку. Не попадает парень клювом в крошки. Жалость-то какая! Слепой он, что ли? Птичьим гриппом заразился, или как? Банда воробьев тут же попятила весь его корм, а этот только-только понял, что ему еду дают. Ходил, клевал чего-то там, в двух сантиметрах от земли, только ему заметное, меня совсем не опасался. И что же это с ним случилось? Отчего же он такой? Где-то что-то я слышал о птицах, слишком высоко залетевших, и временно ослепших. О нем, похоже, речь. Зачем мне это знать, зачем мне этот голубь? Я кормил его, а ели воробьи. Из чувства справедливости, пришлось распотрошить вечерние бутерброды, добывая из них крупные куски хлеба. Ура! Слепой зацепил, наконец, пару кусочков, и поел, бедолага. Потом прямо на руки ко мне впорхнул, обгадил от благодарного возбуждения, не без этого, но ведь доверился, что ценно. Жаль, что с руки так ничего и не съел. Гадская с ним хворь приключилась: хлеб вот он, перед клювом, а клонуть-то не получается. И что мне было поделывать? Я очень сердобольный, но бездарный птицевод. Скрошил ему весь хлеб и ушел переживать жизнь, думать о себе и Сереге, хмурить мысли о трусости, скупости, бестолковости и беспомощности могущих помочь. А странный голубь тут же улетел, он где-то выживет или помрет без моего участия.

Сергей опомнился, когда, вновь ухватив бутылку, не обнаружил в ней содержимого.

Оказывается, все это время он не только рассказывал, но и пил. Приятного в этом осознании было мало, но на душе заметно полегчало.

- В новой квартире сразу женюсь, вот и будет хорошо! Женюсь... или собаку заведу, а то какой-то одинокий я вдруг получился, - зевнул Серега на весь дом, встряхнулся, благодарно улыбнулся отражению, и с размаху плюхнулся в диван.

В ту ночь, как и обычно, ему ничто не снилось.

Кладбищенские радости

- Вы совсем с ума сошли, что ли? У меня сегодня свадьба! - выпучил огромные глаза молоденький священник в дымчатой бородке.

Его пушистая шевелюра время от времени вставала дыбом. Перед ним выплясывала очень траурная и худая тетка средних лет, похожая на черную птицу, безостановочно нашептывая в его ухо что-то такое, от чего он возмущался и смущался одновременно.

Никогда бы не подумал, что можно найти столько комических сюжетов и впечатлений в таком серьезном месте, да еще в один день.

- Но, может, все-таки попробуем? Давайте, как-нибудь договоримся. По-быстрому... - настаивала черная тетя, уперев руки в боки. На

ней было черное вязаное пончо – не просто эффектный, а совершенно заурядный и даже наглый по степени элегантности наряд, очень редко встречающийся в наших краях, а уж, тем более, в небольшом православном храме при кладбище. Она ни минуты не стояла спокойно, то раскачивалась из стороны в сторону, то переминалась с ноги на ногу, то мелко похлопывала когтистыми ладонями себя по джинсовым ягодицам. От этого сходство с вороной, сорокой, грачихой лишь возрастало. Стоит ли говорить о многих других штрихах портрета хищной птицы? Все они были на месте: и круглые очки на длинном клюве, и темная помада на узких губах, и острый подбородок, и лаковые туфельки на шпильках, черные, конечно же.

Курносый попик чуть не плакал от напора прихожанки, потел, отходил от нее чуть в сторону, пытался возражать. Пока я ставил свечу, они успели прогуляться до иконного киоска и обратно, а потом свершили пару кругов перед алтарем. Я, как и все вокруг, быстро усвоил суть разрешаемой проблемы. Вороненая тетка привезла отпевать бабушку, но перепутала храмы, а у батюшки через полчаса было назначено венчание. И смех, и грех! Пока неясно было только, кто же женится, сам ли пушистый священник или он просто должен был венчать. Во всяком случае, уже внесенный гроб здорово портил планы в этом храме многим.

Женился, надо думать, скорее всего, поп. Что-то не припомню я никого среди своих близких и далеких, кто захотел бы обвенчаться в кладбищенской церкви. Ну ладно бы еще ребенка окрестить, хотя тоже, знаете ли, та еще аура потянется за таким-то событием. Все мы, конечно, набожные, православные, верующие, но при этом мы еще истинно суеверные. Приметы и предрассудки нам очень важны, в суету верим так же искренне, как в бога.

Ко времени моего выхода из храма темная тетка, наконец, доклевала пушистого жениха, он взял у нее деньги на заочное отпевание.

На входе докуривала подружка Женька, держа в руках лопату, лейку и еще целый мешок всяческих «мичуринских принадлежностей». История о необычной свадьбе священника очень ее позабавила. Мы шли к нашим могилам и, не стесняясь, похохатывали. Кладбище – место не только для скорби и плача, оно еще и для хороших воспоминаний, светлой ностальгии, разнообразных ботанических упражнений (раз уж загородных домов пока не завели) и даже для орнитологических восторгов (собственноручно построенный скворечник, который год уже служил надежным домом семейке махоньких лесных птиц с алыми грудками). Нам на кладбище чаще радостно. Такая вот «любовь к отеческим гробам».

В тот ранний вечер мы решили заменить тяжелые глины более-менее пристойной почвой,

запаслись удобрениями и песком, саженцами и семенами. В общем, вечер обещал нам массу кладбищенских радостей, а, прежде всего – задушевное общение, неторопливое, ностальгическое, теплое. И он сдержал все свои обещания.

Как же мы хохотали, накопав огромный мешок чернозема в соседнем лесу, и поняв, что его не то что бы двое, его даже пятеро не донесут. Пришлось ловить машину.

– До кладбища не подбросите? – спросил я, насколько это было возможно, строго и точно, стараясь собрать весь свой серьёз в одну фразу.

– До него две минуты пешком, – обескураженно ответил водитель.

– Мешок тяжелый, на руках не донесем.

– А у вас там не труп?

– Ну, да, конечно... Расчленёнку возем, открывай уже багажник, – рассмеялась Женя.

Таксист, хоть тоже улыбался, однако иногда опасливо зыркал в нашу сторону. Его можно было понять, смех смехом, а худой длинный парень с лопатой и грудастая мадам с мешком в человеческий рост не всяких раз встречаются в вечерних сумерках, и очень редко просят довезти их до кладбища. Как и всегда, денежные знаки победили все водительские опасения и мистические предчувствия. Уже на исходе заката дело было сделано: чернозём был хорошенечко перемешан с песком и старой глинистой почвой (получился легкий суглинок),

удобрения насыпаны, саженцы посажены, семена посеяны, и все это добро было обильно полито.

Думаете, мы пошли по домам? Да нет же! Мы сначала долго говорили-вспоминали обо всём хорошем, славном и смешном из наших биографий, и об увиденном сегодня, а потом полночи пели пионерские песни. Припозднившись проходим, наверное, было занятно услышать из-за кладбищенской ограды нестройный хор счастливых голосов, старательно вытягивающих «Беловежскую пушу», «Крейсер Аврора», «Орлята учатся летать». А что такого? Откопались пионеры, можно и попеть от души. Дословно вспомнили «Бременских музыкантов» и «Катерок», и о том, «какой прекрасный день, какой прекрасный пень, какой прекрасный я, и песенка моя», и о том, что «друг в беде не бросит, лишнего не спросит».

Догадываюсь, кое для кого всё это кажется довольно диким и придурковатым комиксом. Что ж, истинное счастье никогда не выглядит предсказуемо, солидно и статусно, оно выбирает себе самые неожиданные места, думаю, в ту ночь оно посетило не только нас, но и новобрачного священника тоже. Интересно, наш маленький кладбищенский храм лишь тогда был напитан элементарным счастьем через край, как говорится, или подобные радости в нем происходят регулярно?

Бажовский метод

По-сердцу говоря, у меня в этом городе хорошо получилось лишь затаиться, исчезнуть, пропасть, в общем, спрятаться хорошенечко, чтобы спокойно писать. Иногда очень явственно ощущаю себя безбородым Бажовым. Ощущение, надо сказать, тяжкое, иногда непосильное.

Вот и теперь всю голову сломал, выдумывая пару ироничных фраз о собственной безбородости. Ничего особенно оригинального не придумал. Всем же известно, что приличный литератор должен быть обильно бородат, как, например, Толстой, Бажов или Островский. А у меня, в этом смысле, на подбородке растет что-то чеховское, некрасовское или андреевское, в лучшем случае. И не пишу я методично, стоя за конторкой, и никогда бы не сумел надиктовать свои произведения, и не годятся, видимо, они для перевода на чужие языки (мне бы с родным-то за жизнь совладать успеть). Старательно вожусь со словом и учусь письму, чисто выбрившись, усевшись в кухонное кресло над бумажной рукописью, а потом неделями натаптываю тексты, фланируя между авторучкой на черновике и компьютерной клавиатурой. Волос длинен – ум короток, решил я однажды, и перестал выращивать классическую литературную бороду. Что выросло – то выросло!

Хороший текст растет на почве отчаянной боли и постоянной безысходности, в этом смысле

Уральская земля благотворна. Истинный литературный труд, кошмарный и монашеский, сумасшедший и неблагодарный, чаще мучает авторов, терзает их жизни и головы, изредка радуя крохотными удачами, мало кому заметными, и еще реже приводя к настоящему успеху. Вот уж не из мещанской стабильности и сытого благополучия рождается славный текст, скорее наоборот. Биография автора «Малахитовой шкатулки» отличное тому подтверждение.

Как же с ним это всё приключилось, с чего началось? Долгие годы он работал в «Крестьянской газете» и немного в большевистском подполье, в меру сил помогая раскачивать тогдашнюю Российскую Империю. Много ездил по уральским заводам, собирая зачем-то в тетради разные фольклорные и речевые записки за местными жителями, неплохо зарабатывал, женился, выстроил хороший дом, вырастил и схоронил сына. Ни о каком серьезном писательском деле даже близко не думал, скептически оценивая свои журналистские тексты, очерки, книги. Так и говорил: «Тянуться в эту сторону у меня и сил нет, и возможности нет».

Удивительный человек, в пятьдесят восемь лет ушел из Союза писателей и взялся учиться в Литературном институте, объясняя: «Всё это в простейшем мемуарном роде, – «чему свидетель в жизни был». Претендовать с такой продукцией

летописного порядка на звание члена или даже кандидата Союза советских писателей считаю себя не вправе. Настолько я все-таки грамотен, чтобы сознавать свою литературную беспомощность». А, выучившись, он продолжил учиться письму. В советских монографиях его биографы скромно упоминали факт исключения из партии во времена репрессий, а вот в живом разговоре негромко (чуть ли не шепотом) рассказывали о самом ключевом, на мой взгляд, поворотном и потрясающе интересном событии. «Шкатулка», получается, была написана с перепуга! И это очень походит на правду.

Говорят, получив повестку из НКВД, Павел Петрович послушно собрал узелок теплых вещей, простился с родными, и явился к назначенному времени на Ленина-Вайнера. Такие визиты в те времена равнялись резкому окончанию жизни. Потом просидел почти два часа у кабинета (никто его не вызывал), испереживался, употелся весь и, не рискуя напомнить власти о себе, вернулся домой. Не знал он о том, что следователя по его делу именно в это самое время судили за вредительство в том самом здании, но в другом кабинете. Перепугался дядька не на шутку, до такой степени, что весь следующий год из родимой городской усадьбы совсем не выходил, так, разве что взглянуть на небо ночью и хлебнуть свежего воздуха во дворе за высоким забором. Ежедневно ждал ареста, и восстанавливал по памяти, потерянные в

суматохе гражданской войны, свои шесть фольклорных тетрадей, наверное, не очень-то осознавая, что рождает авторскую мифологию, оригинальный сказовый стиль, бессмертные сюжеты. Вот каким полезным оказался пресс репрессий для литературы. И как прекрасно, что идейные товарищи, заплухавшись в бурном потоке судов, расстрелов и ссылок, просто забыли о писателе. В разных вариациях, с незначительной разницей в деталях, этот поразительный «сказ о Бажове» я часто слышу от многих наших краеведов, литераторов, филологов, историков. Похоже, так оно и было.

Судьба его пугнула еще раз, когда была уже почти готова разгромная статья о вредном фальсификаторе фольклора, после первой публикации сказов в журнале «Красная новь». Совершенно спокойно могли размазать, изувечить, уничтожить автора. Спас Демьян Бедный, свято убежденный в том, что Бажов – лишь краевед, фольклорист, собиратель, а никакой не автор. Бедный, бедолага, даже переписал сказы в поэтическую эпопею «Горная порода», а, узнав об авторстве, расстроился: «Если я пересказал Бажова, грош цена моему пересказу. У меня лежат 12 000 строк, уральская эпопея, а смотреть на написанное мне не хочется». Эти двенадцать тысяч стихотворных строк Демьяна так и не были изданы.

Немного лет спустя, уже переведенный на все языки мира, изданный реально

миллионными тиражами, уже руководящий местным отделением Союза писателей, уже поверивший в успех, Бажов прилежно продолжал писать, но так и умер, ничего хоть немного сопоставимого со «Сказками старого Урала» не сотворив.

Делаем вывод - порой для рождения прекрасного текста необходим мощный нажим на автора, тогда текст полноценным, ярким, верным получается у тех, кто выживет. В конце концов, не так уж важно, что тебя давит, мучает и душит, что пугает, от чего ты прячешься в пространстве текста, от мрака репрессий советской власти или от пышного расцвета цивилизации спекуляции. Когда уже совсем невмоготу, затаись в каком-нибудь самом незаметном районе родного города, и пиши свою «Малахитовую шкатулку»!

Черта города

Вот вы и в Бурге!

Добро пожаловать в Свердловск и Екатеринбург, а также в Катер, Катьку, Ёбург, ЕКБ, ЕКАТ и даже просто в город Е! Вот сколько славных и не очень, просторечных и официальных, возвышенных и низменных имен выдумала себе за триста лет столица Урала. Ну, о том, какая мы на самом деле столица и чего именно, надеюсь, будет еще время посудачить,

пока давайте с именем определимся. Наш город к финалу третьего века жизни чаще всё-таки именуют Бургом – как сами горожане, так и гости.

Бург... Сколько смыслов запечатано в этих четырех буквах! Ведь это не только острог, говоря по-русски, но и крепость, замок, резиденция, убежище, укрытие. Это, говоря уже по-европейски, центральная часть феодального поселения, вырастающая в город и со временем утрачивающая оборонительные функции, при том наращивающая функции централизирующие, единительные во всех смыслах.

Все что могли на этой территории уже утратили и нарастили. Да, совершенно евразийский получился городок: азиатско-европейский перекресток финансовых, торговых, исторических, культурных, индустриальных, творческих, и множества других прямых или замысловатых путей. Перекресток в центре континента. Пожалуй, самая заметная граница частей света, ярко обозначенная приземистым хребтом Уральских гор, прекрасно видимая хоть из космоса, хоть из окна железнодорожного вагона, хоть из иллюминатора авиалайнера.

Хорошо, что приехали! Давайте-ка не станем долго рассиживаться на творческой кухне за нашими любимыми учеными беседами о путях развития искусств, народов и городов, а приоденемся понаряднее-поудобнее, обуемся в легкие кеды или кроссовки, про всякий случай

запасемся пластырем (мозоли пяткам гарантированы) да прогуляемся по Бургу от души. День города себе устроим, праздными туристами себя почувствуем, а по дороге и поговорим.

Как же славно-то, что он компактный, лаконичный и сгущенный в центре! В будни по нему ни пройти, ни проехать. А наша задача – пройтись по временам и нравам этого пространства в один день. Лучшего времени, нежели в выходные утром, для решения такой задачи и не выдумать. Пока большая часть горожан отсыпается, либо ковыряется в земле на дачах, либо слоняется по родимым дворикам или торгово-развлекательным центрам окраинных районов, город виден, город чувствуется. Именно в это время его можно разглядеть, познать, пощупать и понюхать, ничуть не сомневаясь в истинности ощущений.

Предупреждаю сразу – гид вам достался совершенно необъективный. Скорее, это будет совсем не классическая экскурсия по историческим местам, а весьма субъективная прогулка по легендам, сплетням, мифам Екатеринбургa. Ну, вы же знали, куда ехали, здесь место сказов и былин. Детальная фактология, конечно, будет в обязательном порядке (и, между прочим, безупречная). Но на основе этих фактов, я вам непременно привру с три короба, основываясь на замечательных выдумках моих обаятельных предшественников –

более или менее известных в научных кругах региональных историков. Самое время спросить – откуда мне всё это известно? Многое рассказала мама, кое-что сам вычитал в удивительных книжках краеведов Бирюкова и Бердникова, что-то поведали одноклассники, соседи, коллеги по работе, кое-что самостоятельно унюхал, разглядел и понял. Плюс к тому, перечитал кое-какие письма из собраний сочинений Мамина-Сибиряка, Бажова, Чехова.

С кого же нам начать путешествие, как не с Бажова? Тем более, вот же его дом, рукой подать, в нескольких кварталах от моего. Павел Бажов самый модный бренд теперь, самый что ни на есть уральский. Другими словами – культовая достопримечательность. Европа-Азия, Демидовы, Бажов, Цареубийство, Горные заводы, Уралмаш, Конструктивизм, Уральский рок, Уральские пельмени, Ельцин, Коляда... Вот вам базовые темы геобрендинга нового века, привязанные к Екатеринбург.

А Екатеринбург, это где? А это где-то на границе Европы и Азии, это там, где расстреляли последнего императора, где появился и учился первый президент России! Это там, где малахитовая шкатулка и хозяйка Медной горы, где один из первых русских монетный дворов и первая промышленная мощь, первая подвальная драматургия и рок-музыка... Это то место в центре родины, куда во времена войны

эвакуировали Эрмитаж и откуда звучал голос Левитана. Опорный край державы.

Вроде бы есть чем похвалиться, однако по большому счету, похвастаться особенно-то нечем. Разве что Бажовым. Какую замечательную мифологию он создал, всего-то навсего внимательно смотря по сторонам, чутко прислушиваясь к сплетням и преданиям этих мест! Не знаю, знал ли он хоть что-то о Ширинском идоле, с которым мы сегодня непременно повстречаемся, но умудрился написать настолько совершенные тексты, что издаются они по сей день. Волшебный автор, нечего сказать. Бажовские сказы одинаково понятны, что в Адис-Абебе, что в Улан-Удэ. Обычный гений, ничего необычного. Вот и пойдём, посмотрим, как он жил, Павел Петрович, а по дороге разберёмся в городских чертах разных эпох.

Минуя домино пятиэтажек и сеть советских дворишков, зарастающих истинным лесом из тополей, берёз, сосен, лиственниц и кедров, черемух и рябин, чьи кроны уже давным-давно переросли уровень крыш, выскакиваем на улицу Белинского. По меркам старого Екатеринбурга, мы пока за чертой города. Видите, слева притихла Школа глухонемых на узкой улице Циолковского, а по диагонали от нее, уже на Белинского, стоит крепкая кирпичная пятиэтажка, ничем, казалось бы, не примечательная. Это – дом Крапивина.

Литературные артефакты здесь разбросаны на каждом шагу! Знайте, именно в нем, на втором этаже, в восьмидесятые годы жил еще один, не менее знаменитый уральский писатель, Владислав Петрович Крапивин. Вот именно здесь рождались его поразительные, удивительно романтические, драматичные, и не особенно-то детские повести.

Минута, и мы на перекрестке Щорса-Белинского. Взгляните направо. Видите заросший соснами холм в конце улицы? Там располагается парк Маяковского, куда мы пока не пойдём. На его месте когда-то, до революции, были загородные купеческие дачи. Нынешняя улица имени красного командира Щорса тогда называлась Четвертая загородная. Вот мы ее и переходим.

Заметить несложно, мы движемся в горку, хотя многоэтажки неузнаваемо преобразили исторический ландшафт, и пожарная каланча, к которой мы подошли, выглядит теперь низенькой и ущербной. А ведь когда-то, лет каких-то сто назад, с нее открывался живописный вид на одноэтажный город и окрестности. Город тогда был плоским, деревянным и часто горел. Печное отопление, понимаете ли, зимой дымы из труб действительно коптили небо. Кроме бажовского, из тех времен сегодня тут и не осталось ни одного мещанского или крестьянского дома с огородами, садами, ледниками, печами и колодцами, птичьими и

скотными дворами, поленницами дров и длинными сараями за деревянными заборами. Погорели, сгнили, развалились. Ныне здесь, вроде бы, центр, но атмосферка городской окраины, ощущения «четвертой загородной» никуда не исчезли.

Вся округа обильно застроена многоэтажными комодами для хранения людей. Такой архитектуры по России – миллионы километров, опять же ничего примечательного. Вот и за нашей спиной остаются многие десятки однотипных кварталов, густо заставленные жилищно-коммунальными ящиками, среди которых возвышается гора Уктус, которые раздвигает широкое зеркало Нижне-Исетского пруда, которые не пускает пока в себя высокий хвойный лес, по имени «Парк лесоводов России». Там же находится и Вторчик (район «Вторчермет»), и прославленный Химмаш (гигантский завод и не менее крупный район), аэропорт «Кольцово» и Челябинский тракт. Вы в ту сторону и не оглядывайтесь, все равно же, кроме жилых коробок-кубиков, ничего не увидите. Мы их потом окинем взором свысока, со смотровой площадки офисного центра по имени «Высоцкий». Посмотрите, вон он, касается неба в конце улицы.

В этом городе частенько – прямо как сегодня – пахнет отсыревшими книгами. Да и весь его облик здорово напоминает bestолковый интерьер провинциальной библиотеки,

собранный из мебели разных времен. Разностильные, разновысокие ряды архитектурных пеналов, антресолей, тумбочек, шкафов, столов, комодов, полок, стеллажей упираются в горизонт. Здесь мирно соседствуют фасады затейливых резных бюро и прямые углы советских полированных сервантов, плавные линии модерна и угловатые блоки конструктивизма, избы и дворцы, театры и заводы. Здесь часто сыро, мрачно, неудобно, но когда Бург просыхает, замечательнее города для прогулок и не сыскать, настолько он очарователен своей разновысокостью и разностильностью. Элегантная эклектика – одна из главных черт в портрете Екатеринбургa.

Так, экскурсанты беззаботные, идемте дальше, прямо вниз по бывшей Второй загородной (ныне улице красного командира Фрунзе) к трамвайному парку, к бывшей Цыганской площади. Поглядим там мельком на выставку старых трамваев за кованым забором, и вперед-вперед по улочке купеческих особняков к Бажову. И нечего бояться нам банальных метафор, сегодняшняя улица красного командира Чапаева (бывшая Архиерейская) очень напоминает челюсть пожилого человека, отремонтированную несколькими дантистами разных возрастов. Особняки тут соседствуют с трухлявыми пятиэтажками советских времен и монолитными новоделами офисной эпохи.

Мы топаем уже по истинно бажовским местам. Genius loci здесь чувствуется, как нигде на Урале. Вот он, тот бревенчатый дом, вот забор и широкий сарай за высоким забором. Рядом – заросший травой да кустарником скверик и несколько замечательных деревянных идолов, вырубленных топором из ствола лиственницы. Пяток деревянных скульптур на темы сказов старого Урала создали местные умельцы в восьмидесятые годы прошлого века. Удивительный памятник Гению места получился. Лиственница, говорят, от дождей и выюг только крепнет, в воде не гниёт, а каменеет, приобретая монокристаллические свойства, не случайно же именно из нее сделаны сваи, на которых стоит Венеция. Да и наша екатеринбургская плотина вон уже сколько столетий держится на подобных сваях.

Никаких сомнений, скоро на месте этого сквера построят Музейный центр с театральным залом и залами для конференций, с библиотекой и множеством естественных этому месту пространств: с кабинетами для детских кружков, галереями, книжными и сувенирными лавками. Город уже утвердил проект. На первый взгляд – обычный кубик из бетона, облицованный белым мрамором. Но если приглядеться, возникает безусловный, столь любимый нами архитектурный «ах», то есть, понятная и яркая идея. Дело в том, что угол здания над входной группой будто стёсан гигантским камнерезом, поэтому фасад напоминает каменную чашу, не

до конца еще вырубленную из монолита. Надеюсь, лиственничным идолам найдется место где-то рядом. Представляете, как славно может это строительство у города получиться?

А в доме Бажова нам представлять ничего не понадобится. Шагнем через двойные двери с тяжелыми внутренними засовами, и сразу окажемся в пространстве столетней давности. Вот она, высокая конторка в коридоре у окна (Павел Петрович писал стоя), вот они, скрипучие половицы, вот горки подушек под кружевными накидками. Эх, надо было нам, для полноты впечатлений, в яловые сапоги обуться, а не в кроссовки. Бажов ходил тихими ночами по этим самым половицам, от конторки до двери и обратно, не месяцы, а многие годы. С позволения приветливых смотрителей и мы тут пошагаем-поскрипим пять минут по дощатому полу, авось, чего-нибудь более-менее внятнее, интересное и ясное потом сочиним и напишем. А если и не выдумаем, то хотя бы призадумаемся.

Вышагнув из полумрака уютного бажовского быта и размеренности скрипучих размышлений, надо бы немного осмотреться, прийти в себя, возвратиться, так сказать, из мемориального прошлого в реальное сегодня.

С высокого крыльца почему-то особенно заметна даже не по-воскресному полупустая улица Чапаева, а недостроенная телебашня – многолетний срам, возвышающийся посреди города с конца двадцатого века. Вот уж эта

городская черта нам наверняка поможет сразу позабыть все глубинные мистически-мифологические впечатления, вынырнув в обычную реальность. Она заметна, символична, примечательна со всех точек зрения, она торчит тут у всех на глазах уже не первое десятилетие.

Долгострой – актуальнейшая черта в портрете города Бурга, черта глобальная, вечная. Здесь хорошо задумывают, сочиняют, начинают, проектируют, но скверно воплощают и реализуют грандиозные идеи. У меня скопилась целая коллекция таких вот идей, либо сделанных тяп-ляп и кое-как, либо не осуществленных вовсе. Кое о каких гениальных задумках, сгнивших в нашей почве прямо на корню, расскажу обязательно.

Много лет уже всем городом ждем, когда на основе недоделанной советской телебашни возведут, наконец, совершенно потрясающий «Глобальный маяк». Я бы назвал его маяком евразийским, но и «глобальный» – вполне подходящее имя. Один из немногих сухопутных маяков на планете в самом для него логичном месте. Где же ему расположиться, как не в центре Евразийского континента? А какая прекрасная туристическая мифология вокруг него сразу сложится! А как же он совершенен по пропорциям и функциональному наполнению: смотровая площадка, рестораны и ЗАГС в небесах, музеи, галереи, кофенц-холлы, офисы научных сообществ, магазины,

филармонический концертный зал, небольшой парк на набережной Исети у подножия. Плюс к тому, (какая радость!) вертикальный луч прожектора в сторону звезд, прекрасно различимый из космоса. Ах, как славно будет, может быть, прогуляться однажды до маяка по Чапаева-Архиерейской в сторону Декабристов!

Где-то здесь, в округе, живет еще один местный гений, Алексей Рыжков. Мало того, что отличный книжный иллюстратор, так еще художник-график городских ландшафтов грандиозный, остроумный, яркий, точный. На всех его картинах (в пространстве вернисажа ли, на календарях, открытках или банковских картах) все дома ворочаются, не стоят спокойно. Они живые, знаете ли, хоть совсем недавно выстроенные или многовековые.

Архиерейская когда-то, в добажовские времена, была райончиком зажиточным, нарядным, модным. Здесь строилось не только множество двухэтажных полукаменных домов, но и затейливые кирпичные особняки, а также гениально спроектированные и замечательно отстроенные усадьбы в три этажа, которые иначе как купеческими дворцами и не называли. Тротуары здесь были чисты даже в самую скверную погоду, поскольку выкладывались широкими гранитными плитами.

Дворцовая архитектура далеко не всегда была выдержана в идеальной классической стилистике, чаще она расцветала махровой

эkleктикой, в угоду купеческим вкусам. Какая же разница, эkleктичная классика или классицизм, главное – чтобы дорого, броско, богато, чтобы дворец на улице дворцов выглядел не хуже, чем резиденция епископа с большим архиерейским садом, и даже лучше, чем соседние дворцы. Некоторые из них сохранились по сей день, пережив период революционных преобразований, расселивший по завоеванным дворцам детские дома, пионерские коммуны, школы, приюты для беспризорников. Тогда-то горожане и придумали называть это место «Детский городок». Сегодня в одном из этих дворцовых ансамблей живет огромная Библиотека имени Герцена, а также милая детская библиотека, «малая Герценка», как ее называют в народе.

На тесном тротуаре узенького Царского моста остановимся. Дорогие мои «витязи на распутье», если направо по улице Декабристов пойдем, можем увидеть там крохотный парк Павлика Морозова, Оровайские казармы, скромный телецентр, площадь Оборона, аккуратную Метеогорку (бывшую Плешивую или Обсерваторскую) и гранитные верстовые столбы с металлическими орлами на вершинах, обозначающие начало Сибирского тракта, если же решим пойти налево, быстро дотопаем до парка Зеленая роща (Ново-Тихвинского женского монастыря) и до Московской горки, утыканной частоколом нарядных высоток.

Прежде чем двигаться дальше, давайте постоим, покрутим по округе головами.

С этой стороны, окруженный высокими ширмами новостроек, отлично виден первый на Урале армянский храм (церковь Святого Карапета), как и подобает, отделанный розовым туфом, специально привезенным из каменоломен Арарата. Рядом – старообрядческая церковь. По другую сторону моста строится классическая мечеть, виднеется авангардная синагога, далее – стройная свечка колокольни Большого Златоуста. Хоть эту-то идею город воплотил, расположив храмы всех конфессий вдоль набережной центра. Жаль, что саму набережную пока не выстроил, как положено. Ну, соорудит еще, наверное, время же есть.

В начале девятнадцатого века кортеж императора Александра Первого проехался по этому мосту всего-то один раз, с тех пор мост и называется царским. Уютный он, любимый городом (не Александр, конечно же, мост). Каменное основание в несколько массивных арок, чугунные перила, кованые фонари, полуразрушенная колоннада ограды какого-то незнакомого мне особняка или сада, замаскированная многими слоями бледной штукатурки и краски, кирпичные трубы Пивомедоваренного завода мещанина Гребенькова, украшенные причудливыми коваными шарами-громоотводами – все это подлинные штрихи городской истории. Да, это самый что ни на есть

настоящий старый Екатеринбург, опять черты к портрету.

Пивзавод Гребенькова поначалу развозил на подводах по городу сорок тысяч ведер пива и две тысячи ведер медовухи в год. Городу хватало. Народонаселения-то в нем в те времена было каких-то тридцать-сорок тысяч горожан, и далеко не все они могли позволить себе пиво – напиток элитарный, дорогой, изысканный. Простой екатеринбургский люд легко обходился дешевыми водками из казенных кабаков на Обжорной или Дровяной площади. А потом Гребеньков мгновенно перепрофилировал предприятие в Завод фруктовых вод, поскольку период распада Империи, как и всегда у нас бывает, ознаменовался жесткой борьбой с пьянством. Идеальная трезвость тогда почему-то опять не победила, Царская Россия громко рухнула, а завод газировок и соков живехонек по сей день, пережив и многие другие антиалкогольные кампании разных времен и общественно-государственных систем. Сегодня он называется «Тонус».

Не отвлекаясь ни направо, ни налево, идемте прямо по улице Красной Розы (в смысле, Розы Люксембург) мимо Медицинской академии и Творческих мастерских Союза художников.

Улиц с красно-советскими именами, как вы заметили, в городе множество, нам еще предстоит погулять по Карлу и по Кларе (Либкнехту и Цеткин). Прогрессивные немецкие

революционеры ни разу в этих местах не бывали, и очень сомневаюсь, знали ли вообще хоть что-либо об этом городе в глубине России, но их бессмертные идеи о социальной справедливости настолько впечатлили местных прогрессистов, активистов и энтузиастов, что добрая половина городской топонимики после революции полыхнула алым цветом. А ведь изначально улица называлась Заячий порядок, потом просто Заячья улица, потом – улица Златоустовская. Не имена, а музыка! Но возвращать крестильные названия улиц на карту города никто не торопится.

Сегодняшние активисты увлечены другими идеями. Боюсь, как бы они чего-нибудь не раскачали опять в мироустройстве до основания, и не взялись бы сызнова все переделывать да переименовывать. И эти страхи вполне реальны. Бург – город прогрессистов, это точно. Город активного продвижения интересных, свежих, ярких, но не всегда родных, и далеко не всегда безусловных идей.

Смотрите, с интервалом в несколько лет, те же самые горожане собирали тысячные митинги в поддержку царской армии на фронтах Первой Мировой войны, единодушно приветствовали трехсотлетний юбилей царствующего Дома Романовых, всем миром покупали миллионные тиражи «Красных яичек», поддерживая сирот, сотнями выстраивались в живописные группы на площадях, упоенно занимаясь «Сокольской

гимнастикой». А потом они же с удовольствием митинговали за Советскую власть, устраивали забастовки, стачки и «маёвки», сносили памятники, жгли купеческие и присутственные дома, воевали на баррикадах. Потом были семьдесят лет советского строительства, их же энергией напитанные, потом – период развала Союза, их же усилиями произведенный, потом – новейшее капиталистическое строительство, на тех же самых основах. О сегодняшнем дне промолчу, опасаясь неосторожным словом обидеть современных энтузиастов.

Заячий порядок, право слово! По мне, так непременно надо бы вернуть в черту города улицу с этим достопримечательным и многозначным именем. Более емкого и точного определения нам всем, из поколения в поколение упрямо тормозящим суету на этих исторических пространствах, не найти.

Идем прямо по Златоустовской к дому Железнова. Это даже не купеческий дворец, а сказочный терем с шатровыми крышами, высокой кирпичной оградой (которая сама по себе произведение искусства), с массивными воротами, прекрасными деревянными окнами в кирпичных наличниках и гордым флюгером. Вот кто придумал называть такую красоту – псевдорусский стиль? Филигранное подобие деревянной резьбы, но только из кирпича. Глаз не отвести!

В юности был совершенно убежден, что Васса Железнова из романа Горького жила именно в этом доме. Некоторые мои земляки всю голову вам заморочат, доказывая, что все события из того сочинения произошли именно здесь, мол, прямой прототип. Не верьте. Умопомрачительно успешный золотопромышленник Железнов, торговавший еще порохом и динамитом, говорят, шибко намаялся с любимой женой. Для нее-то и выстроил весь этот дом с экзотичным садом до реки, флигелями, фонтанами, зверинцами, голубятнями и оранжереями. Жена Железнова сначала страдала клептоманией, а потом – серьезной душевной болезнью (гостей не принять, в свет не вывезти, за границу не съездить). Так и просидела она, горемыка, у него всю жизнь за высоким забором в роскошном дворце. Согласитесь, потрясающий, совсем не горьковский сюжет, который еще ждет своего автора.

«Что крестьянин, то и обезьянин» – поговорка великолепная и злободневная! Несколько соотечественников на полном серьезе мне рассказывали о встречах на этом гранитном крыльце, между двух пузатых колонн серого мрамора, с привидением Белой барыни (аналогом европейского призрака Белой дамы). Едва различимый силуэт, говорят, особенно хорошо заметен в вечерних летних сумерках и благоухает он заграничными лавандовыми духами. Еще бы, где-нибудь в недрах заросшего

сада, наверное, сохранился куст лаванды. А впрочем, я так ироничен просто потому, что ни разу не видел ее и не нюхал.

Выходим на безымянную площадь, довольно гармоничную и яркую, по которой улица Розы Люксембург делает элегантный зигзаг, продолжая манить нас в сторону совсем уже близкого центра. Предлагаю пока посидеть на скамейке в окружении буйных газонов и цветников, немного передохнуть. Могу ошибаться, но имени совсем недавно сформированной площади город пока не придумал. Рядом и по-прежнему популярная общественная баня «на тысячу персон», построенная почти сто лет назад, и Кафедральный собор, и Духовная семинария, и Центр международной торговли, и «Атриум палас отель», громадины высотных офисов промышленных компаний и банков, отель «Онегин», рестораны и кафе. В общем, все самое необходимое под рукой.

Пора бы и позавтракать. Наш первый легкий екатеринбургский завтрак может состояться в кафе «Энгельс» или «Моне», а лучше – в панорамном ресторанчике «Онегин». Оттуда и окрестности видны прекрасно.

Свято-Троицкий кафедральный собор, возведенный в совершенно идеальных пропорциях классицизма, лишь относительно недавно возвратился к своему изначальному облику, нахлебавшись прогрессивных

преобразований досыта. В советские годы в нем, обезглавленном и перестроенном, жил Дворец культуры автомобилистов. Однако свято место пусто не бывает, это верно. Прекрасно помню ощущения долгожданного свежего воздуха на первых концертах Свердловского рок-клуба под этими сводами, и, конечно же, «Серебро господ моего» из уст молодого БГ, впервые услышанное именно здесь. Кстати говоря, происходили все эти откровения где-то рядом с ныне восстановленным храмовым приделом во имя святителя Иоанна Златоуста (отсюда старое имя улицы – Златоустовская). Попробуй, не поверь после такого-то в мистические предопределения и прозрачные намеки провидения. Гений места не дремлет, его дыхание чувствуется даже в самые душные и смутные времена.

Идем по улице особняков к Музею радио. Да, в этом доме жил когда-то изобретатель радио Александр Попов. Однако домом Попова одноэтажный каменный особняк с высокими окнами в городе никто не называет. Помнят горожане, наверное, что великий ученый просто снимал здесь даже не квартиру, а маленькую комнату в доме священника. Хозяин, поговаривают, изрядно скуповатым был и часто жадничал, постоянно повышая квартирную плату и стоимость дров, этим-то и запомнился истории. Настоящие дома Попова находятся в Краснотурьинске и Санкт-Петербурге. А вот музей получился очень емкий, интересный,

богатый подлинными экспонатами, в нем даже небольшому планетарию нашлось место.

Подойдя к Центральной гостинице на улице красного командира Малышева (бывшем Покровском проспекте), имеет смысл постоять на одной из старейших магистралей города под ажурным угловым балконом Американской гостиницы (ныне Художественного училища имени Шадра), взглядеться пристальнее в лица прохожих и автомобилистов, понаблюдать за их манерами, повадками и ритмами. Иногда они рассказывают о городе много лучше фасадов или площадей. Попробуем сложить из множества различных человеческих штрихов и черточек некую базовую черту городского характера. У Чехова в свое время это дело очень даже неплохо здесь получилось, как и у Высоцкого, к слову сказать.

«В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула... Колокола звонят великолепно, бархатно. Остановился я в Американской гостинице (очень недурной), – писал Антон Павлович домашним по дороге на Сахалин. – Проснувшись вчера утром и поглядев в вагонное окно, я почувствовал к природе отвращение: земля белая, деревья покрыты инеем и за поездом гонится настоящая метелица. Ну, не возмутительно ли? Не сукины ли сыны?.. Калош у меня нет, натянул я большие сапоги и, пока дошел до буфета с кофе, продушил дегтем всю Уральскую область. А

приехал в Екатеринбург – тут дождь, снег и крупа. Натягиваю кожаное пальто. Извозчики – это нечто невообразимое по своей убогости. Грязные, мокрые, без рессор; передние ноги у лошади расставлены так, – в этом месте Чехов кое-что нарисовал, – копыта громадные, спина тощая... Здешние дрожки – это аляповатая пародия на наши брички. К бричке приделан оборванный верх, вот и всё. И чем правильнее я нарисовал бы здешнего извозчика с его пролеткой, тем больше бы он походил на карикатуру. Ездят не по мостовой, на которой тряско, а около канав, где грязно и, стало быть, мягко».

Ну, Чехову только с погодой не особенно повезло, с качеством дорог да с техническим состоянием гужевого транспорта, а в остальном-то, согласитесь, очень много схожих черт с тем, что мы теперь видим вокруг. Карикатур по-прежнему много.

Вот вам еще одна язвительная, но точная характеристика облика типичного жителя уездной столицы Урала от последнего гения русской словесности:

«Здешние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик. Входит в номер с самоваром или с графином и,

того гляди, уььет. Я сторонюсь. Сегодня утром входит один такой – скуластый, лобастый, угрюмый, ростом под потолок, в плечах сажень, да еще к тому же в шубе. Ну, думаю, этот непременно уььет».

Такое вот преувеличенно литературное впечатление, довольно едкая путевая заметка. Нечто вроде ужаса... Ха-ха. Ну, а чего же мы хотели разглядеть? Я бы добавил к этому описанию еще одну примечательную черту – здешний народ в массе своей коренаст, недоверчив и неприветлив, он крепко стоит на земле. Уральская порода, знаете ли, дети рабочих и внуки мастеровых, потомки ссыльнокаторжных и крепостных, согнанных сюда со всей Империи на строительство заводов. Бажов о них отменно написал, все они искренни, добры, великодушны, но не для всех и не всегда. Уж он-то знал прекрасно, что говорит и зачем.

Кстати говоря, прямо напротив Центральной гостиницы давным-давно располагался небольшой костёл, а рядом – обширное кладбище первых строителей Екатеринбурга. Фундаменты всех сегодняшних особнячков, многоэтажек и высоток стоят на нём. Тяжко наш завод и город строился, в прямом смысле слова, на костях.

Кладбище находилось за первым городским валом, то есть за чертой города, по сути, города-крепости. Только в центре той крепости находились не княжеские палаты, не

усадебная усадьба воеводы и не резиденция губернатора, а самый крупный завод и Горная канцелярия (Сибирское высшее горное начальство), так называемая «Обер бергамт», то есть, Горное правление всеми казенными заводами Урала и Сибири.

До чего диковинные, непривычные нашему уху наименования, далеко не всеми современниками тоже понятые и принятые сразу. Как, впрочем, и вся затея. По тем временам непостижимо авангардная и шибко прогрессивная черта в русском градостроении. Таким вот образом Петр Первый сеял по Руси провинциальные центры, не только промышленные, но и административные. Наипервейший русский прогрессист, медный бюст которого по праву стоит в самом сердце Екатеринбургa, на плотине, рядом с паровыми молотами и гигантскими шестернями железоделательных механизмов. Бург имени Екатерины (не царицы, а святой) задумывался центром промышленным и чиновным, каковым, собственно говоря, и получился. Столетия спустя он продолжал строить заводы и наращивать промышленную мощь. Методы строительства с веками ничуть не менялись, промышленное могущество строилось на крови.

Мы во все те времена еще заглянем, а пока по другим прогуляемся.

Не отвлекаясь на памятник Человеку-невидимке у Библиотеки Белинского и на

окрестные музеи, идем к небоскребу «Высоцкий» (самому крупному в азиатской части континента), в народе этот цилиндр из стекла и бетона начали было дразнить «термосом», но, когда ему присвоили столь высокое имя, когда в нем разместили замечательный музей поэта, а у подножия поставили бронзовый памятник Владимиру и Марине, обидное прозвище сразу забылось. Еще здесь живут магазины, кафе, ночные клубы, а также сотни офисов больших и малых компаний. Над пятидесятым этажом находится самая высокая смотровая площадка города, предусмотрительно огражденная стеклом и безопасными архитектурными решениями – надежными защитами от самоубийц, когда-то доставлявших множество хлопот хозяевам соседнего небоскреба по имени Антей. Прежде чем вскарабкаться на эту верхотуру, и взглянуть на город с птичьей высоты, надо бы зайти в музей, он того стоит, и, что особенно приятно, вход в него свободный.

«А вообще – гнусно. И город, и народ, и все. Город такой тусклый, время – на два часа быстрее. Организм дряхлеет. До чего же здесь гнусно. Кто может жить здесь, – тот ежеминутно совершает подвиг, – писал Владимир Высоцкий первой жене с гастролей из города Свердловска весной 1962 года. – Уже на подъезде ощутил я влияние Стронция-90, потому что запахло гарью и настроение резко ухудшилось, в самом же городе, как говорят, махровым цветом расцвела

радиация, и люди мрут как мухи. За окном – мерзкая мелкая дрянь падает с неба, и все артисты бегают по магазинам и ищут противорадиационные шмотки... Свердловск производит бог знает что, Стронций выпадает в виде снега, люди мрут как в Швеции... Передай маме, что если бы не кожанка, я давно бы с лучевой болезнью лежал и угасал, и кто-то вынужден был бы давать мне костный мозг для инъекции».

Теперь весь подлинный интерьер того самого номера, где писалось письмо, вместе с мебелью, стенами, унылой ковровой дорожкой, бледными шторами, стандартным графином, гранеными стаканами, пепельницей, радиоприемником, телефоном, настольной лампой, зеркалом и даже постельным бельем из гостиницы «Большой Урал», в которой жил поэт, бережно хранится в музее. Тут же и настоящий гримировальный столик из «Театра на Таганке», и знаменитый «Мерседес» № 71-76, многие личные вещи и гитара, плюс афиши, документы, фотографии, письма. Тут же и восковая фигура Высоцкого. Чувствуется, город его прекрасно помнит и любит искренне.

Взмываем вверх на скоростном лифте. Это хорошо, что едем к небу, а не идем и не бежим вприпрыжку, как некоторые очень спортивные екатеринбуржцы, время от времени участвующие в любимом городском состязании «Забег на небоскроб». Нам же не медали и призы нужны,

нам необходимы панорамы и высокие впечатления.

В пространстве между небом и землей, над сизым городом с пестрыми крышами под синим небом, суть места, о котором мы сегодня столько говорили, и станем еще больше говорить и думать, проявляется чрезвычайно ярко, обобщая и сгущая размышления. Это вам не на карту в путеводителе посмотреть, это взгляд на что-то основное, истинное, ясное. Возвысимся немного над нюансами, поднимемся над суетой, оставив там, внизу, городские оттенки и штрихи разных эпох, более актуальные параграфам тоскливого учебника истории, или какому-нибудь тщательному краеведческому эссе с диким количеством дат, имен, цитат и карт. Вот же она, живая карта Екатеринбурга, прямо перед глазами!

Дом Бажова и район, в котором началась наша экскурсия (и которым, по законам логики, она должна завершиться), отсюда и не разглядеть. Но мы-то знаем, он там есть! Машинная видна прекрасно, как и многоуровневая развязка, ведущая к аэропорту. Прижилось в народе имя этой трассы – Россельбан. Надо же, парадоксального и деятельного губернатора Эдуарда Россея давным-давно здесь нет, а дорога его имени в памяти сохраняется до сей поры. Слева от шоссе – Парк Маяковского, плавно переходящий в лесопарк, справа – Рощинская улица на берегу

Нижне-Исетского пруда, гора Уктус, Химмаш. Это, стало быть, НИЗ города Екатеринбурга. Низовья Исети. Ну, вы помните, там же был Нижне-Исетский завод когда-то, о котором мало кто из горожан сегодня знает.

Теперь, пожалуйста, посмотрите в противоположную сторону. Это, стало быть, ВИЗ. Верховья градообразующей реки. Верх-Исетский завод мало того, что виден замечательно, так он и в памяти, и в речи местных жителей живет-поживает прекрасно. А чуть правее от него – Уралмаш (тот самый, знаменитый и суровый) топорщится полосатыми трубами, километровыми заводскими корпусами и многокилометровыми спальными районами.

Еще правее – широкое озеро Шарташ, за которым живет, давно уже ставший частью Бурга (многие районы находятся гораздо дальше от центра, чем он), город-спутник по имени Берёзовский – родина первого русского золота. А там, вдалеке, аккурат перед озером что-то очень похожее на скалы. Это – Каменные палатки, подлинная частица Уральских гор, сохраненная в черте города. Нам на них сегодня обязательно надо бы совершить восхождение.

У подножия «Высоцкого» бликует городской пруд с очаровательной стрелкой и зданием в виде корабля, входящего в гавань. По диагонали от него – Екатеринбург-Сити сияет над гранитной набережной так, что аж глаза слепит. Нью-Йорковой и Гонконговской тесноты

нам тут, видимо, очень не хватало, вот и устроили себе нагромождение из высотных коробов и цилиндров с зеркальными стеклами в самом центре уездной столицы, снеся до основания старинный район усадеб и особняков, узкие мостовые которого сплошь были выложены булыжной брусчаткой столетней давности.

Народу новая прогрессивная архитектура очень даже нравится, как в свое время классицизм и конструктивизм полюбился. Здесь быстро влюбляются в чужую идею (не важно, из каких таких столиц к нам долетевшую), и чем глобальнее она, чем зарубежнее, тем лучше. Мы, знаете ли, тоже столица, пускай и провинциальная, и хотим, чтобы у нас тут было не хуже, чем у людей (с динамичными ритмами, с многотысячной толпой в метро, с автомобильными заторами в час пик, с туманами смога жарким летом, с громадным фейерверком и концертами по праздникам).

За три столетия мы выстроили на этой земле гигантский город-склад для хранения активистов и чиновников, мещан и мастеровых, купцов и крепостных, а также славных гопников, военных, инженеров, литераторов, ученых, музыкантов, артистов, студентов, бандитов, драматургов, воров и поэтов...

Человеческий склад продолжает быстро разрастаться, уничтожая плавные природные линии окружающих лесистых холмов прямоугольниками новостроек. Вот они,

каменные цветы Уральских гор! В гуще этих складских штабелей, за углами и окраинными закоулками, выращивается новый тип здешнего жителя постиндустриальной эпохи – человек двора. Во многих местах родного города, где мы с вами уже побывали, он не бывал никогда. Надо будет как-нибудь хорошенько додумать, чем он походит на дворовых людей предыдущих столетий, и чем отличается. Не только же внешней угрюмостью. Тоже тема, ожидающая своего автора. Ведь точно так же удивительно походят-отличаются теперешние небоскребы и языческие идолы.

И куда мы пойдём, с небес спустившись? К самому прославленному здешнему идолу, конечно, – к Шигирскому! А по дороге на некоторых других идолов посмотрим.

По переулку у гостиницы «Большой Урал», мимо офисно-торгового небоскреба «Антей», выходим к скверу на задворках Оперного театра. Казалось бы, задворки, а как живописно они выглядят! Даже и не верится, что когда-то здесь находилась темная Дровяная площадь с трактирами для сотен извозчиков, с коновязью для их лошадей, со сточными канавами для обильных ручьев навоза и с хаотичными площадками для штабелей строительного леса и подвод с дровами. Соответственно, запах разносился на полгорода. Рядышком иногда воздвигались балаганы, а потом, в деревянном цирке, шли не только цирковые программы, но и

драматические спектакли разнообразных антреприз, больше похожие на оперетты или водевили, а также первые сеансы синематографа.

Сегодня тут и симпатичный фонтан, и широкие скамейки с крупными урнами, и ровные дорожки среди подстриженных кустов, и приятные деревья (лиственные, хвойные), за которыми виден уютный терем Театра кукол и серая стена оборонного предприятия по прозвищу «Пентагон». Вокруг – светливый город, а здесь – безмятежная тишина. В таких местах не только постоянно пасутся беспечные туристы, но и вечно пасмурный местный люд как-то приветливее здесь становится. В конце аллеи белые гипсовые львы на цементных постаментах, улыбаясь, охраняют невысокую лестницу на входе в сквер. По ней-то мы и выйдем на Главный проспект (ныне – проспект Ленина).

Когда на мрачной Дровяной площади в 1912 году построили белоснежный Новый городской театр, народ начал звать его Светланой (под этим именем проект инженера Семенова и архитектора Бабарыкина участвовал в конкурсе). Так и говорили: «А что у Светланы дают? Поедьте в Светлану на балет! Нет, я к Светлане оперу поеду слушать». Театр оперы и балета стоял посреди квартала унылых пустырей и мещанских домов еще долгое время. Говорят, что тогда-то у него появилось еще одно домашнее прозвище – Лебедь. Идеальные пропорции светлых фасадов и зала, прекрасная акустика,

гармоничные интерьеры – все это, действительно, что-то лебединое напоминает. Практически со дня открытия театр начал собирать постоянную оперную и балетную труппу, в разные времена здесь пели Собинов, Козловский, Лемешев, Архипова, Образцова. Теперь это чуть ли не самый популярный и посещаемый театр города.

Напротив театра – основательный и строгий фасад Университета, отделанный каким-то благородным материалом под темно-серый камень, а между Оперой и Универсом на огромном постаменте из гранитных глыб пляшет коренастый черный человечек. И нечего смеяться! Это памятник великому революционеру Якову Свердлову. Конечно, с некоторых ракурсов он и впрямь здорово смахивает на не особенно трезвого мужчину, взобравшегося на скалу. Многие в городе так его и дразнят: «Пьяненький на камушке». А памятник, на самом деле, замечателен не только с комической, но с исторической и художественной точек зрения.

Город назывался Свердловском многие советские годы. В царские времена товарищ Андрей (как звали Свердлова в большевистском подполье) с наиболее передовыми и активными местными соратниками развернул на этой территории такую кипучую деятельность, что не отметить его просто немислимо. По всему нашему маршруту уже повстречалось, и еще

многократно встретится, множество нелегальных типографий, явочных квартир, мест, где методично формировалось протестное движение, где готовились митинги, стачки, забастовки. Ко всему революционному делу на Урале, как и к уничтожению царской семьи, товарищ Яков Свердлов имеет самое непосредственное отношение (поговорим еще об этом, когда к Ипатьевскому дому подойдем). Один из самых ярких гениев становления коммунистических идей на русской почве. Скульптор Харламов достоверно воплотил портретные черты и пластику героя. И черный он всего-то потому, что вся его одежда прямо соответствует дико популярному тогда «кожаному» стилю в облике большевика: черные сапоги, брюки, куртка, фуражка. Особенно контрастно он выглядит на фоне трех алебастровых муз (с нотной книгой, факелом и лирой) абсолютно античного облика, белеющих на фронтоне театра. Лично я вот нахожу некую глубинную символику во всех этих контрастных противопоставлениях.

Прежде чем двинуться дальше, давайте-ка обойдем каменный постамент. Слишком впечатлительных попрошу удалиться! При определенном ракурсе просмотра (немного снизу), под левой ногой идола революции, гранитный рельеф постамента складывается в черты лица или даже черепа какого-то мистического существа. Уф! Получается, Свердлов вскарабкался на голову некого

полуразложившегося гиганта. Естественно, никаких таких смыслов ваятель в облик памятника не закладывал, да и не видны они на первый взгляд, обычно их старательно выискивают только студенты, школьники и прочие гуляки праздные. Однако – впечатляет. Местные называют этот визуальный эффект «Каменная рожа».

Спустившись мимо Дома печати (Типографии «Уральский рабочий») вниз по бульвару, мы бы быстро подошли к Театру музыкальной комедии, Музею истории города, Первому городскому театру (кинотеатру «Колизей»), Дому связи (Главпочтамту), а там и к Плотинке (Историческому скверу) – сердцу Екатеринбурга. Но идем мы вверх, к старому корпусу Киностудии, гостинице «Исеть», бывшему ДК Дзержинского. В общем, в сторону богатой коллекции архитектурных идей конструктивизма, к Городку чекистов.

В старом клубе ОГПУ-НКВД теперь живет Краеведческий музей, бережно сохраняющий Большого Шигирского идола. Здание потрясает не только внешними, но и внутренними архитектурными открытиями. Одна только спиралевидная лестница, закрученная «не в ту сторону», чего стоит! Пропорции музейного дома прекрасно соответствуют пропорциям главного экспоната.

Идола обнаружили в середине девятнадцатого века на Шигирском золотом

прииске, где, помимо рассыпного золота, рабочие начали находить множество странных предметов из рога, кости, дерева, камня, глины. Какая удача, все предметы были в прекрасной сохранности! Вот их и передали в УОЛЕ (знаменитое Уральское общество любителей естествознания). Доставали истукана фрагментами, по частям (это ясно – столько тысячелетий в глинистой почве пролежал на пятиметровой глубине), а когда сложили, ахнули. Ростом он получился в три метра, а некоторые историки утверждают, что на самом деле, метров в нем было более пяти. Сделан он из древесины уральской лиственницы одиннадцать тысячелетий назад. Самая древняя деревянная скульптура на земле. Подумать только, ведь он же вдвое старше пирамид Египта!

Орнаменты и личины идола (всего их разглядели семь) не дают покоя ученым умам всего мира. В отличие от каменной рожи, деревянное шигирское лицо очень приветливо и симпатично. Среди изображений исследователи находят персонажи, связанные с Верхним (небесным или космическим) и Нижним (подводным или подземным) мирами, а также фигуры, воплощающие женское и мужское начало, мир растений и мир животных.

Все это здорово напоминает оформление наших лоскутных кукол без лиц. В моем доме есть одна такая, нагуляемся – покажу. Однажды летом, на городском празднике в Литературном квартале, мне случилось ее недорого приобрести.

Причем, «торговля с рук» не была этнографической инсценировкой, несколько теток со стертыми лицами действительно пришли продать десяток-другой тряпичных куколок и нехотя рассказали, что умение их делать унаследовали от бабушек-прабабушек.

Идея трехчастного строения мироздания, заложенная в этом простеньком предмете, является своеобразным отголоском суждений наших предков об окружающем мире. По их представлениям, нижняя часть декора говорила о соприкосновении со средой обитания мрачных сил – Навью, средняя часть – с материальной средой окружающего мира, Явью, головной убор – с небом, то есть, с Правью, сферой радости, счастья, правды.

Сколько уже тысячелетий мы, как выясняется, живем в этих местах, а все никак не можем разобраться в трех началах человеческой жизни: Навь, Явь и Правь. Удивительные созвучия сакральных смыслов, заложенных в затейливом шигирском орнаменте и простых словах «Великого Полоза» из «Малахитовой шкатулки» нам, похоже, еще долго постигать придется.

С возвышенно-задумчивыми лицами, спотыкаясь о ступеньки очень помпезной и очень неудобной винтовой лестницы, спускаемся к реальностям материального мира, возвращаемся в Явь, так сказать. Город уже отоспался,

проснулся. Миллион озабоченных горожан зашумел, побежал и поехал.

Вот и мы поведем себя динамично, и пружинисто пошагаем мимо домов Городка чекистов на площадь к Дому офицеров, чтобы остановиться там, склониться да притихнуть на минуту перед памятником «Черный тюльпан», посвященном солдатам совсем недавних русских войн – афганской и чеченской. Назвать скульптуру Грюнберга идиолом язык не повернется. Черными тюльпанами звались самолеты, перевозившие домой тела погибших героев. На фоне металлических пилонов, имитирующих каркас фюзеляжа, с именами уральцев, отдавших жизнь войне, – понурая фигура сидящего солдата с автоматом. Один из немногих наших памятников истинному герою.

Теперь, – вновь в горку по Первомайской (бывшей Клубной) улице, в сторону ДК Горького, Музыкального училища имени Чайковского, Дома Метенкова (единственного на Урале фотографического музея). А потом опять чуть вниз, – к Учебному театру (бывшему Свердловскому ТЮЗу, бывшему Театральному училищу, а также бывшему Клубу общественного собрания) и к Филармонии (бывшему Деловому дому). Эта горбатая улица, та еще городская черта! Когда-то она тоже считалась загородной, до активной застройки по ней проходила граница северного полубастиона

Екатеринбургской крепости. А встреча с горбуном приносит счастье, вы же знаете.

Летний сад Общественного собрания нередко развлекал здесь гуляющую публику хоровыми и оркестровыми концертами, говорят, весьма недурными, на одном из которых, по всей вероятности, однажды побывал молодой Чайковский. Свои немногочисленные парки и скверы старый Екатеринбург гордо именовал садами. Потом этот парк стал «садом Красной армии», затем «садом Профсоюза сотворгслужащих», позднее его начали называть «Сад-театр имени Вайнера». В нем имелась эстрада, ресторан, бильярдная, танцплощадка, читальня, а впоследствии открылся первый городской мюзик-холл.

«Мне весело, когда я вспоминаю в прошлом году этот день... Я помню хор мужиков, я помню оркестр екатеринбургский», – писал юный Петя Чайковский. Это единственное упоминание города в письмах гения русского симфонизма раскопали наши дотошные краеведы. Теперь вот спорят, то ли оркестр с мужиками приезжал на гастролы в Алапаевск, то ли Петр Ильич с тетями, дядями, племянниками и другими родственниками выбирался на большую прогулку в Бург.

Да, здешние мужики не первый век уже поют превосходно. Всей России слышны! Вспомните рок-музыку или шансон, к примеру. А потому, что здесь у нас – колыбель

поразительных, любопытных, ярких, но совсем нерафинированных искусств, территория творчества от природы. Не только в музыке, еще в театре, живописи, поэзии, драматургии, журналистике, эстраде, кинематографе, литературе. Некоторые творцы дорастают до высот профессии, а большинство поет себе, как поется, в низинах культурного слоя, главное – громко.

Музыкальное училище живет напротив сада, в здании, не изменившем своего предназначения со времен возведения, редкость для города невероятная. Как соорудили этот концертный зал в самом начале двадцатого века, так и устраивают в нем классические концерты молодых исполнителей до сей поры. Меценат Маклецкий (не только успешный банкир, а еще певец и актер) специально отстроил его для «Екатеринбургского музыкального кружка любителей». Ничего себе кружок – хор, оркестр, группа популярных солистов, полноценный балет, и драматическая труппа (руководил которой Мамин-Сибиряк). Хотел бы я увидеть хоть одного сегодняшнего столь разносторонне одаренного мецената.

Некогда тоже горбатая, но основательно сглаженная в советские времена, улица Карла Либкнехта (бывшая Нагорная, Вознесенская, Большая Вознесенская, Вознесенский проспект) ведет нас на Вознесенскую горку. Заметили уже, наверное, – у подножия, пожалуй, самой

загадочной вершины Екатеринбурга, с одной стороны находится «Черный тюльпан», а с другой – «Храм на крови», прикрывающий собой печально знаменитый Ипатьевский дом.

Что-то это всё значит. Надо бы посидеть-поразмыслить об этом у памятника Комсомолу Урала. Памятник великолепный, в совершенно «мухинском» стиле исполненный. Опять ваятели не ведали, что сотворили, абсолютно не знали они, насколько символично и, при этом, очень гармонично будет выглядеть их произведение. За спиной у бронзовых комсомольцев, уверенно несущих революционный флаг, остается синяя Вознесенская церковь, а перед носом встает белый Храм на крови (на чьей именно, думаю, объяснять не нужно). Новое поколение ленинцев пришло туда, откуда вышло! Горожане остроумно называют эту композицию «Крестный ход комсомольцев».

И гора-то, вроде, невысокая, и не одни мы здесь сидим, а тишина на Вознесенке поразительная. Вот он, город, рядышком совсем. Он даже не шумит и суетится, он уже орет, гудит, рычит автомобильными моторами, иногда сиренами взывает, бежит и прыгает, толкается в толпе. А мы на городскую суматоху смотрим умиротворенно, у нас тут ветер листвою слегка шелестит, облака в куполах отражаются, голуби и воробьи пешком прохаживаются от скамейки до скамейки, неспешно отходя в сторонку, когда на их пути возникают неуклюжие скейтбордисты,

лирические пары велосипедистов или мамыши с колясками.

Знайте пожалуйста, если вдруг потеряете адрес и забудете телефон, в городе Бурге найти меня можно именно здесь. В этом месте бывать интересно, занятно, полезно. Знать не знаю, каким таким духом оно напитано, но атмосфера эта душу в относительный порядок мгновенно приводит (не мысли, а чувства).

Ой, как оказался прав Дмитрий Мамин-Сибиряк, написавший однажды: «В последний раз взглянув на картину города, как на ладони раскинувшегося на протяжении нескольких верст, я в сотый раз залюбовался этой великолепной панорамой домов, садов, церквей и точно гревшегося на солнышке Новодевичьего монастыря; что-то полное деятельности, энергии и предприимчивости чувствовалось в этой картине города, с 30-тысячным населением, заброшенного на рубеж между Европой и Азией. Можно было различить с платформы вокзала некоторые выдававшиеся своей оригинальной красотой здания, например, знаменитый харитоновский дом с громадным садом, составляющий для Екатеринбурга нечто вроде акрополя или кремля. Дальше виднелись потонувшие в зелени садов палаты магнатов-золотопромышленников, заводчиков, именитого купечества и крупных деятелей по разным отраслям обрабатывающей и добывающей промышленности».

Нечто вроде Акрополя или Кремля – это усадьба Расторгуева-Харитоновая, даже не усадьба, нет, а настоящий дворец, подлинная гордость городского зодчества. Замечательный краевед Фатеев в одной из своих статей собрал не только исторические факты, но и мифы этой древней усадьбы, что особенно интересно. Он писал: «Существует легенда, прозвучавшая из уст одной пожилой женщины Екатеринбург, поведавшей о том, что согласно их семейному преданию, прабабушка еще до своего замужества прислуживала гостям самого Николая Никитича Демидова на приемах, которые он устраивал в еще недостроенном доме. И о том, что продукты перевозили с другого берега пруда по плотине, где располагалась демидовская усадьба с конюшнями и другими строениями. Это подтверждается фрагментом генерального плана Екатеринбурга, хранящемся в областном архиве, на котором участок на берегу пруда напротив Вознесенской горки четко обозначен как «Усадьба Демидовых». Сами же постройки на этом участке не отмечены, поскольку они не были каменными».

Вы всё выспрашивали, где же тут у нас демидовские дома? Надо так понимать, что ни их домов, ни усадеб практически не сохранилось, лишь демидовские места и легенды остались. Вот они, перед нами. Дело, думаю, не только в том, что основательно Демидовы строились ближе к заводам (в Невьянске и Тагиле), и не в том, что

екатеринбургские владения самой знаменитой династии уральских промышленников были деревянными. Дому Бажова, убежден, не угрожает забвение, уж он-то никогда не затеряется в будущих веках и тысячелетиях, как и Шигирский идол. А вот ловкое богатство и далеко не всегда праведно нажитая роскошь (вспомните, хотя бы, фальшивые монеты), пускай и во славу Империи, как-то очень быстро растворяется в последующих поколениях. Правнуки этой семьи уже очень плохо говорили по-русски, изредка приезжая даже не на Урал, лишь в столицы. Потомки покинули Россию навсегда.

Споры об авторах проекта и хозяевах этого прекрасного дворца в среде местных историков не утихают. Сторонники «демидовской» версии приписывают авторство главного дома усадьбы архитектору Казакову, построившему примерно в то же самое время демидовские дома в Москве. Говорят, каким-то образом к строительству приложил руку и молодой архитектор Малахов. Некоторые называют автором итальянского зодчего Адамини, работавшего под прямым руководством знаменитого Кваренги. По версии уральского писателя Боголюбова, автор первоначального проекта будто бы отыскался на каторге. Купец Расторгуев (первый официальный хозяин, купивший недостроенный дом то ли у Демидова, то ли у вдовы губернского секретаря Исакова) обещал устроить

гениальному архитектору-самородку досрочное освобождение после окончания работ, но обещания своего не выполнил, узник был вновь водворен в Тобольск и повесился там, бедолага. Это обстоятельство, по словам наследников Расторгуева, стало причиной многих несчастий семьи. Лиственницы и липы, растущие в парке более двух веков, прекрасно об этом помнят, но молчат.

Мы обязательно с разных сторон посмотрим на уральский шедевр дворцовой и садово-парковой архитектуры – на основное здание, переходные корпуса, несколько флигелей и бельведеров, кованые ворота, оранжереи, хозяйственные дворы, конюшни, живописный парк в «английском стиле» с лучевыми аллеями, с беседкой-ротондой на островке в центре небольшого озера, другими беседками, павильонами и винным гротом. До нынешнего облика всю эту красоту достроил зять первого хозяина, Харитонов, сосланный впоследствии по указу Императора на дальние задворки тогдашней Империи, в глухую Чухляндию, как говорят, за самодурство изрядное и неимоверно зверское отношение к работному люду.

Вот вам весьма любопытные штрихи тогдашних купеческих нравов, записанные потомками Расторгуевых-Харитоновых: «В семье бабушки Ольги Петровны сохранились рассказы, рисующие самодурства, вроде того, как на свадьбе у одного из Расторгуевых поливали всю

дорогу от церкви до дома шампанским, или рассказ о двух сестрах, дочерях Льва Расторгуева, Марии Львовне Харитоновой и Екатерине Львовне Зотовой, которые жили в большом расторгуевском доме в Екатеринбурге на разных половинах. У каждой половины был отдельный подъезд, сестры были в давней ссоре и лишь один раз в году, для соблюдения приличий, они обменивались визитами. Причем, закладывалась карета, в нее садилась одна из прабабушек и торжественно, с лакеем на козлах, карета огибала дом и останавливалась у подъезда другой прабабушки. Просидев у сестры положенное время, она тем же порядком возвращалась на свою половину, а через некоторое время другая сестра таким же манером отдавала визит».

Еще предания нашептывают о таинственных подвалах, где томились мятежники с заводов, о целой сети подземелий, расползающихся от дома во все стороны. И никакие это не легенды. Лет примерно сто назад, перед входом во дворец, случился огромный провал и открылся каменный тоннель с высоченными сводами. А в свердловские времена, при очистке пруда, на его северо-западном берегу, вдруг открылось большущее отверстие с ходом. Да и потом землекопы разных времен многократно натыкались на реальные остатки подземных ходов.

В юности я часто ходил здесь по очень глубокому и длинному подземному переходу от

смотровой площадки, зачем-то оставленной градостроителями в облике сегодняшней Вознесенской горки, на кинопремьеры и концерты в «Космос». Переход, говорят, был построен на месте одного из старинных подземных тоннелей, над которым стоял обветшавший Ипатьевский дом, пока еще не снесенный Ельциным, и другие полуразрушенные дома (мещанские, купеческие) за новенькими зелеными заборами. Тогда, к приезду какого-то московского чиновника высокого ранга, все пустыри и городские руины прикрыли такими вот заборными ширмами. На какое-то время у города появилось еще одно ироничное прозвище – Зеленозаборск.

Прежде чем с удовольствием побродить по густо заросшим аллеям Харитоновского парка, нам просто необходимо постоять немного на смотровой площадке, посмотреть по сторонам.

Если бы не холмистый ландшафт, на котором базируются ракетно-космические силуэты храмовых колоколен, где редкие башни, шпили и отдельные идолоподобные небоскребы царапают облака, панорама смотрелась бы безукоризненно конструктивистской. Не зря же город, пока сохраняющий полторы сотни архитектурных памятников тридцатых годов двадцатого века, называют «жемчужиной конструктивизма». Так себе метафора, скорее он напоминает груды сросшихся кристаллов. У жемчуга ведь линии плавные, а здесь – сплошные

углы и грани. Плоские друзы из кубов и коробов – жилые, административные, торговые, офисные – рассыпаны по всем сторонам до горизонта. Кое-где виднеются плечи площадей и скверов, стадионы и спортивные арены тоже хорошо видны. Неровная сеть улиц, бульваров, проспектов приводит нагромождение старых и новых домов в некий порядок, пускай и не совсем безупречный. Над извилистой рекой торчит уже знакомая нам, лишь наполовину построенная телебашня. Надо же, а все они вместе – стройно складываются в довольно гармоничный, почитай идеальный пейзаж.

Почти три века Екатеринбург, а я в нем уже прожил ровно половину века, не так уж мало. Почти за каждым домом этой панорамы находится множество личных событий, либо же открытий и лакомых исторических фактов, впечатливших меня не на шутку. Да не обо мне сегодня идет речь (разве что совсем немного, в основном, для убедительности анекдотов, баек, сплетен, легенд и прочих экскурсоводческих забав). У нас прогулка по сегодняшнему городу и чрезвычайно занятным городским мемуарам.

Вдоволь надышавшись свежим воздухом пополам с историческими ощущениями, насмотревшись на парк, на задворки усадьбы, на озеро и на задворки ТюЗа, выходим к улице Шевченко (бывшей Харитоновской). Под ней по-прежнему течет золотиносная река Мельковка, в тридцатые годы прошлого века спрятанная в

трубу. Золото, поговаривают, в ее водах до сих пор не иссякло, но попробуй теперь до него доберись. Когда-то здесь стояла Золотопромывальная фабрика, а народ совершенно свободно мыл золотишко в притоках. В основном, этим делом промышляли мальчишки. Сын Вениамина Метенкова, не только замечательного «фоторгафиста», как тогда говорили, создавшего круговую панораму старого Екатеринбургa, но и первого уральского кинодокументалиста, державшего фотомагазин и ателье по ту сторону Вознесенки, нашел в Мельковке небольшой самородок, на деньги от продажи которого семья жила потом не один год. Случилось это очень кстати, уже после революции, и после конфискации дома Метенкова.

Лестницу, ведущую на узкий подиум вдоль бокового фасада Театра юного зрителя от служебного входа, в кулисах называют «лесенкой инвалидов». Не слишком толковый архитектор так своеобразно спроектировал ее ступени, что, как ни старайся, а шагать по ней получается только с одной ноги. Со стороны такое восхождение выглядит очень комично. Театральные старожилы ее старательно обходят стороной, а постоянно пользуются ею разве что недавние дебютанты, пока не узнают о верной примете: ежели пройдешь по инвалидной лесенке перед премьерой – обязательно запнешься в тексте, а то и роль провалишь. Надо

нам по ней похромать непременно, у нас ведь никаких премьер не ожидается.

На аккуратной площади перед театром нужно будет поводить носом по бронзовому макету Вознесенской горки XIX века, въедливо сверяя его с нынешними высотными реалиями. Надо полюбоваться углами и стеклами театрального фасада основной сцены с узнаваемыми чертами новейшего конструктивизма, огромными вращающимися масками и коробом камерной сцены с отдельным входом, фойе и буфетом, а еще попрыгать в уютном амфитеатре для уличных представлений.

Подземный переход выводит нас к широкому (в два обхвата) стволу тополя. Болтают, будто он растет на этом месте чуть ли не триста лет, и даже его старые фотки у моста через Мельковку, еще не замурованную в трубе, предъявляют в доказательство. Не врут, похоже. Некоторые тополя, как выясняется, могут прожить от ста пятидесяти до трехсот лет. Вполне возможно, мы сейчас обнимались с настоящим ровесником города!

Из-за него выглядывают аллеи совсем не старых лиственниц, рябин, берез и яблонь, ведущие в сторону киноконцертного театра «Космос», стадиона «Динамо», к набережной пруда. Там же виднеется плоский купол Дворца игровых видов спорта по имени «Уралочка». Народ хихикает, дворец Уралочка – мужчина с дамским именем, получается. Таким

оригинальным неймингом, естественно, позанимались городские сановные чиновники. Есть у нас еще один веселый результат их творчества из области наименований – Ледовая арена с именем «Уралец».

Подходит время второго завтрака, пускай он будет советским. Вы не возражаете? Комбинат питания, на задворках концертного зала, с одноименным названием «Космос», хоть и принарядился в модные фастфудовые интерьеры, а по-прежнему угощает вкуснейшими кулебяками, беляшами, салатами, расстегаями, известными городу как минимум тридцать лет.

Слева радует глаз изумрудной травой живописнейший пологий склон, по которому скатываются стриженные шары деревьев и кустов, над которым стоит храм, высотка Газпрома и Патриаршее подворье. Все это пространство официально называется у нас Святым кварталом.

В составе шайки малолетних кладоискателей я неоднократно приезжал сюда, ползал по чердакам и подвалам снесенных ныне особняков, высчитывал те самые «двадцать три ступени вниз», простукивал стены, сдирая остатки не окончательно еще сорванных временем побледневших обоев. Однажды притащил домой заржавленный штык от винтовки. Трофей не уберег, хотя сначала победил активное неудовольствие мамы, получив-таки разрешение на постоянное

хранение своего археологического сокровища на книжной полке рядом с учебниками. Сам его потом выбросил, чем-то неприятным от него разило.

У входа в церковь поставлен, пожалуй, самый лучший памятник семье Николая Второго. Скульпторы Грюнберг и Мазаев создали удивительно драматичную и совершенную композицию из семи бронзовых фигур, спускающихся по двадцати трем ступеням, вкрут православного креста, к расстрельной комнате. В нижней (заупокойной) церкви находится условная комната, по размерам очень близкая к оригинальной, и как бы наложенная на то самое место, где был подвал Ипатьевского дома, и где произошел тот расстрел, кардинально изменивший российскую историю. Здесь же стоят два стула, принесенные убийцами царице и цесаревичу за несколько минут до расправы. Говорят, что эта казнь все же была санкционирована Свердловым, чьим именем через несколько лет и нарекли Екатеринбург на долгие советские годы.

По замыслу архитекторов, потолок в комнате открыт, с него просачивается тусклый свет. Верхний храм, как ему и подобает, высок, торжественен, ярок, даже в самую дурную погоду в нем светло, а нижний – всегда в полумраке. На мой взгляд, нисколько не походит этот «Храм-памятник во имя всех святых в земле российской просиявших» на типовую станцию метро, как его

обзывают некоторые соотечественники, весьма активные и деятельные, однако чересчур саркастичные.

За зеркальным углом Камерного театра начинается Литературный квартал, где каждый дом – чудесный памятник деревянного зодчества, сам по себе экспонат. Здесь за каждым фасадом музеи живут. Рядом – тротуары из камня и гранитных плит, концертная ракушка с трогательным амфитеатром, деревянные заборы с воротами, уютный парк в живописной ограде из кованых решеток, почтовая станция с тоже деревянными, полосатыми верстовыми столбами. Тут и памятник Пушкину, прозванный народом «Пушкин в ночнушке» (уж больно он походит на поэта, резко вскочившего с постели посреди ночи), здесь и дом Мамина-Сибиряка.

Атмосфера этого места сродни уже отведенной нами безмятежности Вознесенской горки. Истинно тихий центр. Весь этот небольшой квартал – владения Объединенного музея писателей Урала, изумительно милая кладовая ощущений старого города. Где-то рядышком располагалась еще одна почтовая станция, на которой останавливались декабристы по пути на каторгу.

А мы не станем останавливаться, наш прогулочно-туристический путь лежит вниз по Первомайской улице. В несколько шагов доходим до набережной, и затем, по набережной, к Плотинке. Эх, погиб во мне великий экскурсовод,

как же мне нравится это «посмотрите направо, посмотрите налево, обратите внимание». Перед вами резиденция губернатора, а рядом резиденция президента (бывший Дом профсоюзов, ранее – Дом Севастьянова).

Некогда, на нынешних, элегантно пустых гранитных основаниях чугунных перилл набережной стояли гипсовые скульптуры. Самая знаменитая – Девушка с веслом. Рядом были и другие девушки (с теннисной ракеткой, мячом, и прочими спортивными снарядами), ведь набережная вела к стадиону Динамо. Вот скульптор Иван Шадр ее и приукрасил самой-самой красивой серией своих работ. Но излишне обнаженных девушек, рассказывают, разгневанные горожане очень быстро побросали в пруд. А вот и враки! В сохранившихся документах есть только факт изготовления скульптуры для парка Горького в Москве, второй копии для другого парка да уменьшенной бронзовой копии для Третьяковки. И как же наши девушки? Они же были, есть же масса фотографий! Видимо, их просто изготовил какой-то другой скульптор (Шадра тогда не копировал только ленивый). А вот сбросили нагих красавиц в воду вполне реально, заменив безупречно идеальными с точки зрения общественной морали, совсем не эротичными гипсовыми вазонами.

Любимое занятие активных моралистов Екатеринбурга – сбрасывать в пруд всякую

всячину. Где-то там же, но с другой стороны, утоплены осколки Ваньки Голого. Всего-то несколько лет простоял он на основательном мраморном постаменте тоже сброшенного памятника Царю-Освободителю (чем-то очень не угодил екатеринбургским революционерам Александр Второй, отменивший в России крепостное право). Смех, да и только! Ванька Голый, метко окрещенный так народом за шибко реалистичные анатомические подробности, то есть, разобранная цементная фигура голого шестиметрового мужика с официальным названием «Памятник освобожденному труду», сделанная скульптором со странной фамилией Эрзя, на самом деле долго валялась в подвале Горного техникума. Куда подевалась потом, никто и не помнит. То ли, действительно, тихонько в пруду утопили, то ли на свалку истории вывезли.

Степан Эрзя был плодovit колоссально. Прежде чем иммигрировать в Аргентину, он понаставил по городу множество изваяний, соответствующих историческому моменту. В частности, до Ваньки на том же постаменте красовалась голова Карла Маркса в исполнении того же автора. Об этом постаменте архитектора Трапезникова мы еще поговорим, когда дойдем до главной площади. Чего только не постояло на постаменте в революционные-то времена!

Террактово-бело-бирюзовый Дом Севастьянова, тщательно отреставрированный,

сегодня принадлежит не городу, а Управлению делами Президента Российской Федерации. Теперь это - официальная резиденция главы государства в Екатеринбурге. Моя приятельница Евгения Севастьянова, разглядевшая себя в ветвях родословного дерева знаменитой купеческой фамилии, давно потерявшая интерес к вопросам реституции не то что бы дома целиком, хотя бы конюшен, любит иногда припомнить рассказы о самодурствах своего пра-пра-дедушки. Крут был Николай Севастьянов нравом, динамично и размашисто вел дела, ни с кем особенно не церемонился.

Легенды вокруг дома славные сложились. Именитый купец чуть было купол угловой ротонды не покрыл чистым золотом, о чем неоднократно подавал прошения даже на высочайшее имя, и отказался от затеи лишь, когда ему предложили для начала позолотить купола Екатерининского собора, стоящего напротив дома. Видите, на этом месте сейчас фонтан «Каменный цветок» и часовня Святой Екатерины. А когда к хозяину пришел архитектор с тремя разностильными проектами (барокко, готика, мавританский стиль) и вопросом: «В какой стилистике будем строить?», ответил трехэтажной бранью, четко сформулировав заказ: «Валяй во всех!». Архитектор Падучев спорить не стал, навалял фасадную декорацию сразу во всех стилях. Говорят, уникальный памятник эклектике

получился в результате, едва ли не единственный на континенте.

По правде говоря, все было несколько иначе. По словам уважаемых историков градостроения, дворец построен в чистом готическо-мавританском стиле и является единственным образцом этой редчайшей архитектурной стилистики в Урало-Сибирском регионе. Впрочем, вся эта стилистика ведь тоже своего рода эклектика. Вот так. А по поводу крепкого купеческого словца лично я, например, ничуть не сомневаюсь.

Мне вот интересно, а такое количество чаек над водой, прогулочных лодок, спортивных байдарок, маленьких яхт, катамаранов, и при этом уток, даже целых утиных стай, вы в центре какого-нибудь другого города встречали? Пруд иногда напоминает бассейн-лягушатник аквапарка, переполненный детьми и игрушками. Да и публика нерабочего дня, гуляющая по набережным Исторического сквера вокруг, выглядит по-ребячески беззаботно. Местных жителей в ней немного, в основном «понаехавшие» из пригородов и городов-спутников за покупками и прогулками, плюс нарядные туристы и пестрые стаи молодых аборигенов-лоботрясов – первого поколения россиян, выросшего в годы относительной свободы, стабильности и благополучия. Предыдущие эпохи нашей истории выглядят далеко не так равновесно.

В память о Петровских временах именно здесь поставили медный бюст императрицы Екатерины Первой, начертав на мраморном постаменте: «Основательнице города Екатеринбург». Именно она подписала указ о создании завода, то есть, пока только городка-крепости, собственно Бурга. Было бы верно возвратить тот бюст на место. А уже другая императрица, Екатерина Вторая, несколько позже выпустила указ об учреждении полноценного уездного города в этих местах. Наверное, было бы логично и ей соорудить здесь же не менее монументальный бюст. Памятники двум Екатеринам выглядели бы ох, как гармонично рядом с бюстами Бажова и Мамина-Сибиряка, под кронами прекрасных юных кедров, пустивших корни в основание плотины, туда, где сотни лет каменеют лиственничные сваи.

Говорят, в связи с этой исторической коллизией город порешил праздновать сразу два дня рождения в году. Один – в августе, другой – в ноябре. Нет, не в этом дело. Высоколобые краеведы спорят о том, что считать Днем рождения, дату подписания указа или дату начала работы завода. Пускай уж будут у города оба этих дня, потому что два праздника гораздо лучше, чем один!

Не отвлекаясь на богатый книжный развал и вечных книготорговцев – коренастых мужиков, одетых даже летом в современные подоби

армяков и застывших в позе мыслителя над истертыми шахматными досками, идем коротким переходом под плотиной в недра бывшего завода. Мужики с шахматами и книгами, точь-в-точь такие же, сидели тут во времена моего детства и юности.

Ничего заводского на этом месте уже нет давным-давно. Действительно, сквер, действительно, исторический. Постиндустриальный памятник месту, любимая территория гуляний и увеселений. Спокойно и радостно вокруг, шумно, улыбочиво. Водопад, фонари, сад уральских камней в человеческий рост, полукаменная водонапорная башня (ровесница завода), музей ИЗО, один из корпусов монетного двора, бюст Петра, многотонные молоты и прессы рядом с музыкальными фонтанами, кафе, туалетами, другими музеями – все в шаговой доступности.

У барельефа первым городским строителям, под фигурой типичного крестьянина в армяке, еще не ставшего мастеровым, спрятана капсула времени, прикрытая весомой чугунной крышкой. Было это в День города, отмечавшего двести пятьдесят лет от роду. Коммунисты, комсомольцы и пионеры города Свердловска, заложившие ее в торжественной обстановке, велели будущим поколениям вскрыть через полвека. Совсем уже скоро. Вот они, жители будущего, адресаты послания из советских времен: любят

старинным водопадом, беспечно поедают мороженое, пьют пиво, маскируя бутылки бумажными пакетами, катаются на скейтах, роликах, велосипедах, выгуливают детские коляски и декоративных собак, фотографируют или фотографируются, подпевают уличным музыкантам, оживленно болтают на скамейках или безмятежно лежат на газонной траве. Наступившее светлое завтра кругом.

Справедливости ради, необходимо отметить несколько темных штрихов, а то уж очень нереально совершенная, пасторально-сахарная картинка у нас получается. Народная масса неоднородна. Здесь, как и во всех других пространствах города, она разбавлена нищими и лихими людьми. Так было при царе, при социализме, при сегодняшней демократии. Новое поколение бомжей и гопников на фоне приличного люда хорошо заметно. Без ночлежек и общаг, вскармливающих это поколение, образ Бурга будет несколько фальшиво выглядеть.

Никто из знатоков екатеринбургской истории так мне и не рассказал, где именно в начале двадцатого века находились ночлежные дома ГОП (Государственного общества призрения). Запомнились только районы - центр, ВИЗ, завокзальные улицы и квартал по имени «Нахаловка» (самовольно застроенные места, невдалеке от Каменных палаток, позже прозванные Втузгородком). О высокой миссии Общества призора, как оно еще называлось, ныне

забыли практически все, помнят лишь его подопечных – гопников и гопоту. Не только помнят, знают и видят прекрасно, повсюду и ежедневно. А потому, что поменялся лишь государственно-общественный строй, само явление-то никуда не пропадало, с глаз долой исчезать оно даже не собирается. Такие вот дегтярно-мрачные тона в акварельном портрете города – тоже достопримечательность, не разглядеть ее невозможно. Казалось бы, незначительная, но страшно заметная капсула времени.

В толпе таких же, как и сам, сопливых октябрят, я тогда во все глаза смотрел на закладку автокраном гигантского металлического цилиндра с начертанием «Капсула времени», и силился представить будущее. Ничего, кроме летающих автомобилей, опыт первоклассника мне не подсказывал. Столько колоритной и новой одежды на горожанах, а также настолько свободного их поведения не то что я, никто предположить не мог в закрытом от внешнего мира и каком-то абсолютно бесцветном городе. Изредка летают в нашем небе сегодня только воздушные шары и вертолеты.

Захотим – отскочим ненадолго к нулевому километру (географическому центру Екатеринбурга), обозначенному у ступеней высокого крыльца Главпочтамта (бывшего Дома связи, еще одного конструктивистского шедевра) рядом с Музеем Камнерезного и ювелирного

искусства, со сквером Попова и памятником ученому. А можем и просто взглянуть на эти достопримечательности отсюда, от бронзового памятника отцам-основателям города, Василию Татищеву и Вильгельму де Геннину, открытого в очередные юбилейные дни, когда наш город отпраздновал двести семьдесят пять лет жизни.

Василий и Вильгельм, говорят, изрядно недолюбливали друг друга, откровенно враждовали, а на памятнике встали вместе. Народ что-то такое чувствует, сразу же перекрестил и по-прежнему дразнит их именами персонажей бестолкового мультика «Бивис и Бадхед» (уж больно походят и весьма карикатурно смотрятся). Да еще архитекторы напутали в написании имен. Тот, что в парике, без шляпы – Татищев, в шляпепотреуголке – де Генин, а не наоборот, как указано на постаменте.

Покидая Плотинку по крохотной улице Горького, топя в сторону улицы Малышева, всенепрерывнейше надо припомнить об Урало-Сибирской промышленной выставке, прошедшей на месте старого завода в конце девятнадцатого века, после которой за Екатеринбургом прочно закрепился статус не просто уездного центра, а безусловной столицы Урала.

Далеко от Исети отклоняться не станем, спустимся на набережную мимо тривиального памятника Beatles к уникальному памятнику Клавиатуре. Встанем там на заросшие травой

бетонные клавиши Contrl, Alt, Del и подпрыгнем на них разом, надавив хорошенечко. Вот мы и перезагрузили Екатеринбург! В эту милую игрушку здесь играют все, кому не лень, с утра до ночи. А ведь, наверное, и хорошо, что в городе ежедневно происходит такое количество перезагрузок.

Над символической клавиатурой громоздится Косой дом – до сей поры не понятая и не принятая чиновниками достопримечательность. Сколько раз уже снести его хотели, а горожане всё буют, не отдают это кривое кирпичное сооружение под застройку новыми домами в идеальных пропорциях. С архитектурной точки зрения он нехорош совсем, но он любим. Хотя паршив, смешон, несовершенен. За это мы его и любим.

Напротив – приветливо машет кронами удивительных деревьев парк «Дендрарий», официально – Дендрологический парк-выставка, проросший за сто лет на месте грязной Обжорной площади. К нему-то мы и двинем по пешеходному мостику, мельком оглянувшись на цирк, долгострой и новостройки у подножия недостроенной телебашни (как же ее вновь не заметить).

К товарищу Левитану идем. Вот здесь, в подвале старого особняка, на углу очередной купеческой улицы находилась студия Свердловского радиокомитета, откуда всю войну звучал голос диктора Юрия Левитана

(признанного личным врагом Адольфа Гитлера), начинающий каждую сводку новостей словами: «От советского информбюро». Жил великий диктор рядом, в сером квартале двухэтажных деревянных бараков со всеми удобствами на улице, по документам числился рядовым рабочим «Уралмашзавода».

У Мытного двора, Дома контор и Рубина, коротко посмотрев на идеальный храм-колокольню Большой Златоуст в окружении снова знаковых памятников разных времен – здания ДОСААФ и Театра эстрады (бывшего Дома политпросвещения), выворачиваем маршрут к улице Вайнера.

Прежде она называлась Успенской, одна из первых черт города, повторяющая границу крепости. Сегодня она пешеходная, торгово-развлекательная, вся уставленная бронзовыми фигурами горожан разных эпох, от совершенно неизвестных, до вполне распознаваемых личностей, вроде изобретателя двухколесного велосипеда Ефима Артамонова. А еще гуляющая публика радуется здесь изваяниям, не имеющим никакого отношения к здешним местам, Майклу Джексону, к примеру, и ликует, прикасаясь к скульптуре Гены Букина (героя зарубежного сериала, адаптированного в российский телеэфир актером Виктором Логиновым, самым знаменитым выпускником местной театральной школы). Здесь же масса других бронзовых людей: корабейник, парочка влюбленных студентов,

извозчик, нищий, автомобилист, банкир. Все из разных времен и культур, все одинаково важны и любимы народом.

Притормозим у дома с номером двенадцать, где когда-то, сразу после выхода из тюрьмы, работал библиотекарем в Потребительском и страховом обществе «Россия» революционер Вайнер. Победившая революция его именем улицу и назвала. В этом доме поселили редакции многих советских газет и Клуб рабочих корреспондентов, на сцене которого однажды выступал Владимир Маяковский. Случилось это во время его коммерческих гастролей в Екатеринбург (основные выступления проходили на сцене Делового клуба). Жил он гостинице «Ярмаркома», на соседней улице. Говорят, покуролесил поэт в этих местах с друзьями-большевиками на славу, все ресторации обошел, с театральными балеринами часто виделся, пельменей с медвежатиной наелся от души. Но и в долгу не остался, с работным людом повстречался, сразу написал тому стихи «Екатеринбург – Свердловск» и «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». Единственное записанное за ним воспоминание о Свердловске: «Черт знает что делается! Все улицы изрыты. Не город, а строительная площадка».

В смутные девяностые годы двадцатого века на улице Вайнера, плотно заставленной

торговыми киосками и запруженной свирепыми гопниками всех мастей, висела та же мрачная атмосфера, что и на Калининском проспекте или на Арбате в Москве. Заметили уже, наверное, мы тут любые столичные черты себе присваиваем моментально. В общем, едим, что дают, и едим с аппетитом. Уже тогда улица стала пешеходной, но ходить по ней вечерами было очень опасно для жизни, не то что теперь. Ох, и о первом Театре драмы надо бы подробно рассказать, и о Пассаже, ныне перестроенном, но нет. Потом когда-нибудь о них припомним, если разговор зайдет.

Выходим на Площадь пятого года (бывшую Церковную, Торговую, Кафедральную). Пускай уж ноги погудят еще немного, глаза должны увидеть и запомнить кое-что существенное. Побывать в Бурге и не повидать этих мест – по меньшей мере, легкомысленно.

На первый взгляд, места, конечно, неприглядные: памятник Ленину напротив здания мэрии со шпилем, курантами, звездой, а также со скульптурными рабочими и колхозниками по углам крыши и барельефами знаменитых революционеров на фасаде. Плюс уродливая автостоянка, нагло занимающая довольно красивую площадь целиком, плюс особняки, гимназия, консерватория, трамвайные пути, усадьбы и брусчатка. Я вот и представить себе не могу подобную парковку на Красной площади или, к примеру, на Дворцовой. Хотя,

уральским автомобилистам, видимо, «по барабану», им удобно, не первый же десяток лет они здесь паркуются. Город отчего-то терпит.

Знали бы вы, какой тут раньше храм располагался (Кафедральный собор) – гармоничный, точный, стройный. Живьем я его тоже не видал никогда, только на портретах и фотках. Самое славное изображение нашел на картинке Рыжкова, там лишь белые контуры и линии, наложенные на сегодняшнюю площадь.

Вот здесь, у храма, и стоял тот легендарный постамент архитектора Трапезникова. Множество памятников побывало на постаменте: кроме Царя-Освободителя и Освобожденного труда (Ваньки Голого), Карла Маркса и Свободы (худощавой дамы в простыне и с факелом), еще появлялись безумно популярные в те времена абстрактные футуристические конструкции из крашеной фанеры, и самый мой любимый памятник – Ремень. Чехарда возникновений и свержений монументов часто оставляла постамент без памятника, чем сразу пользовались прогрессивные ученики соседней мужской гимназии. Так что, пустым он не бывал почти никогда, всякое утро на нем появлялся кожаный ремень с гимназической пряжкой – символ борьбы за отмену телесных наказаний в гимназиях.

Короткая улочка Володарского, за площадью, приводит сразу к двум достопримечательным домам примерно из одной

и той же эпохи. Слева – ДК Свердлова (Свердловский рок-клуб), справа – Дом Ельцина (первого секретаря свердловского Обкома КПСС, позже – первого президента РФ). Соседство столь разных жилищ на одной улице, очень символично и знаково, согласитесь. Стареющие уральские рокеры предлагают переименовать ее в улицу Рока. А что, хорошая идея. Первый дом – уникальный памятник конструктивизма в жанре общественных сооружений (изначально в нем жил Клуб «Профинтерна»), второй – не менее редкий образец конструктивистского стиля в жанре жилого строительства. Целая тема для архитектурно-метафизических размышлений пытливых кулумнистов.

Из этого места впервые прозвучали на всю страну «Апрельский марш», «Чайф», «Наутилус помпилиус», «Агата Кристи», «Настя», «Урфин Джюс», «Трек», «Смысловые галлюцинации», а насколько мощно грянул голос Бориса Ельцина, думаю, долго не стоит рассказывать, и так все помнят. Кулумнисты, они разберутся, не сомневайтесь, они нам об этом еще много чего поведают в деталях, да с верными выводами. Я бы им еще одну загадочную тему подсказал. Тут неподалеку, рядом с помпезным «Ельцин Центром», на углу с улицей Челюскинцев, установлен обелиск белого мрамора, посвященный Борису Николаевичу. Цветет белый мрамор, знаете ли, зеленеет отвратительными пятнами постоянно (то ли

поставщики не тот камень скульптору подсунули, то ли другая какая чертовщина с памятником неоднозначному политику приключилась).

А нам уж отобедать пора. Здесь рядом есть замечательное кафе-музей «Демидовъ», мало того, что живущее в деревянном историческом особняке, где когда-то проживал адмирал Колчак, так и угощающее посетителей историческими блюдами. Чувствую, кое-кто скоро отведает медвежатинки в кисло-сладком соусе с гарниром из лесных ягод, стерляжьей ушицы, оленины в брусничном соусе, утки с квашеной капустой, осетрины, студня или зайца с хреном, под пирожки с грибами и расстегаи с семгой. Но сначала выглянем на Октябрьскую площадь, в парк на набережной рядом с Театром драмы, лежащий у подножия первого высотного здания советского Свердловска – Обкома партии (ныне здания правительства Свердловской области). Во как, город уже столько лет, как переименовался в Екатеринбург, а область вокруг пока еще Свердловская.

Каким же колоссальным он казался совсем недавно, этот высотный дом, прозванный в народе «член партии», на фоне окружающей застройки не выше девяти этажей. Как низок, неприметен он сейчас, на фоне башен «Исеть», «Февральская революция» и других соседних небоскребов.

А парк прекрасен, панорамы того берега отсюда открываются такие, что закачаешься. И бело-синий футуристический кораблик-то всплывает в гавань очень гармонично, к месту, и канонические купола, заставленные скучными и скученными архитектурными ящиками, прекрасно выглядят, отражаясь в зеркальной глади пруда, и Макаровский мост хорошо уравнивает картинку, и даже красная кирпичная коробка «Паровой мельницы Симанова» ничуть не портит пейзаж. Надо бы отметить, что купец первой гильдии Илья Симанов вел не только хлебно-мукомольное дело, он еще и градоначальником был аж два срока подряд (как раз на месте стадиона располагалась загородная дача предприимчивого Городского головы). Еще один штрих к разговору о черте города.

На месте этого парка Бург схоронил одну прекрасную идею, замечательно придуманную, да так и не рожденную. «Парк мировых лидеров» планировали соорудить именно здесь. Больше спорили о названии, не зная толком, где взять деньги для установки на Октябрьской площади бронзовых скульптур царей, императоров, президентов, генеральных секретарей, председателей правительств и прочих государственных мужей всех времен и народов, хоть раз побывавших в Екатеринбурге. Увековечить искренне намеривались всех подряд, от Александра Первого, Николая Второго,

Свердлова и Хрущева, Фиделя и Ганди до Ким Ир Сена, Горбачева, Ельцина, Медведева и Путина.

Жалко замысел, такой-то Парк лидеров – однозначно лучше и познавательнее, солиднее и статуснее, что ли, стандартных бронзовых прелестей типичной пешеходной улицы, которые можно найти практически в любом провинциальном центре России. Кто знает, может быть, идея прорастет когда-нибудь во времени и, возможно, в этом самом месте.

Обедаем – и едем дальше! Везет нам, не пешком шагаем, а берем извозчика, то есть, грузимся в удобное такси, и с ветерком летим в автомобиле на западную окраину города. За окнами мелькают Вечный огонь Площади коммунаров, Дворец молодежи, стадион «Урал-арена», рядом с которым, на Ивановском кладбище, похоронен Бажов, и где поставлен самый совершенный памятник писателю. Проезжаем Екатеринбургский парк, производственные корпуса завода «ВИЗ» и Верх-Исетский пруд, минуя огромные спальные районы, широкие строительные рынки, гигантские автосалоны и модные торгово-развлекательные центры. Мы въезжаем в Европу.

Обелиск «Европа-Азия» на Московском тракте, по сути, еще один макет. Это всего лишь проект, рабочий эскиз еще одной, пока не воплощенной городской идеи. Но он, хотя бы, есть в реальности, а не только в бумажных

набросках и проектно-сметной документации. Металлическая стела, очень своеобразно komponующая буквы «Е» и «А», чем-то авангардным, конструктивно-индустриальным крепко пахнет. Так и есть, архитекторы выдумали воздвигнуть здесь не стелу, а башню не ниже Эйфелевой, прямо над шоссе, ведущим из Европы в Азию.

Поведем себя экспрессивно и ярко, постоим тут разными ногами на разных частях континента, пошагаем туда и обратно по двум сторонам света, попрыгаем через границу, сфотографируемся и усядемся в автомобиль. До заката нам надо успеть прокатиться через весь город с запада на восток, к противоположной окраине.

В районе старой Коптяковской дороги посмотрим на «Мужской монастырь святых Царственных Страстотерпцев» в урочище Ганина яма. Увидим семь деревянных храмов (Николаю, Александре, Ольге, Татьяне, Марии, Анастасии, Алексею) на месте захоронения останков царской семьи. Потом глянем на Белую башню в чаще типовых районов Уралмаша и нескольких кварталов, занятых чехардой двухэтажек, очень похожих друг на друга, возведенных пленными немцами во времена Первой мировой и Великой отечественной войны.

Обратно в Азию возвращаемся по Главному проспекту мимо уже подробно изученной площади 1905 года и Плотинки, мимо

Универа и Оперного. Промчимся мимо конного памятника маршалу Жукову у здания Штаба Центрального военного округа РФ (Георгий Константинович служил здесь пять лет командующим Уральским военным округом РСФСР), и мимо замечательного Памятника горожанам (трем самым известным живописцам Урала – Виталию Воловичу, Герману Метелёву, Мише Брусиловскому). Отличное бронзовое произведение скульптора Антонова официально называется «Горожане. Разговор».

Проезжаем «Коляда-театр», недавно переделанный городом из советского двухзального кинотеатра «Искра». Удивительный человек Николай Коляда, достопримечательный очень. Сколько он денег на ремонты и свои фестивали из города вынул, скольких артистов накормил и приютил в своих квартирах. Попробовали бы чиновники средства ему на эти дела не выделить. Я, говорит, «вонький, но работяжка, у меня ведь корона с головы не упадет». О художественных достоинствах его произведений и затей ничего сказать не могу, ничегошеньки я в них не понимаю. Его первый учитель, педагог Свердловского театрального училища Вадим Николаев, метко определил активный характер будущего мастера, говоря: «если Коля в час пик втиснется в переполненный автобус, то уже через остановку будет сидеть на местах для детей и инвалидов у окошка». Активист во всех смыслах этого слова. И

телепрограмму вел, и актером трудился, был секретарем комсомольской организации и руководителем агитбригады, и журналистом работал, преподавал литературное дело и мастерство актера, организовал и ежегодно проводит литконкурс драматургов «Евразия», и главным редактором журнала «Урал» поработал, и более сотни пьес написал, и кучу спектаклей поставил, и собственный театр изладил. И главное, все это динамично, напористо, размашисто, успешно.

Вот он, уральский характер – одновременно сентиментальный, драматичный, скупой, великодушный, утонченный, наглый, жесткий. Ни у кого он не спрашивает разрешения на творчество, сам по себе упрямо прорастает там, где пожелает и там, где считает нужным. Эти черты прекрасно заметны в облике знаменитых мастеров даже одного поколения, здесь родившихся или состоявшихся: Глеба Панфилова, Александра Маслякова, Владимира Мотыля, Эрнста Неизвестного, Владимира Мулявина, Анатолия Солоницына, Сергея Арцыбашева. И, конечно же, в портретах еще множества других уроженцев Екатеринбурга разных эпох.

Огибая УПИ (ныне Уральский федеральный университет), приближаемся к Каменным палаткам в районе по прозвищу Жибайка (ЖБИ). Вскарбкаться на макушку невысокой скалы по отлогому склону не составит

труда, это под силу и ребенку, зато теперь каждый из нас может гордо говорить, что бывал в центре Урала, и даже забирался на вершину Уральских гор.

Ну, вот и славно, вот мы и поехали домой по вечерней улице Восточной, мимо пирамидальных тополей, Шарташского рынка, верстовых столбов и Центрального парка культуры и отдыха имени Маяковского.

Если осталось еще хоть немного сил на дополнительные впечатления, давайте отпустим такси восвояси и спокойно пройдемся по парку. Дом-то вот он, рядом. Входная арка и центральная аллея фонтанов после увиденного сегодня, нисколько никого не потрясут и не очаруют, зато цементный памятник Маяковскому, у подножия старого колеса обозрения, порадует. Сколько себя помню, в руки поэту, скрещенные за спиной и держащие плащ, благодарные почитатели постоянно впихивают букет цветов. В редкие дни Владимир Владимирович остается без букета.

По старому асфальту полупустых аллей, в оранжевых закатных сумерках обычно носятся рыжие стаи белок. Надеюсь, что и нынче они тут резво попрошайничают, бегают между скамейками и прыгают с ветки на ветку, а то случаются сезоны, когда их изживают отсюда на какое-то время. Дело в том, что иногда работники парка, уничтожая насекомых, заодно вытравливают всех белок и птиц. Однако на следующий год

лесная популяция настырно восстанавливается в границах парка, больше похожего на лес.

Да вот же они, живы-здоровы, родные. Особенно прогрессивные зверьки, забыв приличия, и по штанам могут забраться к заветному пакетику с орешками, и куснуть руку дающего от перевозбуждения. Потом несут, вприпрыжку, прятать свою добычу в кусты, где за ними уже наблюдают менее смелые, но очень внимательные соплеменники. Как только активисты убегают, наблюдатели невозмутимо выкапывают чужие трофеи и перепрятывают в более надежное, на их взгляд, место. Так и живут. Ничего особенного, у наших белок всё как у людей!

Каких-то пять минут, и мы, преодолев громкий машинный поток, вновь оказываемся на Четвертой загородной, проходим Троллейбусный парк, и уже поднимаемся на лестничную площадку третьего этажа пятиэтажного жилища на Машинной улице. Экскурсионный круг замкнулся!

Буквально рядом со мной, в соседней квартире, когда-то жил профессор Игорь Оранский, биоритмолог и немного литератор, чью книжку с многообещающим названием «Часы внутри нас» в юности я зачитал до дыр. Часы и века этого города уже полвека будоражат мысли, радуют или тревожат чувства, не дают успокоиться. Сегодняшняя прогулка «по верхушкам» исторических и биологических

ритмов Екатеринбурга не поскупилась на яркие темы и вычурные наблюдения для последующих более или менее глубоких размышлений.

В славном городе Бурге, в этом смысле, есть чему улыбнуться, от чего нахмуриться, и над чем почесать затылок, не правда ли?..

© Сергей Платон (С.В.Платонов), автор.